НОВАЯ ПОЛЬША

№12 (169) 2014

НАСЛЕДИЕ ЮЗЕФА ЧАПСКОГО

КИНО: ПРОСТО ЛЮБОВЬ

ЗОВ КРОВИ ПРОФЕССОРА ХИРШФЕЛЬДА

РОССИЙСКИЕ ОЧЕРКИ ИГОРЯ МЕЧИКА

ПОЛЬКИ ИЗОБРЕЛИ ИСКУССТВЕННУЮ КОСТЬ

КАК В ПОЛЬШЕ ПЬЮТ ВОДКУ

ПАУЛИНА ЦЕЛЬНИК О НЕ ИЗБРАННОМ НАРОДЕ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВСЕХ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ СО СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА, ЖЕЛАЕМ СЧАСТЬЯ, МИРА И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В НОВОМ ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 12 (169)
2014
декабрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Войцех Карпинский 3
ПОРТРЕТ ЧАПСКОГО

Из архива Второй программы Польского радио 6
ВОСПОМИНАНИЯ О ЮЗЕФЕ ЧАПСКОМ

Юзеф Чапский 11
ОБ ИЗБРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ РОЗАНОВА

Виктор Кулерский 16
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Войцех Мазярский 24
ВСЕ ЦВЕТА РУССКОГО МИРА

Эугениуш Соболь 26
РОССИЙСКИЕ ОЧЕРКИ И РЕПОРТАЖИ ИГОРЯ МЕЧИКА

Беата Мацеевская 28
ЗОВ КРОВИ ПРОФЕССОРА ХИРШФЕЛЬДА

Дорота Романовская 34
КАК ПОЛЬКИ ИЗОБРЕЛИ ИСКУССТВЕННУЮ КОСТЬ

Войцех Касс 37
БА!

Лешек Шаруга 53
ВСТРЕЧА С ГАЛЧИНСКИМ

Катажина Тарас 54
НАКОНЕЦ-ТО ПРОСТО «ЛЮБОВЬ»

Лешек Шаруга 58
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Патриция Отто, Марек Хондзинский 61
МЫ ПЬЕМ ВОДКУ, КАК 20 ЛЕТ НАЗАД

Юлиуш Цвелюх 63
СВИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Эльжбета Савицкая 67
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

О XIX ВСЕОБЩЕМ СЪЕЗДЕ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ 72

Евангелина Скалинская 75
О «НЕ ИЗБРАННОМ НАРОДЕ» ПАУЛИНЫ ЦЕЛЬНИК

Паулина Цельник 76
НЕ ИЗБРАННЫЙ НАРОД
(фрагмент книги)

Переводчики: А. Базилевский, И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко, Е. Шиманская
© Фото: Agencja Gazeta (стр. 53), Archiwum (стр. 28), Muzeum Literatury/East News (стр. 6)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер
(зам. гл. редактора)
Евангелина Скалинская
(секретариат)

Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl
Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru
Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Войцех Карпинский

ПОРТРЕТ ЧАПСКОГО

(отрывок)

Он поражал непосредственностью, проявлявшейся во всем, в том, как он жил, писал, рисовал, говорил, но в то же время он совмещал в себе множество персонажей и каждым из них был в полной мере. Художник, писатель, литературный и художественный критик, активист, публицист, солдат, «фандрайзер» парижской «Культуры», друг — он был, прежде всего, живым человеком. По-настоящему добрым, светлым, немедленно откликающимся на неправду, на шутку, на моменты восторга и моменты ужаса.

Он нырял с головой в разговор, в дискуссию, жил минутой и в то же время застывал в потоке времени. Память была одним из двигателей его деятельности, средством самоопределения в мире. Пустив корни в повседневности, умом и сердцем он пребывал в жизни духовной. Ему было необходимо иное измерение, он верил в то, что оно существует. Никто из тех, кому довелось столкнуться лично с Юзефом Чапским или с тем, что он создал, не усомнился бы в том, что эта потребность, эта ипостась в нем была. Он был живым свидетельством существования «иного мира». А ведь о вероисповедании или официальной стороне своей веры он говорил мало — он, который так ценил беседу, разговор по существу.

Также и внутренне он был скорее художником, чем философом: набрасывал эскизы интересующих его миров, не строя ни идеологии, ни системы. Себя самого и людей открывал не дедуктивным путем, не поддавался на шантаж умозрительности, и в этом была его сила; но при этом увлекался живой, критической, аналитической мыслью, и в этом тоже была его сила. Он стремился ловить мгновения реальности, был художником, боролся за новые горизонты для живописи и художников, в которых также видел путь постижения мира. «Во Франции никогда не было популярного в Польше стереотипа, что художник имеет право быть глупым» - написал он однажды с вызывающей иронией. Он не был глупым и работал над тем, чтобы не быть глупым. Он поражал конкретной и человеческой мудростью, которая не описывается жестокой и точной формулой Гомбровича «чем умнее, тем глупее», это не была мудрость умозрительная или институциональная, мудрость священников или философов. Это была мудрость его собственная, Юзефа Чапского, которую он сам добывал и развивал.

Говоря накрахмаленными словами чуждого ему ученого языка, можно было бы сказать, что он был сторонником идеографии, определения, описания и объяснения отдельных фактов, а не номологии, науки, занимающейся законами жизнедеятельности духа и тела. Он стремился дойти до сути переживания, зафиксировать смысл пережитого потрясения. Искал объяснения фактов. И тогда, когда старался найти нужное выражение для впечатления, которое произвела на него мгновенная игра света и красных бликов на чьем-то лице в кафе. И тогда, когда разыскивал нескольких пропавших без вести товарищей по оружию. И тогда, когда занимался поиском многих тысяч товарищей по неволе. И тогда, когда вступал в разговор с первым встречным, чтобы понять, что тот думает и чувствует. И тогда, когда открывал серую тетрадь и записывал ход мысли, набрасывая эскиз себя самого.

Говоря языком ему чуть более близким, но все еще далеким от его непосредственности, можно было бы сказать: он искал эпифании, охотился за мгновениями, в которых реальность открывается глазу, сердцу, телу, разуму — достаточно сосредоточенному, чтобы эти знаки распознать. Однако Чапский не верил в Богоявление на пустом месте. Наше постижение действительности происходит здесь и сейчас, на этой земле, сегодня, благодаря вчерашнему труду и с видом на завтра. Поэтому я сомневаюсь в родстве Чапского с Джойсом (хотя кто знает, его выбор «родственных» связей был так широк, что включал даже Беккета, еще более радикального в стремлении к катарсису). Он мог одновременно восхищаться Толстым — в поздние годы скорее Толстым-художником, чем моралистом, хотя

и моралистом тоже — и Достоевским; Алешей, который верил и искал святости, и Иваном, который сгорал в бунтарском огне; Кирилловым и Шатовым; на Петра Верховенского он смотрел с ужасом, и только Ставрогин был для него бесконечно далек.

Увлекался ли Чапский Гоголем? Если да, то он вышел скорее из «Шинели», чем из «Носа» (откуда, по мнению ехидных критиков, вышел Набоков). Владимир Набоков был ему чужд, в этой семье он дружил с Сергеем и Николаем, но и в этом случае не был категоричен: несколько стихотворений Владимира, несколько его описаний, а особенно его любовь к русской культуре, к Пушкину, к слову и поэзии были Чапскому близки, хотя для бесед в тени деревьев на Елисейских полях (небесных, не парижских) Чапский и Набоков выбрали себе разных собеседников. Они уже ведут эти беседы, и оба вели их еще здесь, они были важны для обоих, были их средством существования во времени, в культуре. И все-таки друг с другом, я думаю, они разговаривают мало.

Разнообразие духовных связей Чапского отражает его богатство, или, скорее, обогащает его. Эти связи были для него необходимы, животворны. Он бунтовал, хотел самостоятельно строить свой внутренний мир, но не собирался начинать с нуля. Он не считал, что создает новую литературу, новую живопись. В этом также проявлялась его сила. Радикализму современного критического сознания он сочувствовал только до определенной степени. Живопись, как и роман, как и поэзия, не представлялись ему завершенными. Искусство минувших эпох было для него живо. Его интересовали крайне скептические взгляды Поля Валери, нигилизм Чорана, в свое время он пережил увлечение Ницше, кризис выразительности, представленный в «Письме лорда Чандоса» Гофмансталя, воспринял как персональное послание, как письмо к себе и о себе, но пришел он в итоге не к тотальной критике и молчанию. Современные яды не причиняли ему вреда. Почему? Из-за его страсти к прошлому, к жизни.

Чапский был фигурой исторической, что только усложняет ситуацию, потому что в то же время он был кем-то другим. Кем? Юзефом Чапским, Юзей не только для семьи и друзей, которых были сотни, но и для тех, кого коснулся луч его присутствия.

Кем он будет (есть)? Властью взгляда. Способностью называть людей, вещи, проблемы, открывать их формы, их взаимосвязи. У него был этот дар: словами и красками создавать портрет человека, пейзажа, мертвых и неподвижных предметов — и предметов движущихся, живых, групп людей во времени и пространстве.

Сквозь произведения Чапского, его картины, рисунки, эссе, книги я вижу — их, его, самого себя и других. Они восхищают меня не только тем, что вот передо мной точный образ или рисунок, живой рассказ о людях, вещах и проблемах; они учат смотреть и говорить, в том числе и тех, кто сам не собирается ни рисовать, ни писать. Они оживляют перед нами мир, оживляют нас, оживляют Чапского. Это не просто красивая фраза. Я знаю, о чем говорю. Я не пишу картин и не рисую, но полотна Чапского научили меня не только узнавать их среди картин других художников, но и узнавать потенциальные картины Чапского на станциях метро, в природе, в театре, в кафе. Его книги буквально учили меня говорить и думать о живописи. Созданные им словесные портреты людей и душевных состояний учили меня, хотя и не научили, улавливать образы людей и явлений.

Чем были и где теперь — вид зайца много лет назад, жест руки, которая тогда показала на него — спрашивал (когда-то) Милош в своем незабвенном стихотворении. Где боль, где радость, озарение, когда они возникают — мгновенные и застывшие во времени? Но если пойти дальше — что такое и где этот дар возбуждения таких состояний? Художники — индивидуумы, индивидуалисты, но они учат нас смотреть и говорить. Чей-то взгляд загорается при виде картины, хорошей или не очень, написанной столетия назад. Чей-то голос, жажда голоса пробуждается от звуков чьего-то живого голоса.

Я знаю, что, размышляя о Юзефе Чапском, о его поразительно интенсивном существовании, я задаю вопрос высшей канцелярии, доискиваюсь законов и объяснений, хотя так от этого открещиваюсь. Одно из особенно близких ему стихотворений — а поэзия была ему необходима, хотя сам он не писал стихов, но с ее помощью открывал мир, мир поэтов и свой собственный — стихотворение о том, что наша жизнь переплетается с другими жизнями, заканчивается словами, написанными как будто специально для него: «А мой удел — нечто большее, чем этой жизни утлый пламень или узкая

лира»[1]. Но эта лира, порой узкая, порой тяжелая, или палитра, или перо помогают нам понять, что наш удел есть нечто большее; это пламя, иногда утлое, иногда вспыхивающее множеством языков, но все-таки всегда имеющее свой предел, это внутреннее пламя говорит о большем уделе. Оно освещает, позволяет разглядеть, различить и назвать вещи, благодаря нему мы отбрасываем тень, живем. Некоторым дано это пламя запечатлеть — словами, красками, последовательностью звуков. Некоторые могут передать те моменты, когда они видят ясно в восхищении.

Узкая лира, тяжелая лира, видеть ясно в восхищении — цитаты, аллюзии, продолжения, сфера французская, сфера немецкая, сфера русская, алмазные гвозди цитат, — я хватаюсь за них, чтобы как-то описать, что для меня значит его уход, его присутствие.

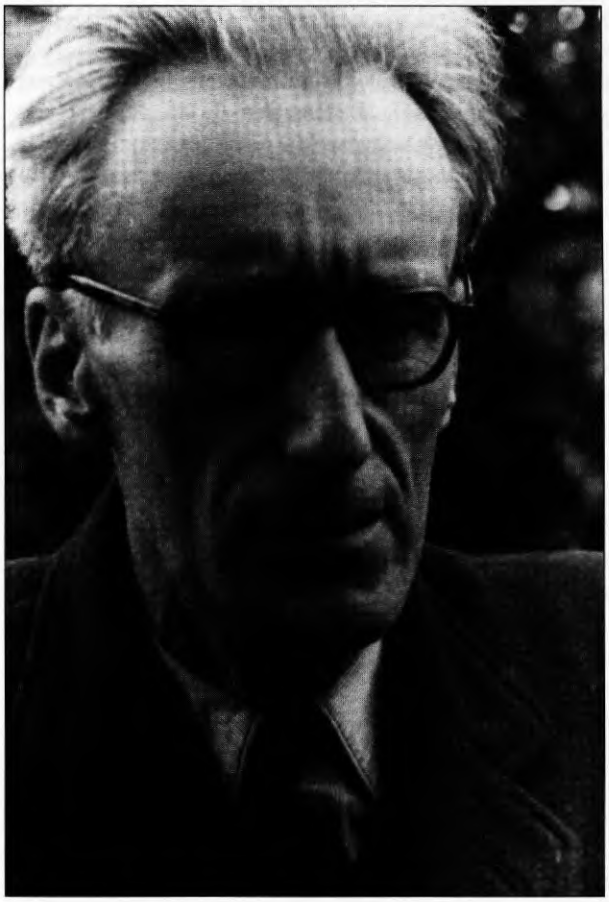
*

Я встретил его осенью 1965 года. Париж, уже не существующий теперь винный бар «La Reine Pédauque» (Под принцессой гусиной ножкой), улица La Pepinière у вокзала Сен-Лазар, рядом с конторой Конгресса свободы культуры. Я пришел туда с Зигмунтом Херцем. Мы сели недалеко от входа. Через некоторое время Зигмунт посмотрел в глубину зала и сказал: «О, Юзя». Я разглядел за дальним столиком седого мужчину в толстых очках, склоненного над тетрадью, в которой он что-то черкал, забывшись и ни на кого не обращая внимания. Зигмунт подошел к нему и пригласил за наш стол. Чапский поначалу выглядел удивленным и как будто раздраженным, что его оторвали от интересного занятия, но тут же в глазах у него зажглась искорка любопытства. Он пришел, невероятно высокий, с довольно неловкими, резкими движениями. Тогда он показался мне одновременно очень старым (ему было под семьдесят) и очень бодрым. Сел. Тут же стал разговаривать с незнакомым студентом. Сначала мы говорили о книгах. Потом немного о живописи. На следующий день под дверью *chambre de bonne*, где я поселился у знакомых знакомых, лежало письмо от него. Почта как-то вычислила адрес. Сначала я решил, что текст совершенно невозможно прочесть. Но он просто требовал иного взгляда: постепенно я стал угадывать отдельные слова. Это было продолжение нашего разговора. Потом было много писем. Я писал из Польши в шестидесятых и семидесятых годах на адрес его французских друзей, а он иногда для конспирации писал по-французски, хотя его неповторимый почерк, если бы кто-то заинтересовался перепиской, был узнаваем в мгновение ока.

[1] Стихотворение Гофмансталя «Manche freilich…». Прим. пер.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮЗЕФЕ ЧАПСКОМ

Юзефа Чапского (1896–1993), художника, писателя, одного из создателей парижской «Культуры», вспоминают представители двух разных поколений



■ АЛЕКСАНДР ЯЦКОВСКИЙ (Р. 1920) — ИСТОРИК ИСКУССТВА, ЭТНОГРАФ

С Юзефом Чапским я познакомился в 1936 году, в Сопоте, на море. Эта встреча была для меня тогда очень важной, поскольку не только помогла мне войти в мир творчества и вообще приобщиться к искусству, но стала также чрезвычайно существенной для всей системы моего мышления, для этических ценностей, которые я исповедую. Я думаю, что меня в значительной степени сформировал именно Юзеф Чапский.

Наш контакт продолжался практически без перерыва до самого начала войны. Мы виделись довольно часто. Я был под огромным впечатлением от его живописи, а может, в еще большей мере, от его отношения к людям и искусству. Чапский был человеком невероятно острого ума, он мыслил категорично, потрясающе анализировал все, что делал и говорил, но одновременно умел мыслить широко. Я не хочу сказать «толерантно», потому что толерантность у человека, имеющего определенные этические принципы, — такая толерантность имеет свои границы, но в рамках этих границ он был чрезвычайно доброжелателен к людям.

Я помню несколько трудных моментов в моей жизни, когда Юзек сумел меня как-то поддержать. Я помню, как он мне преподнес, после одного моего огромного провала — в школе был какой-то скандал, меня в результате не допустили к экзаменам на аттестат зрелости, — и тогда он подарил мне «Легенду Молодой Польши» Станислава Бжозовского. Казалось бы, это не совсем в тему, но для меня это было тогда почему-то очень важно.

И очень важна была для меня его живопись. И его отношение к работе. Он работал так, как работает ремесленник. Как ремесленник или как пианист, который должен каждый день заниматься своими упражнениями. Чапский ежедневно по утрам работал, и у него был такой стиль работы, что сначала он писал — как сам их называл — или натюрморты, или «пиленые»[1] портреты, то есть такие, можно сказать, голландские по своему типу: невероятно подробные, точные и, собственно, лишенные полета, в чем он себе прекрасно отдавал отчет, а потом из этого в какой-то момент выходили картины, написанные быстро, молниеносно, мощным таким движением кисти, — картины, которые были

[1] «Пиление» в польском сленге означает скучную, монотонную и скрупулезную работу. Прим. ред.

словно отрицанием «пиления». Я уже сейчас не помню, кто говорил, что вдохновение — это такая вещь, на которую надо честно заработать, в случае Чапского это было очень наглядно. Он всегда говорил о себе, что не слишком талантлив, и действительно у него не было такой обезьяньей ловкости, как, например, у Пикассо. Процесс рисования был для него процессом трудоемким. У него не было легкости, которая позволила бы ему играючи преодолеть возникшее препятствие. Если у него в процессе работы возникала какая-то трудность, то он ее изучал, углублял. Он с ней мучался. Люди, у которых есть дар этой невероятной легкости, умеют все это законопатить, замазать, тут поставить какое-то пятно, там еще что-то — и все в порядке. И вот здесь-то и скрыта принципиальная основа невероятной честности Чапского. Почему именно он стал для многих людей моральным авторитетом, образцом — особенно уже в те послевоенные годы, после российского опыта, после Старобельска? Именно потому, что он был безукоризненно честен по отношению к себе. Он был также честен по отношению к людям, как к листу бумаги и линии, которую на нем оставлял.

Что еще кажется мне очень важным для Чапского? Это осознанность выбора того, что он поляк. Эта осознанность выбора замечательно представлена в его текстах, это же замечательно представляет и его жизнь.

Этому выбору он далее следовал неуклонно, и это показывает его борьба — как в первый период большевицкой войны в 1920 году, так и тогда, когда он пошел ротмистром в армию в 1939-м. Затем попал в русский плен. Его патриотизм не был, однако, ограниченным, таким, как, скажем, у национал-демократов. Это был очень широкий патриотизм, объединенный с культом мысли, культом той цивилизации, которая шла с Запада, особенно из Франции.

После войны Чапский поддерживал оживленные контакты с французскими интеллектуалами. Впрочем, эти связи Чапского тянулись еще со времен, когда польские художники-колористы жили во Франции, когда именно Чапский был посредником между польскими художниками и интеллектуальной и художественной элитой Франции того времени. Он осуществлял такую связь, поскольку не все польские художники-парижане были в ладах с французским языком, как, например, Зыга Валишевский, который был, мне думается, самым выдающимся живописцем того периода. Чапский мне потом рассказывал, как Зыга шутил, что после шести лет во Франции знает сто французских слов, но не знает, что они значат. Покупки можно было делать в одной польской лавочке и нормально жить, вовсе не зная языка, особенно работая так, как работал Валишевский.

Чапский же легко завязывал знакомства и был своим человеком сразу в двух сообществах: в кругу французских интеллектуалов (особенно близок он был с Мориаком), и в кругу русской эмиграции, где он водил дружбу с восхищавшим его Дмитрием Философовым, одним из самых выдающихся представителей русской интеллектуальной элиты. Философов был для Чапского тем, кем Чапский был для меня, — кем-то вроде наставника. А поскольку все это происходило в кругу русской литературы, то я бы сказал, что он был как старец Зосима из «Братьев Карамазовых». Это был человек, к которому Чапский был преисполнен невероятного почтения и которого слушал с удивительным смирением.

Это его умение слушать мне импонировало. Такое умение характерно главным образом для писателей, оно редко случается у художников. Художники обычно нетерпеливы. В тот период Чапский был, однако, не только художником. Чапский, и это сохранилось в нем до поздних лет, развивался в двух направлениях. Он чрезвычайно интересовался всем, что происходит в современном искусстве, во французском. Он велел себе читать! Велел читать себе критику, велел читать себе книги. Уже почти не видел, рисовал почти слепой… В нем было невероятное влечение к искусству и чуткость к нему, с одной стороны, а с другой — интерес к движению, развитию мысли, к тому что лежит в основе нашей европейской культуры. Вот это, как мне кажется, и было его особой чертой. Я не знаю другого художника, не знаю человека искусства, который бы в такой степени жил в этих двух сферах одновременно: в сфере интеллектуального усилия и сфере собственного творчества.

Когда я встречался с ним уже после войны, меня поражало его умение оценить достоинства искусства, которых польские колористы вообще не видели.

В живописи Юзефа Чапского я выделяю, прежде всего, две вещи: первая — это стремление к максимально сильной цветовой экспрессии или экспрессии линии в рисунке, а вторая — это умение

видеть так, как видит кино — кинокадром. Его картины, все, что он создал, были словно подсмотрены, но подсмотрены не так, как это делается, когда создается композиция традиционной картины, где центральный объект посередине, где сохраняется такого типа симметрия. В его картинах были некие кадры, которые позволяли, даже с первого взгляда, уловить дух персонажа, всю атмосферу ситуации, которую он писал.

Это, конечно, было и до войны, в его забитом людьми автобусе — тогда одной из наиболее интересных и значительных его картин. Уже тогда это было такое видение каждого человека, видение несколько кинематографическое. Позже это очень сильно развилось. В его картинах множество каких-то бульварных театриков, каких-то бистро, где-то подсмотренных сценок. Впрочем, он же рисует, очень много рисует. Его рисунки — а их десятки тысяч — это и есть заметки об увиденном, зарисовки повседневности. Очень точно наблюдённые, выполненные быстрым штрихом, часто просто мастерские, рисунки в одно мгновение схватывают ситуацию, которая позже станет основой картины. Почти всегда именно так у него и происходило, сначала он фиксировал ситуацию, которая была ему интересна, то есть привлекала взгляд художника, его видение мира, а затем уже начиналась работа над этим — очень последовательная и очень осознанная.

Для меня Юзеф Чапский — это нечто такое, как эталон метра в Севре: эталон, с которым человек сверяется. Я не раз в своих поступках задумывался над тем, как бы он что-то оценил. В любом случае это был, пожалуй, самый важный человек в моей жизни.

Записала Иоанна Шведовская. Расшифровала Богумила Пшондка

■ АНДЖЕЙ МЕТКОВСКИЙ (Р. 1956) — ЖУРНАЛИСТ, ПЕРЕВОДЧИК

Я оказался в Париже летом 81-го и сразу же с рекомендательным письмом попал к редактору Ежи Гедройцу, в Мезон-Лаффит. Так получилось, что им там нужен был помощник для тяжелого физического труда — упаковки книг. Я решил, что нет лучшего места под солнцем, чем именно этот адрес: Авеню де Пуасси, 91, — и начал там работать. Через два-три дня я уже увидел всех людей-легенд, которые жили там, в Мезон-Лаффите, и работали там.

Атмосфера была очень специфичная. На первом этаже издавалась, редактировалась «Культура» — там был сам Ежи Гедройц, там была Зофья Херц, был Хенрик Гедройц, младший брат Редактора, были Юлия Юрысь, Мария Ламзаки и еще целая группа людей, занимавшихся выпуском журнала. На втором этаже жил одиночка — Юзеф Чапский, и там была его мастерская. Я об этом знал, но туда в первые недели не поднимался — моя территория ограничивалась первым этажом. Но Чапского я видел. У него была весьма характерная фигура очень высокого, слегка сутулого мужчины, из-за которого — можно сказать так — на улице всё останавливалось. Его видели все, его все замечали. Я не смел к нему подойти — просто передо мной за окном проходила легенда.

Как-то у меня случился перерыв в работе, и я сидел, читая одну из тысяч ранее недоступных, а теперь неожиданно доступных книг, которые проходили через мои руки. Это были воспоминания Лидии Чуковской об Анне Ахматовой, на русском языке. Неожиданно вокруг меня стало как-то темнее, я поднял глаза — надо мной возвышался Юзеф Чапский и с интересом смотрел, прежде всего, на незнакомого молодого человека, который вдруг появился тут, на этой территории, где, как ему казалось, он знает всех, а во-вторых, и это его очень заинтриговало, читает книгу по-русски. Он к этому был очень чуток, и мы начали разговор, сразу же очень насыщенный, то есть об Ахматовой, о Чуковской, о русском языке, о том, насколько поляки ценят, любят, ненавидят русских, русскую литературу. Через пять минут мы уже говорили обо всем, что для него было самым главным, а для меня удивительной была сама легкость вхождения в этот разговор и доступность этого человека — как я уже говорил: человека-легенды, которого я раньше знал, прежде всего, по его книгам, по воспоминаниям «На бесчеловечной земле» и некоторым публикациям о живописи. Он меня пригласил к себе — туда, наверх — и мы продолжили разговор, так как он узнал, что я знаю русский, что перевожу с русского, и это его как-то особенно привлекло. К тому же он очень интересовался людьми из Польши.

Это было, напомню, время первой «Солидарности». После многих лет какой-то пустоты, когда в редакцию «Культуры» приезжали немногие, вдруг за несколько месяцев 80-го и 81-го туда свалилось

пол-Польши. Приехала большая делегация Независимого союза студентов, приехал театр «Восьмого дня», молодежь приезжала толпами, а люди из Мезон-Лаффита изголодались по этим контактам, жаждали их.

Потом пришло военное положение. Я начал сотрудничать с радио «Свободная Европа», потом стал там работать, там и увидел профессиональный ленточный магнитофон «Награ» — и мне сразу же подумалось: вот здесь «Награ», а там Чапский, надо их как-то объединить. Я стал ездить к Чапскому, и сказать по правде, единственное, в чем состояла моя роль, — это взвалить «Нагру» на плечо, подняться к Чапскому на второй этаж и включить микрофон. Во время этих разговоров он протягивал руку к стоящему над головой, на полке, ряду тетрадей в холщовых переплетах — это были дневники, там стояло 250–280 таких томов с записями, которые он вел всю жизнь, притом что все дневники до 1944 года сгорели, если память мне не изменяет, во время Варшавского восстания, и он возобновил свои дневники после войны. Это были мысли, которые приходили ему в голову, статьи, которые он считал интересными (он делал вырезки из газет и вклеивал), наброски к картинам, то, что ему иногда попадалось на глаза, — ну, ведь он, прежде всего, был художник. Хотя трудно сказать: был он, прежде всего, художником или писателем.

Помню, как в 1986 году, после одной из таких записей, мы вышли из его комнаты и уселись перед телевизором. И прямо на наших глазах произошла катастрофа с космическим челноком «Челленджер» в январе 1986-го, мы так и просидели полтора часа, следя за этой трансляцией, с Чапским — человеком практически из XIX века, захваченным и пораженным тем, что он видит, и тихо так комментирующим… Видно было, что это произвело на него огромное впечатление, эта смерть семи астронавтов в прямом эфире.

Сразу же после военного положения мы пробовали в Париже собирать средства на поддержку «Солидарности», на помощь людям в Польше. Чапский вручил мне большущую свою картину маслом, одну из многих, стоявших в его мастерской, потому что вместе с парижским комитетом «Солидарности» мы проводили аукцион, вся выручка от которого, от продажи картин, произведений искусства, должна была пойти на помощь Польше. Я спросил его о цене. Он был тогда уже признанным художником и сказал: «Ну, может, тысяча». Так что я поехал к устроителю этой выставки и предложил ему оценить картину в тысячу франков. В уик-энд выставка открылась, я через несколько часов разговаривал с Юлией Юрысь, она тогда была очень дружна с Чапским и тоже работала в «Культуре». Спросила меня о цене, и я сказал, что тысяча франков. Она за голову схватилась: не тысяча, а, как минимум, четыре, и не французских, а швейцарских.

Мы записывали его, можно так назвать, «Алфавит воспоминаний». Чапский рассказывал о своих встречах во время войны, рассказывал об Армии Андерса, о временах революции 1917 года, о том, как он искал погибших польских солдат на просторах России и сам за это едва не поплатился головой. Этот опыт, между прочим, был причиной, по которой Андерс поручил ему позже поиск польских солдат, погибших во время Второй мировой войны, — погибших, как мы сегодня знаем, в Катыни и в других местах уничтожения.

Рассказывал также о великих французах, с которыми был знаком, — и до войны, и после, когда он в 45-м уже переехал, в связи с организацией «Культуры», из Рима в Париж. О своих контактах с де Голлем, о Мориаке, Мерло-Понти, Камю. Рассказывал о том, как жилось тогда андерсовским эмигрантам в той Франции, которая совершенно не желала слушать рассказы поляков, фрустрированных своим советским, русским соседством на востоке, и как невозможно было в то время в Париже издать книгу. Его книга «На бесчеловечной земле» кочевала тогда по крупнейшим издательствам: ей восхитился, если я правильно помню, Раймонд Арон и стал ее предлагать лучшим французским издательским домам, но ни один издатель не решился опубликовать эту книгу, чем Арон был очень смущен. Французская интеллигенция тогда флиртовала с левыми, засматривалась на восток, и реакционерам от Андерса, можно так сказать, приходилось несладко.

Этих встреч с Чапским было много. Я ездил к нему очень часто. Иногда выходило так, что я приезжал, а у него не было настроения для записи. Тогда мне случалось ему читать или мы просто разговаривали. Несколько раз я привозил с собой кого-то, кто, как мне казалось, мог быть ему интересен.

У Чапского со второй половины 80-х годов начались страшные проблемы со зрением. Это видно даже по картинам того времени, они постепенно изменялись в такие, очень характерные для Чапского, цветовые пятна, контуры которых размыты, и он очень страдал, что не может читать, что не может самостоятельно воспринимать мир. Он тогда много слушал музыку. Я и еще пара человек снабдили его кассетным магнитофоном.

Обычно он принимал гостей лёжа. Устраивался там на своей кровати в обуви, под одеялом, на одеяле… Он казался бесконечно длинным на этой кровати, а над ним эти его воспоминания, дневники и любимые книги, и он время от времени при разговоре, словно бы нехотя, протягивал руку, брал какую-то книгу, карябал дарственную надпись и вручал. Эти дарственные надписи становились все более неразборчивыми, хотя сейчас уже есть специалисты, эксперты в Польше, которые расшифровали почерк позднего Чапского, и вот теперь, как мы знаем, фрагменты его «Дневников» начали публиковаться. Не так давно два тома было издано. У меня есть несколько подаренных мне Чапским книг, например, если точно помню, «Родная Европа» Чеслава Милоша — совместная книга Чапского и Марии Чапской, там сверху посвящение кому-то из семьи, потом, после смерти этого человека, приписка: «Марии Чапский». Ну, и когда в конце концов книга перешла ко мне, он снабдил ее припиской: «После смерти Марыни». Поскольку он знал, что я читаю по-русски, мне случалось получать от него в подарок совершенно удивительные книги — например, Алексея Ремизова с дарственной надписью самому Чапскому.

Чапского любили — это, пожалуй, очень точные слова. От него исходила сама доброта, сама мудрость… Совершенно исключительный человек.

Он тогда был несколько отлучен от контактов с «первым этажом» Мезон-Лаффита, да и, надо сказать, отношения там были нелегкие. У Гедройца была своя миссия, которой он служил, в принципе, до последнего дня. Чапский на это смотрел с некоторой дистанции. Они были приговорены друг к другу, но это были непростые отношения. Как-то Чапский описал мне такую ситуацию: однажды заходит он туда, на первый этаж, а там Ежи — Ежи, как всегда, забегавшись, с какими-то бумагами, носится из угла в угол. «Я так посмотрел, — говорит Чапский, — и вдруг пришла мне такая мысль в голову, что я вот уже сорок лет вижу его забегавшимся. И я его на бегу хватаю и говорю: «Ежи, послушай, я бы хотел тебе сказать, так продолжаться не может, ты не можешь неустанно метаться в этом безумии, ты должен хоть на миг взглянуть на это со стороны. Послушай, Ежи, нам ведь скоро предстоит встреча с вечностью. Ты должен хоть на момент оторваться от этих текущих дел и как-то попробовать…» А Гедройц, — говорит Чапский, — прерывает меня на полуслове и говорит: «Юзек, нет у меня времени на глупости». И бежит дальше». Ну, и остался Юзек словно обездвиженным, нокаутированным этим полным отсутствием у Гедройца интереса к абсолюту, к вечности, к вопросам космического порядка, тем, что эта ежедневная пахота во имя Польши, во имя родины его, в принципе, вполне устраивает. Они в этом отношении были очень разные.

А последняя встреча, которую я помню, — на кладбище. На кладбище, где гроб никак не вмещался в могилу, и кто-то тогда сказал: «Он, как всегда, не помещается в предназначенном ему фрагменте пространства».

Записала Эльжбета Лукомская. Расшифровала Богумила Пшондка.

Оба воспоминания прозвучали в цикле «Заметки из современности». В следующих номерах «Новой Польши» будут опубликованы другие передачи этого цикла.

Всех интересующихся материалами о Юзефе Чапском мы отсылаем к специальной странице в Интернете: czapski.polskieradio.pl

Юзеф Чапский

Перевод Дениса Пелихова

ОБ ИЗБРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ РОЗАНОВА

«Как можно писать о религии в Польше, где есть только архиепископ Теодорович и Дашинский!»

Эта варшавская шутка двадцатых годов эмигранта Дмитрия Философова, одного из основателей российского Религиозно-философского общества в начале этого века, друга, первооткрывателя и оппонента Розанова, сегодняшней Польше подходит, пожалуй, еще лучше.

Тогда ведь все же был профессор Фаддей Зелинский, исследователь античных религий, пытавшийся выводить христианство скорее из Греции, чем из Библии, был Мариан Здзеховский, ездивший к Пию X, защищать одного из лидеров модернизма, своего друга, полузапрещенного ксёндза Лабертонньера, навещавший Толстого в Ясной Поляне, и читавший в Сорбонне — он, профессор Ягеллонского и Виленского университетов, — лекции о религиозных течениях России, о Соловьеве и Хомякове.

Есть ли сегодня у нас в Польше исследователи религии такого уровня, пишущие с той же абсолютной свободой, но созвучные при этом, если не всему обществу, то хотя бы верной горстке читателей? Наверное, сегодня для рядового читателя «Тыгодника повшехного» еще вернее, чем когда-то для читателя «Тыгодника илюстрованого», а тем более «Пшеглёнда вспулчесного» религия — это исключительно католицизм, а католицизм — это в первую очередь защита польскости; тогда как опять же для рядового читателя «Трибуны люду» или даже еженедельника «По просту» любая религия — это мракобесие и опиум[1]. Ее следует до поры до времени терпеть из тактических соображений или даже во имя доброй воли коммунистической демократии («народ у нас католический»), но уж точно не ради религии как таковой, которая, безусловно, лишь сказочка для не всегда послушных, но, несомненно, глупых детей.

Поэтому о религиозной проблематике в самом широком смысле этого слова лучше не писать. К чему распространять ее влияние. Но не грозит ли Польше неписаный уклад, который напоминал бы сохранявшееся в течение долгих лет согласие между атеистическими последователями Шарля Морраса и католиками определенного типа, защитниками трона и порядка, порядок, о котором с глубокой неприязнью писал Станислав Бжозовский, ибо видел в нем отрицание религии.

Есть еще одна причина, помимо поражающего равнодушия в Польше к бескорыстному обсуждению религиозных проблем[2], по которой трудно писать о русском писателе Розанове — это нежелание узнавать, изучать Россию не только в ее актуальном и политическом аспекте, но и в целом. В этом смысле ситуация, пожалуй, только ухудшилась, несмотря на такие журналы, как «Пшиязнь» или «Опинье». Я не сомневаюсь, что свободное изучение России встречает ныне бесконечное число трудностей, которых не было не только в годы независимости, но и в царское время. Но не становится ли главной помехой именно органическая антирусскость и глубокая неприязнь к России вообще?

Циприан Камиль Норвид имел смелость в 1863 году, то есть как раз в год Январского восстания, клеймить такое положение:

«Только свободные люди, только те, что не заклеймены с колыбели, как рабы, железом, знают о том, что, гранича с Россией, нужно иметь в ней свою партию — иначе всегда сходятся две глы-

[1] Ортодоксальный и резко окрашенный национализмом католицизм или «религия — это прежнее суеверие или истерия», — таков общий взгляд левых позитивистов на религию.

[2] Меня всегда поражало то, что эволюция Станислава Бжозовского — материалиста и социалиста в молодости, который благодаря А. Бергсону, М. Блонделю и прежде всего благодаря кардиналу Д.Г. Ньюмену в последние годы жизни вернулся к религиозным вопросам и умер как католик — была так мало изучена и даже порой стыдливо замалчивалась многими его исследователями.

бы, ничего общего не имея, и если две эти глыбы столкнутся друг с другом, то останется небытие и окончательное изничтожение сил. У Москвы могла быть своя партия в республиканской Польше… но поляки в России никогда на это не замахнулись — им не хватало политического чутья, чтобы создать свою партию с Россией, с которой им вечно граничить приходится. Потому что поляки рассчитывают, скорее, на (как это говорится) кровавую жертву каждые пятнадцать лет, на периодическую резню невинных, пока Бог не выглянет из облаков…»

Герцен, который в 1863 году встал на сторону поляков, заплатив за это потерей многих читателей и последователей в России, писал в 1868 году:

«…нет народа, соседствующего с Россией, который знал бы Россию меньше, чем Польша. На западе Россию просто не знают, но поляки не знают ее преднамеренно» (подчеркнуто Герценом).

Профессор Мариан Здзеховский рассказывал мне много лет назад, что когда он, будучи молодым человеком, написал первую книгу о русской литературе, о Пушкине и других писателях, то получил длинное и резко осудительное письмо от моего двоюродного дедушки, Эдварда Чапского, бывшего сибирского ссыльного. Известный в семье как человек с богатой фантазией и нестандартным мышлением, этот старый человек не мог понять, как порядочный поляк может срамить себя подобной книгой. Настроения в сегодняшней Польше напоминают атмосферу, господствовавшую после восстания. Это более чем понятно, да только что из того, когда это крайне вредно не только политически, но вредно и ложно в самом широком, гуманитарном, смысле. Даже воспоминание о Катыни, даже воспоминание о Варшаве не должны заслонять нам этого.

Сегодня в Польше непомерно выросло количество переводов с русского. Наряду с переводами литературы соцреализма, которая, за очень немногими исключениями, канет в Лету, у нас есть переводы классиков. Не знаю, в какой мере неприязнь к России влияет на восприятие великой русской литературы, стал ли при возросшем в целом в Польше интересе к чтению круг ее читателей шире, чем в довоенные годы, когда появились поистине конгениальные тувимовские переводы Пушкина и Гоголя, когда выходили в свет вдумчивые исследования русской литературы ученых такого класса, как профессор Вацлав Ледницкий, а переводы Достоевского приобретали не только восторженных читателей, но и оказывали влияние на молодых польских писателей (например, Адольфа Рудницкого).

***

Издательство им. Чехова в Соединенных Штатах, которое, к сожалению после четырех лет деятельности прекратило свое существование, выпустило несколько десятков томов русских писателей: от поэзии Тютчева и «Соборян» Лескова (в эмиграции их не найти, не знаю, как в России, где оба имели репутацию реакционеров), от представителей религиозно-философского течения XIX века Соловьева, Хомякова до писателей советской России: расстрелянного в первые годы революции Гумилева, несломленного Мандельштама, то опальной, то разрешенной Ахматовой, и даже разгромленного Ждановым Зощенко. Кроме того, вышла целая серия писателей-эмигрантов: от Мережковского, Бунина и Ремизова (самого большого русского писателя на сегодняшний день) до Набокова, теперь уже известного английского писателя, и Владимира Вейдле, автора «Умирания искусства» (издательство Галлимара)[3]; есть и совсем новая вещь: потрясающая, прекрасная книга Николая Нарокова, которому удалось выбраться из советской России, и который как мало кто сумел передать в своем романе атмосферу сталинской эпохи.

Издательство им. Чехова заслуживает на отдельные исследования настоящего знатока русской литературы. И если я сейчас пишу о нем, то единственно для того, чтобы обратить внимание на одно бесценное издание, выпущенное этим издательством — избранные сочинения В.В. Розанова с предисловием Юрия Иваска. В него, в частности, вошли фрагменты из «Религии и культуры» (1899), «В мире неясного и нерешенного» (1904), «Темного лика» (1911), «Уединенного» (1912), «Апокалипсиса нашего времени» (1917–1918) и даже, вместе с некоторыми другими фрагментами, письма к Э.Ф. Голлербаху, изданные в 1922 году в Берлине, уже после смерти писателя.

[3] Единственной известной мне книги, которую можно сравнить и до известной степени противопоставить «Голосам молчания» А. Мальро. Книга со столь же притязательным замыслом и равновеликой широтой горизонтов.

Этот том избранных сочинений составлен обстоятельно и толково, но как любое издание такого типа, даже самое лучшее, не может не вызывать сожаления, что это всего лишь избранное. Человек, прочитав книгу, закрывает ее с мучительным пониманием того, что сочинения Розанова должны быть спасены от гибели, но как? В избранное попало несколько текстов, в которых сам Розанов размышляет над предполагаемым полным собранием своих сочинений: «Полное собрание сочинений Розанова, — жалуется он, — это тридцать пять томов, и кто же захочет это читать; это не только тысячи статей в газетах, но еще и заметки к чужим статьям». При этом Розанов признается, что нередко именно в этих комментариях, попутных заметках, сносках мысль его наиболее близко касалась существа вопроса.

Юрий Иваск приводит ряд высказываний писателей о Розанове. Мережковский, Блок, Белый, Зинаида Гиппиус, не колеблясь, называют его гениальным. Шестов, Бердяев, Мандельштам и Философов пишут о его несравненном языковом даре; Чуковский сравнивает его с Уитменом, Ренато Поджоли (Гарвард) — с Джойсом, Адамович пишет о Розанове как о «гениальном болтуне» и признает, что многие годы для него не существовало другого писателя, другого ума, другого круга мысли, даже другого, не розановского, стиля. Но может, лишь ирландский поэт Стефенс во вступлении к английскому переводу «Опавших листьев» говорит о нем то, что было бы Розанову особенно приятно: «Розанов близок каждому русскому и вообще каждому человеку. Он рассеян, измучен, смешон и невероятен, как всякое человеческое существо».

Однако, вопреки приведенным восторженным похвалам, если слово «трагический» и обладает полным звучанием и значением, то именно в случае Розанова и его двойной смерти — смерти физической и как бы еще одной, более значительной, смерти Розанова-писателя. Его друг Философов уже в тридцатые годы говорил мне, что, может, будет лучше, чтобы его сейчас никто не издавал, ибо нет такого места, где бы его статьи и эссе появились без тех или иных купюр, что, может, лучше будет повременить. Но вообще не похоже, что с того времени, по сравнению с той эпохой «атмосфера стала полегче». Более того, годы проходят, свидетели, читатели, последователи умирают. Притом этот писатель был наиболее оригинальным тогда, когда касался вопросов, на первый взгляд, ничтожных, людей, о которых давно уже все позабыли, событий, которые исчезли в грозах и пожарах русской революции.

Он умер, разрываясь между христианством и античными религиями, терзаемый до последнего вздоха противоречиями, — умер в монастыре, где его, голодающего, больного, приютила дочь-монахиня, которая после его смерти покончила с собой. И умер он тогда, когда вся его Россия распалась. Могло бы показаться, что он навсегда перестал существовать как писатель, исчезая в «апокалипсисе нашего времени». Его последнее сочинение так и называлось, это было сочетание гениальных противопоставлений и обобщений, пророческих предчувствий, незначительных и глубоких наблюдений, теплого, чуткого взгляда на человека. Звучит в этой книге поднимаемая вновь и вновь тема всей его жизни (космогония против христианства, телесный и плодородный корень жизни и христианское самопожертвование), со всеми ее противоречиями и отступлениями, пропетая с нажимом, с последней предсмертной силой. Но в «Апокалипсисе…» и «Письмах к Голлербаху» сознание собственной смерти и всего того, что он любит, связано с тайной и новой для него самого верой в воскресение.

«Не верь, не верь смерти».

За пределами России во французском переводе вышел, давно уже распроданный, «Апокалипсис нашего времени» (издательство «Feux Croisés»), в этом же томе было опубликовано «Уединенное». В Париже, еще до войны, им интересовались, к примеру, Андре Жид, Даниэль Галеви и Дриё ла Рошель. В английском переводе выходят «Опавшие листья», а также два тома продолжения «Уединенного» — и это всё. В России нельзя и мечтать об издании полного собрания его сочинений. Еще в 1941 году, когда я был в Москве, Розанов был строжайше запрещен, и даже специалисты в библиотеках не имели к нему доступа. На этом фоне избранные сочинения Розанова, предваренные предисловием человека, который его, несомненно, знает и чувствует, — это для русской литературы событие первой величины, попытка воскресить Розанова после второй его смерти.

Сам я открыл для себя Розанова благодаря Мережковскому еще в 1918 году в Петрограде, а интоксикацию им я переживал уже будучи в Кракове. Несколько лет спустя мне писал один его друг: «Как же трогательно, что этот огарок, зажженный странным сумасбродом, не потух и вдруг затеплился у вас, где-то на Крупничей в Кракове».

Лет тридцать тому назад я попытался писать о Розанове, писателе и человеке, и только в 1932 году закончил большое эссе, состоящее почти из двадцати глав, но всё же я не отдал его в печать, надеясь переработать и расширить, оно казалось мне недостойным сочинений самого Розанова. Кто же знал его тогда в Польше? Величайшее почтение питал к нему Тувим, собирался его переводить. Впрочем, я не вижу человека, который бы сегодня отважился перевести Розанова так, как это сделал бы Тувим, то есть с тувимовским чутьем русского языка и столь близкого Розанову творческим, чувственным отношением к слову. Еще Розановым зачитывался Вацлав Рогович, он готовил книгу, которая должна была называться — насколько я помню — «Революционер в шапке Мономаха». Случайно ли, что и она не была издана? Это может свидетельствовать только о том, что и Рогович посчитал свой текст недостойным того, чтобы представить в Польше этого удивительного, столь разностороннего и многогранного писателя. Свой старый текст я получил в Париже, он был спасен из какого-то подвала сгоревшего дома в Варшаве, в нем недоставало нескольких глав. Я переработал его, но снова он нигде не был издан. Во французском переводе его принял Галлимар, но когда он выйдет, я не имею понятия[4]. Теперь, когда появилось исследование Ю. Иваска, это уже не столь важно.

Я все пытаюсь понять, почему в советской России так старательно уничтожают наследие Розанова? Коммунизм занимает его очень мало, его взгляды на общественные проблемы вообще полны противоречий, порой на эти темы он как раз и витийствует; где уж его антикоммунизму тягаться с «Бесами» Достоевского? Острие его критики несравненно чаще направлено против христианства, а коммунизм он рассматривает еще и как следствие христианства.

Мне кажется, что Розанов пугает ортодоксального коммуниста прежде всего своей чувствительностью к вопросам религии. Писать о ней новыми словами, вдумчиво, с жаром — это потребовало бы вновь открыть полемику уже, казалось бы, теоретически преодоленную (это предрассудок, истерия, опиум, реакция), так что лучше уж уничтожить, истребить все труды Розанова.

Когда я сам, постоянно возвращаясь к Розанову, думаю о том, как заинтересовать им других, я стараюсь читать его глазами «непривыкших» к нему людей, и пока меня не захватывают дыхание его предложения, метафоры и то, что он называет инкрустацией состояний и противоречивых друг другу переживаний, мне почти что стыдно за него, так резко, по-иному он отзывается и пишет обо всём. Мыслит? Он сам утверждает, что никогда не мыслил по-настоящему, а только смеялся и плакал, что убеждения менял как перчатки, ибо всегда важнее был для него человек, исповедующий идеи, а не сами идеи. На любое утверждение Розанова можно найти тут же, рядом, в той же самой книге, утверждения и мысли диаметрально противоположные. Этот антихристианин любил Христа, этот человек, которому мы обязаны глубокими и восторженными исследованиями на тему евреев и религии Ветхого Завета, написал несколько отвратительно антисемитских страниц. И что же удивительного, если о России мы находим у него высказывания, граничащие с резким пасквилем, а рядом слова любви и беззаветной веры в нее. Что же это значит? Зачем его издавать? Сколько раз, когда я рассказывал о нем полякам, я видел на лице моего собеседника снисходительную улыбку: «Как же это типично по-русски!» — но ведь с каждым разом — независимо от того, в каком направлении его несет маятник чувств, — он показывает какой-то мельчайший нюанс, малейший поворот мысли, который точно подмечен и полностью раскрыт, находит новую неувиденную, неуслышанную, неощутимую интонацию. Мы приходим к этому новому видению не за счет рассуждения, а за счет конфронтации как бы разных музыкальных мотивов. В «Темном лике» он представляет мир молитвы и монашеского отречения, благословение слез и религиозного умиротворения, всего лишь описывая лица молящихся и лики святых на иконах, и тут же, рядом, он дает нам материальное, осязаемое чувство земли, телесной и радостной связи с ней, ощущение языческого мира, который выше всего ставит саму жизнь, и корень этой жизни — чувства, — но ни какой-то там теорией, а просто повторяя слова крестьянина, покрикивающего на свою косматую лошаденку, на которой везет он Розанова из далекого монастыря. В другом месте Розанов пишет, что охотно «откусил бы головы» всем Наполеонам, ибо это люди плохие, ненужные, и кому же могут быть они интересны, кроме плохих людей на этой ярмарке жизни.

[4] Он был опубликован в 1964 году как вступление к избранным сочинениям в переводе Н. Резниковой, «La face sombre du Christ» в издательстве Галлимара.

Ему милей его горничная, много работающая и лишь изредка улыбающаяся, он ставит ее несравненно выше, ибо на таких кротких, работящих созданиях и стоит мир; он утверждает, что частная жизнь важнее всяких общественных дел и всяких религий, что важнее сидеть дома, смотреть на заходящее солнце и даже ковырять в носу, чем какая бы то ни было религия, ибо солнце не исчезнет, а религии будут сменять одна другую; он показывает боль от смерти любимого человека, «инкрустируя» здесь же, рядом, боль человека, который проигрался в карты, он раздражает всякий раз сознательно, раздражает резкостью сопоставлений и за счет этого подходит к существу вопроса. Он вскрывает антиномичность понятий, которые мы из-за недостатка внимания, абстрактности словаря не задумываясь используем, лишая их музыки и внутренней, интимной температуры.

Когда Розанов одержим идеей, что христианство убивает жизнь, он описывает ветви деревьев, которые бьют его по лицу и взывают: «Спаси нас от Христа». Когда сломленного смертельной болезнью любимой жены его волнуют вопросы ее и своего бессмертия и вечности неистребимого чувства к ней, он описывает, как тихий шум вентилятора в клинике ерошит ему волосы, и как он чуть не приседает на пол, понимая, что этого вентилятора она никогда не услышит. И в Христе, в его религии, он видит спасение и единственную надежду.

Розанов не верит в идеи, которые высказывают мудрые ученые, моралисты, философы, как нечто независимое от них. «Лишь там, где субъект и объект — одно, исчезает неправда». И оттуда это несравненное и стольких людей раздражающее единство переживания, способность к конкретизации сложных, высоких идей, которых касались только языком объективным, очищенным от переживаний и чувственных порывов.

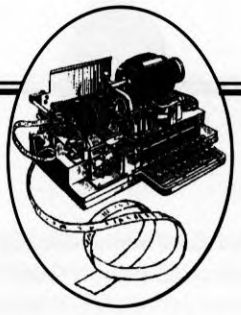
Философический, религиозный разрыв Розанова был не вымыслом анархизирующего эстета, а фактом, который его с годами всё сильнее давил, уничтожал и в конце концов уничтожил. Он сам сетовал, что немного было людей, которые так же глубоко ощущали противоречивые состояния, и что ему было дано только слово, только дар выражения, но не дар выбора.

Может, сегодня, когда в области литературы цензура в Польше более свободна, может, в Польше удалось бы сохранить, спасти мысль Розанова. И может, даже использовать те книги Розанова, те его тексты, которые и в России теперь были бы уже более доступны, чем в сталинскую эпоху.

Розанов где-то пишет, что писатель ищет слова для своей мысли и вдруг, как бы случайно, ему приходит в голову, что эти слова могут быть совершенно непонятны читателю, он старается заменить одно, другое на более понятные, «и тогда твой единственный читатель откладывает твою книгу и больше уже к ней не возвращается».

Может, главная актуальность Розанова в странах, где господствовал или господствует соцреализм как раз в том и состоит, чтобы писать для единственного читателя, писать так, чтобы невозможно было найти ни одного предложения без музыки, ни одной абстракции, не воплощенной в образ, в конкретный, чувственный и зачастую самый обыденный, заново увиденный факт. Этого писателя, который никому не может угодить, а тех, кто глух к своеобразным и неповторимым формам, непременно шокирует, писателя, которого целиком не в состоянии принять ни христианин, ни позитивист, ни коммунист, — необходимо спасти от гибели. Дай-то Бог, чтобы предисловие Ю. Иваска и превосходно подготовленные им избранные сочинения были первым шагом в этом направлении.

«Культура» № 12/122, 1957



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **День независимости, 11 ноября. «Мы уже много раз проигрывали, когда были разобщены, и побеждали, сплачиваясь, — с такими словами к собравшимся у могилы Неизвестного солдата обратился президент Бронислав Коморовский. Призывая участвовать в марше «Вместе для независимой Польши», президент назвал слагаемые независимости — по его мнению, это семья, экономика, военная безопасность и евроинтеграция. (...) В президентском марше приняли участие более десяти тысяч человек, значительно больше, чем год назад».** ***(Павел Вроньский, Даниэль Флис, «Газета выборча», 12 нояб.)***

» Националисты также организовали в Варшаве свой марш. «Из года в год повторяется всё та же картина — скандалы и дебоши на варшавских улицах. Националисты жгли дымовые шашки, в полицию летели камни, стражам порядка пришлось использовать водометы, гладкоствольное оружие, а также перцовый и слезоточивый газ. Хулиганы в масках опрокидывали дорожные знаки и ограждения трамвайных путей, крушили остановки городского транспорта. Полиция задержала 276 человек. Было ранено 23 полицейских и 24 участника марша. (...) Один из лидеров «Национального движения», Роберт Винницкий, ссылался в своем выступлении на программу «Национального движения»: «Помните, что стать настоящим поляком можно только самостоятельно, никакие Евросоюз и НАТО в этом не помогут». (...) По данным полиции, в марше участвовало 25 тыс. человек». *(Агата Кондзиньская, «Газета выборча», 12 нояб.)*

» **«Днем ранее в Варшаве, (...) в семь часов вечера, после церковной службы, на Замковой площади собралось примерно полторы тысячи человек. Около ста из них, держа в руках польский флаг длиной в несколько метров, шли впереди колонны и молились. (...) Среди них был Ярослав Качиньский и другие деятели «Права и Справедливости». (...) Один из участников марша раздавал листовки «Как должен голосовать католик», другой продавал брошюру «Сколько евреи задолжали полякам?»».** ***(Мачей Орловский, «Газета выборча», 12 нояб.)***

» «Невыносимо сознавать, что мы, без устали разглагольствуя о Евангелии и Христе, относимся к нашим братьям и сестрам, как к врагам. Мы осыпаем их бранными словами, приписываем им дьявольские потуги по уничтожению Церкви и христианства. Так поступают не только миряне, но и духовные лица, часто очень высокопоставленные. А самое горькое, что огромное количество католиков считает это проявлением истинной заботы о правде, человеке и Боге. На самом же деле это яд, отравляющий нашу Родину и Церковь», — о. Людвик Вишневский. *(«Тыгодник повшехны», 16 нояб.)*

» **«Праздник 11 ноября, счастливая годовщина обретения Польшей независимости, не радует, а пугает. (...) Хочется убежать куда глаза глядят от происходящего в центре Варшавы, от журналистов, от истекающего ядом радио, от беспорядков на Новом Святе. (...) Та Польша, которая ежегодно является нам в этот день, недоступна человеческому пониманию, недостойна празднования и так же отвратительна, как погромы в гитлеровской Германии. 11 ноября Польша становится настолько безобразной, что узнать ее просто невозможно, но ведь эти явления возникли не на пустом месте, вот в чем ужас. (...) Есть люди, которые в наши дни чувствуют себя в Польше, словно под иноземным игом после разделов Речи Посполитой, и в этой связи постоянно мечтают совершить революцию. И теперь они выходят на улицу, дерутся, стреляют, крушат автомобили. Чем они занимаются в остальное время? Что им не нравится в современной свободной Польше? Почему они чувствуют себя здесь чужаками?».** ***(Михал Витковский, «Впрост», 10–16 нояб.)***

» Бывший узник Освенцима, глава совета Музея польских евреев Мариан Турский «вчера, вместе с президентами Польши и Израиля, Брониславом Коморовским и Реувеном Ривлином, открыл постоянную экспозицию музея, в восьми галереях которого представлена история тысячелетнего

присутствия евреев на польской земле. Это один из крупнейших музеев мира, посвященных евреям, и в то же время один из немногих, экспозиция которого не ограничивается темой Холокоста». *(«Жечпосполита», 29 окт.)*

» **«Когда ты начинаешь всем этим заниматься, пытаясь эти вещи как-то осознать, вдруг понимаешь, что назад дороги уже не будет. (...) Освободиться практически невозможно, и в этом смысле не исключено, что ощущение пустоты и глубокой печали, свойственное уцелевшим в Холокосте, передается по наследству. Сейчас я один из тех, кто постоянно надоедает другим рассказами о случившемся. Даже тем, кому это не слишком интересно. Они сидят и слушают только из вежливости, как и я в свое время. (...) Ничего уже не изменится, хорошего конца не будет, нам остается только жить в состоянии траура. (...) Хорошо бы совсем избавиться от каких-либо ассоциаций и образов, но они возникают сами собой. Ты видишь горы обуви... Видишь набитые людьми вагоны... Я хотел бы от этого освободиться, но не могу», — Миколай Гринберг.** ***(«Газета выборча», 2 нояб.)***

» «Вчера в столице Германии праздновали 25-летнюю годовщину падения берлинской стены. В числе почетных гостей были Лех Валенса и Михаил Горбачев. Канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила, что мирная революция в ГДР, произошедшая осенью 1989 года, была бы невозможной без предшествовавших ей событий в Польше и других странах. В свою очередь Папа Римский Франциск, выступая в Ватикане, отметил ключевую роль Иоанна Павла II в этом переломном моменте истории». *(«Жечпосполита», 10–11 нояб.)*

» **««Польша получила по заслугам», — заявил Владимир Путин, давая оценку пакту Молотова-Риббентропа, заключенному в августе 1939 года. (...) Российский президент подчеркнул, что Советский Союз часто обвиняют в участии в разделе Польши, хотя при этом Польша сама участвовала в разделе Чехословакии сразу после того, как та была занята немецкими войсками».** ***(«Жечпосполита», 6 нояб.)***

» «В среду Министерство национальной обороны сообщило о задержании высокопоставленного офицера польской армии, подозреваемого в шпионаже в пользу Российской Федерации. Через день Генеральная прокуратура заявила об очередном задержании потенциального агента — это варшавский юрист с двойным гражданством, польским и российским». *(Михал Врублевский, Якуб Шчепаньский, «Польска», 17–19 окт.)*

» **«Журналист агентства «Россия сегодня» Леонид Свиридов лишился аккредитации заграничного корреспондента в Польше: аккредитацию отозвало польское Министерство иностранных дел по заявлению Агентства внутренней безопасности. (...) Ранее, в 2006 году, у этого же журналиста были подобные проблемы в Чехии».** ***(Павел Решка, «Тыгодник повшехны», 2 нояб.)***

» ««Одна из первых фраз, произнесенных Путиным, звучала так: «Украина — это искусственное государство, а Львов, на самом деле, польский город. Так почему бы нам вместе не решить эту проблему?». К счастью, Дональд Туск ничего не ответил, поскольку знал, что беседа записывается». Так Радослав Сикорский, бывший министр иностранных дел, а ныне маршал Сейма рассказывает о первой встрече премьер-министра Дональда Туска с президентом России Владимиром Путиным. Она состоялась в феврале 2008 г., когда тогдашний премьер-министр Польши отправился в Москву. О предложении со стороны Путина Сикорский рассказал американскому порталу «Politico». Сикорский также утверждает, что русские хотели склонить поляков отправить на Украину войска». *(«Газета выборча», 21 окт.)*

» **«Предложение Путина о том, чтобы Польша приняла участие в разделе Украины, безусловно, неоднократно повторялось в адрес Варшавы и при президенте Дмитрии Медведеве. (...) В 2013 г. пресс-секретарь Владимира Жириновского предложил польскому Министерству иностранных дел присоединить к Польше пять украинских регионов. Разумеется, Польша отвергла все эти предложения», — говорит Сикорский.** ***(«Газета выборча», 22 окт.)***

» ««Чтобы остановить этот поток домыслов и эмоций, хочу сказать, что ни на одной из моих встреч с Владимиром Путиным предложения подобного рода от него не поступали, — заявил вчера в эфире радио «TOK FM» Дональд Туск. — Более того, ни на одной из этих встреч украинский вопрос даже не фигурировал в повестке дня». *(«Газета выборча», 25–26 окт.)*

» **«Первыми признав независимость Украины, поддержав «оранжевую революцию», а затем Майдан, мы хотели бы видеть Украину суверенной, сильной и демократичной,**

осуществившей свои мечты о собственной идентичности и европейском выборе. Помощь в реализации этих идей и устремлений не была в то же время направлена против других стран, к примеру, России. Мы были открыты к сотрудничеству с Россией. Мне не казалось тогда и не кажется сейчас, что, поддерживая Украину, Польша хотела навредить России, выдавить Россию из ее сферы влияния. Как раз наоборот — мы всячески подчеркивали, что выступаем за самые теплые отношения Киева с Москвой. В то же время никто не вправе ограничивать цивилизационный выбор украинцев либо навязывать им другой, так же как мы не хотели бы, чтобы кто-то навязывал его нам», — министр иностранных дел Гжегож Схетына. ***(«Газета выборча», 5 нояб.)***

» «Президент Петр Порошенко назначил новым послом Украины в Варшаве Андрия Дещица, бывшего и.о. министра иностранных дел в правительстве премьера Арсения Яценюка». *(«Газета Польска цодзенне», 15 окт.)*

» **«В польском фэйсбуке появилась группа «Новороссия — Донецкая народная республика», в которой состоит около пятисот человек. Записи в группе доступны только для ее участников. (...) Группу сделали закрытой после атаки украинских троллей. В польском интернете существует несколько таких групп. Самая популярная — «Защищаем Россию» — насчитывает 1,8 тыс. участников. В группу «Поляки за независимость Новороссии» записалось 500 человек. Все эти группы объединяют людей, сочувствующих донецким повстанцам. (...) Участники этих и других групп переводят на польский и размещают на соответствующих страницах материалы российской прессы, которой они безоговорочно доверяют. (...) Уже две недели в Польше действует «Novorussia Today Polska», международный сервис сепаратистов, (...) имеющий российскую, немецкую, французскую, испанскую, английскую и польскую версии».** ***(Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 27 окт.)***

» «Власти города Новы-Сонч распорядились убрать с памятника Красной Армии барельефы, изображающие советских солдат». *(«Дзенник трибуна», 12–13 нояб.)*

» **««Движение за автономию Силезии» направило послу России верноподданическое письмо с просьбой к российским властям не нацеливать («по возможности», как подчеркивается в письме) своих ракет на населенные пункты Силезии, поскольку его жители не имеют ничего общего с «русофобами-поляками»», — Ромуальд Шереметьев, бывший вице-министр обороны.** ***(«Жечпосполита», 8–9 нояб.)***

» «Первые атаки произойдут в киберпространстве. Затем будут повреждены системы командования и космического наведения. Далее наступит черед точечных ракетных ударов по стратегическим объектам. И только потом развернется наступление по классической схеме, если, конечно, будет кому воевать. (...) Война уже идет — это война экономическая. Некоторые пророчат Третью мировую войну. На самом деле она уже 10–15 лет как идет», — генерал Мечислав Бенек. *(«Пшеглёнд», 20–26 окт.)*

» **«Каждый третий участник опроса, проводимого Исследовательским домом «Мейсон», считает, что в течение ближайших десяти лет может начаться война, в которой Польша либо примет непосредственное участие, либо станет ареной военных действий (37%). Целых 70% опрошенных полагают, что Польша не в состоянии защитить свои границы, а 63% негативно оценивают боеспособность польской армии. Большинство участников опроса считают, что мы не сможем долго защищаться в одиночку. Более половины респондентов уверены, что мы продержимся от силы месяц, а 21% — что три месяца. (...) Лишь 10% признаются, что в случае войны они струсят и покинут страну. (...) Свыше 70% опрошенных убеждены, что в случае войны гражданские лица, независимо от действий военных, должны активно участвовать в обороне страны. (...) Почти половина опрошенных заявляет о своем желании вступить в отряды территориальной самообороны».** ***(Марек Козубаль, «Жечпосполита», 28 окт.)***

» «Мобилизационные резервы — это основа нашей безопасности. Начинали мы постепенно: в прошлом году подготовку прошли 3,5 тыс. запасников, в этом — 7 тысяч. В 2015 г. мы обучим 15 тыс. человек, а в 2016 г. — 38 тысяч», — министр национальной обороны Томаш Семоняк. *(«Тыгодник повшехны», 19 окт.)*

» **«Почти 100 млн злотых планирует потратить польская пограничная служба на приобретение дронов-беспилотников, самолетов и термо-камер для отслеживания пере-**

мещения людей и контрабандных грузов на нашей восточной границе». *(«Жечпосполита», 10–11 нояб.)*

» «Российско-украинская война вынудила поляков задаться принципиальными вопросами по поводу безопасности своей страны, возможных угроз, надежности заключенных союзов, эффективности польской внешней политики в последние 25 лет. Пришлось задуматься, сколько мы сможем продержаться, защищаясь от агрессии с востока, а также сколько денег необходимо потратить на усиление нашей военной мощи. Правительство же приняло решение о передислокации значительного количества воинских частей из западной части страны в восточную». *(Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 5–11 нояб.)*

» **«Доклад об основных направлениях польской внешней политики Сейм в этом году заслушал уже во второй раз. (...) Министр иностранных дел Гжегож Схетына заявил, что Россия нарушила установленный после «холодной войны» порядок, предусматривавший неприкосновенность границ и неприменение вооруженных сил. Он также пообещал, что помощь Украине будет оказываться на еще более серьезном уровне. (...) Схетына отметил важную роль «Веймарского треугольника» (Польша-Франция-Германия) как основного инструмента внешней политики. Новый глава польского МИДа заверил, что Польша будет играть активную роль в решении проблем на Украине, будучи единственной страной ЕС, граничащей одновременно с Украиной и Россией. (...) Схетына также говорил об углублении военных контактов с США и размещении антиракетных систем в Польше». *(Павел Вроньский, «Газета выборча», 7 нояб.)***

» «Евросоюз достался Туску в довольно скверном состоянии. (...) Поэтому Туску придется предложить ЕС что-то посущественнее, чем искусство сшивать расползающиеся элементы, мастером которого был Ван Ромпёй. (...) Нужно пожелать Туску вернуть Европу с пути вынужденных компромиссов. Прочность Евросоюза напрямую зависит от сплоченности членов содружества, от того, насколько принимаемые решения устраивают каждую из 28 стран-участниц. (...) В менее принципиальных вопросах Дональд Туск может вновь обратиться к своему либеральному опыту и попытаться остановить рост правил и ограничений, вторгающихся в повседневную жизнь граждан», — Януш Левандовский. *(«Газета выборча», 18–19 окт.)*

» **«По данным опроса ЦИОМа, президенту Брониславу Коморовскому доверяет уже 80% поляков. (...) Второе место в рейтинге доверия заняла премьер-министр Эва Копач. Ей доверяют 59% респондентов». *(«Жечпосполита», 24 окт.)***

» «Феномен президента Бронислава Коморовского заключается в том, что за всю свою каденцию он умудрился никому не наступить на больную мозоль. У него очень хорошие советники, которые вовремя предостерегают его о подводных камнях и слишком опасных рифах. (...) Степень его влияния на то, как меняется жизнь поляков, не так велика по сравнению с влиянием правительства. Он не ссорится ни с одной социальной группой, не совершает компрометирующих поступков, достойно ведет себя в трудных ситуациях и складно говорит — поэтому нет ничего удивительного, что он на две головы выше всех остальных», — проф. Януш Чапиньский. *(«Польска», 14–16 нояб.)*

» **«44% опрошенных довольны тем, что правительство возглавляет Эва Копач; неудовлетворены этим фактом 29%. Таковы результаты опроса, проведенного ЦИОМом». *(«Жечпосполита», 28 окт.)***

» Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 33%, «Право и Справедливость» — 31%, «Союз демократических левых сил» — 9%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Конгресс новых правых» — 4%, «Твое движение» — 1%. Не определились с симпатиями — 12%. Опрос института «Homo Homini», 17–18 октября. *(«Жечпосполита», 21 окт.)*

» **«Раньше в Сейме проходили долгие серьезные дебаты по существу принимаемых законов. Сегодня же законотворческий процесс сводится к односторонним заявлениям: на трибуну выходит депутат с бумажкой и в течение десяти минут зачитывает, что ему там написали. Зал заседаний пуст, суть законопроекта никого не интересует, никаких дискуссий не возникает, так что непонятно, можно ли решить данную проблему как-то иначе. За исключением разработчиков законопроекта, почти никто из депутатов не понимает, о чем вообще идет речь. После этого депутаты получают от руководства своей фракции указание, как им голосовать. Так у нас принимают законы», — Януш Немцевич, бывший судья, депутат**

и вице-министр юстиции. ***(«Газета выборча», 23 окт.)***

» «Закончила свою работу подкомиссия Сейма, подготовившая для обсуждения во втором чтении правительственный законопроект «об охране животных, используемых в научных либо образовательных целях». (...) Планируется отменить запрет перерезать животным голосовые связки, чтобы они не могли выражать свою боль». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 28 окт.)*

» **«В прошлом году было выявлено 835 случаев оскорбления, нарушения физической неприкосновенности и призывов к ненависти в связи с этнической, расовой и религиозной принадлежностью. Это в два раза больше, чем годом ранее».** ***(Даниэль Флис, «Газета выборча», 5 нояб.)***

» «Мне кажется, что в Польше происходит плюрализация общества в самом широком смысле этого слова. При этом «центр тяжести» смещается в сторону закона, что связано с распадом мира общих ценностей и обычаев. Именно закон должен быть той оградительной сеткой, способной держать общество в цивилизованных рамках», — Ирена Липович, уполномоченный по правам человека. *(«Жечпосполита», 20–21 сент.)*

» **«Как и в социалистической Польше, всё большую роль в общественной жизни начинает играть партийный аппарат. Партийные бонзы становятся более влиятельными фигурами, чем высокопоставленные государственные служащие. (...) Социологические исследования показывают, что ключевые должности в органах самоуправления получают лишь члены правящей партии. (...) Хозяева муниципалитетов ворочают такими деньгами, что у их конкурентов просто не остается шансов. (...) Если партия, которая вот уже семь лет находится у власти в стране с 37-миллионным населением, насчитывает в своих рядах всего 40 тыс. человек, то это, по сути, кадровая партия, которая выигрывает выборы только благодаря бюджетным деньгам. (...) Выборы же в органы самоуправления, победить на которых есть шанс у более широкого круга кандидатов, в том числе независимых, не слишком интересуют общественность – в них участвует гораздо меньшее число избирателей, чем в выборах парламентских или президентских».** ***(Павел Спевак, «Жечпосполита», 31 окт. — 2 нояб.)***

» «Разрыв между первичной идеей реформы самоуправления и реалиями современной польской провинции так огромен, что я сомневаюсь, действительно ли первоначальный план и его реализация имеют друг с другом что-то общее. (...) Войты (выборные старосты), бурмистры и мэры стали полностью независимыми от представительных органов, некоторые даже не приходят на заседания совета. Один бурмистр из Нижней Силезии даже гордится тем, что не посещает заседания совета вот уже двенадцать лет. (...) Подобного рода самоуправство на местах привело к распространению кумовства, а также к тому, что местные сообщества, особенно небольшие, совершенно перестали верить в возможность каких-либо перемен. (...) Зато удалось ликвидировать четыре, выделенных профессором Ежи Регульским, монополии тоталитарного государства, а именно — единой политической власти, общего бюджета страны (у каждой гмины свой собственный бюджет), монополии государственной собственности (гмины наделены правом собственности) и, наконец, монополии госчиновников», — Ежи Стенпень, бывший сенатор, председатель и судья Конституционного трибунала, один из трех главных авторов реформы самоуправления. *(«Газета выборча», 12 нояб.)*

» **«По данным опроса ЦИОМа, шестеро из десяти респондентов положительно оценивают работу органов местного самоуправления — Сейм и правительство могут только мечтать о таких высоких оценках. В контексте отношения общества к деятельности самоуправления мы, кажется, вплотную приблизились к западным стандартам. Но мы также знаем, что коррупция и административное кумовство в сфере самоуправления — это специфика не только Польши и всего посткоммунистического пространства. (...) К сожалению, посещаемость выборов в органы местного самоуправления обратно пропорциональна высокой степени общественного доверия этим структурам. У людей нет ощущения, что на местных выборах их голос не менее важен, чем на выборах в Сейм. Опросы показывают, что такие настроения свойственны примерно половине избирателей. (...) Мы голосуем за женщин, поскольку именно они могут изменить характер нашей политической жизни, в том числе и на местном уровне, улучшить ее и сделать более близкой нуждам и чаяниям простых людей», — Яцек**

Кухарчик, директор Института общественных отношений. ***(«Газета выборча», 4 нояб.)***

» «Через неделю у нас выборы. Но кто бы их не выиграл — чем тут руководить? Всё разворовано. Мы едим чужой хлеб, потому что он дешевле. Польша только за счет проституции и держится! (...) Наше достояние, наше богатство присвоили себе диссиденты. Вот они, плоды Круглого стола», — епископ Юзеф Завитковский, фрагменты проповеди, произнесенной в приходе Божией Матери Ченстоховской в Воломине 10 нояб. 2014 г. накануне 96-й годовщины обретения независимости. *(«Наш дзенник», 14 нояб.)*

» **Явка избирателей в первом туре выборов в органы местного самоуправления составила 44,23%, в 2006 г. — 45,99%, в 2010 г. — 47,32%, в 2014 г. — 47,4%.** ***(По материалам «Газеты выборчей» от 15-16 нояб. и канала ТВН24 от 18 нояб.)***

» «Новая информационная система должна была сообщить данные о результатах выборов уже в ночь с воскресенья, 16 ноября, на понедельник, 17 ноября. В понедельник оказалось, что система не работает. Сначала сотрудники окружных комиссий не могли в ней зарегистрироваться, чтобы ввести данные, затем не могли распечатать протоколы. Система дала сбой на уровне городских избирательных комиссий, а также комиссий повятов и воеводств, где суммируются данные из избирательных округов». *(Эва Седлецкая, Павел Гурский, «Газета выборча», 18 нояб.)*

» **Общие результаты местных выборов в сеймики воеводств: «Право и справедливость» — 26,85% (всего 171 мандат), «Гражданская платформа» — 26,36% (179 мандатов), крестьянская партия ПСЛ — 23,68% (157 мандатов). «Союз демократических левых сил» — 8,78% (28 мандатов), местные комитеты (всего) — 8,07% (19 мандатов). Представители местных комитетов попали в сеймики пяти западных воеводств: Любуского (2 мандата), Велкопольского (2 мандата), Нижнесилезского (4 мандата), Силезского (4 мандата) и Опольского (7 мандатов)».** ***(«Жечпосполита», 24 нояб.)***

» «Рекордно высоким на выборах в сеймики оказался процент недействительных бюллетеней — 18% (на выборах мэров городов их было 2%). (...) «Право и справедливость» оспаривает итоги выборов, ссылаясь на разницу между результатами, сообщенными Государственной избирательной комиссией, и итоговым прогнозом «Ipsos». Лидер этой партии Ярослав Качиньский, выступая в воскресенье в городе Катовице, поставил официальные результаты выборов под сомнение: «Выборы оказались проведены крайне недобросовестно, если не сказать — были сфальсифицированы». Качиньский также объявил, что планирует 13 декабря провести в Варшаве манифестацию протеста. (...) Премьер-министр Эва Копач (...) расценила несогласие с официальными результатами выборов как попытку подорвать устои демократии». *(Рената Грохаль, Агата Кондзиньская, «Газета выборча», 24 нояб.)*

» **«Государственная избирательная комиссия в полном составе подала в отставку».** ***(«Газета выборча», 24 окт.)***

» «Городская партизанщина — это методика непосредственного действия. (...) Городские общественные движения организовывают манифестации, хэппенинги, дебаты, дискуссии и общественные консультации. Также они проводят информационные акции для жителей города. Политики относятся к таким инициативам снизу с недоверием. Очень многие такие движения появились на волне бунта против официальных властей. (...) 10 июля 2014 г. была создана Ассоциация городских общественных движений. Это первая организация, объединяющая городские общественные движения со всей Польши. В ассоциацию вошли местные организации из 12 городов, в которых в общей сложности проживает 5 млн человек. (...) Самым большим успехом городских движений стало появление партисипативного бюджета. Эта идея, появившаяся в Бразилии, была реализована в 80 польских гминах. Теперь каждый житель такой гмины сможет решать, на что тратить часть бюджетных денег. (...) В Кракове был проведен референдум, в результате которого было решено воздержаться от проведения зимних олимпийских игр (*на референдуме 69% жителей Кракова высказались против проведения зимней олимпиады — В.К*). Инициаторам референдума удалось убедить жителей города, что олимпиада — это напрасная трата денег и времени. В Познани общественники выступили против девелоперов, пытавшихся перестроить город перед чемпионатом Европы по футболу в 2012 г. В Гливице от вырубки были спасены старые деревья. (...) Для этого их внесли в реестр памятников». *(Ежи Земацкий, «Газета выборча», 8 нояб.)*

» **««7 июля 2014 года запомнится жителям Журавлева как день их общей победы. Было**

четыре утра, когда работники нефтегазовой корпорации «Chevron» свернули свою базу и проселочными дорогами покинули еще спящую деревню. В конце июля американцы расторгли все юридические соглашения относительно аренды земли, заключенные с местными жителями, и ушли из окрестностей города Замосць. Этого удалось добиться после двух лет борьбы местной общественности против крупной фирмы, занимающейся добычей сланцевого газа». Драматическую историю протеста в Журавлеве режиссер Лех Ковальский представил в фильмах «Drill Baby Drill» и «Holy Field, Holy War». «Я думаю, причиной того, что компания «Chevron» сдала свои позиции, стала концессия, выданная ей 27 ноября 2013 г. Петром Вожняком, главным геологом страны. По условиям концессии, полностью запрещено глубокое бурение в местах, где находятся питьевые водохранилища. Не прошли даром и акции протеста, которые мы организовывали с самого начала, равно как и поддержка людей, понимавших наши проблемы и всячески нам сочувствовавших», — говорит Эмиль Яблоньский, староста Журавлева. ***(«Дзике жице», окт.)***

» «По всей Польше отмечается падение уровня грунтовых вод. (...) В той или иной степени, любая болотистая местность в стране нуждается в охране и наблюдении, хотя общество не всегда это понимает». *(«Газета выборча», 10–11 нояб.)*

» **23 авг. 2014 г. «после полугодовой подготовки в Польше прошла крупнейшая за последние 25 лет акция протеста, направленная против строительства открытых шахт бурого угля в Польше и Германии. В рамках акции прозвучали также призывы к развитию возобновляемых источников энергии и повышению энергетической эффективности. (...) В ходе акции люди выстроились в живую цепь от польской деревни Грабице в окрестностях Губина до немецкого города Керквиц — в этих местах запланировано строительство новых шахт. Акцию организовал «Greenpeace» вместе с польскими и немецкими общественными организациями. (...) 7,5 тыс. человек взялись за руки, образовав живую цепь длиной в 8 километров. Люди держали транспаранты, написанные на разных языках, стояли кто на земле, кто в холодной воде Нысы-Лужицкой, среди них были и жители окрестных деревень, и приезжие из разных концов Польши и других стран. (...) До, во время и после манифестации в разных СМИ появилось около 200 информационных сообщений об этом событии — 80% материалов носило позитивную либо нейтральную окраску, и лишь 20% оценивали его негативно. Некоторые масс-медиа, которые ранее достаточно критично относились к нашей борьбе против строительства новых шахт, изменили свою точку зрения», — Радослав Гавлик, председатель Экологической ассоциации «ЭКО-УНИЯ», лидер «Партии зеленых», бывший депутат Сейма нескольких созывов.** ***(«Дзике жице», окт.)***

» «На саммите ЕС в Брюсселе был принят новый энерго-климатический пакет Евросоюза на 2014-30 годы. (...) Для этого потребовалось единодушное согласие всех 28 стран ЕС», — Рената Грохаль. «Перед нами теперь стоит проблема выброса углекислого газа в атмосферу, а также проблема модернизации энергетического сектора. А это серьезные расходы. (...) Снижение выброса парниковых газов до 2030 г. на 40% приведет к подорожанию электроэнергии. (...) Сегодня трудно сказать, когда произойдет первое повышение цены», — Януш Стейнхоф, бывший вице-премьер и министр экономики. *(«Газета выборча», 25–26 окт.)*

» **«Чтобы залатать дыры в Национальном фонде страхования (НФС), государство будет ежемесячно забирать деньги, сосредоточенные в Открытых пенсионных фондах (ОПФ) — в этом году изъятая сумма составит почти 5 млрд злотых». «В пятницу начнет действовать механизм так называемой «застежки безопасности». За десять лет до наступления пенсионного возраста наши деньги, находящиеся в ОПФ будут постепенно перемещены в НФС и оттуда сразу выплачены в виде текущих пенсий реальным пенсионерам», — Матеуш Павляк.** ***(«Жечпосполита», 31 окт. — 2 нояб.)***

» «Начался третий этап ликвидации ОПФ. На первом этапе из них была изъята половина денежных средств будущих пенсионеров (более 150 млрд злотых). Чуть позже, на волне госпропаганды, ОПФ лишились 85% плательщиков взносов. Сейчас начала действовать «застежка», то бишь процесс постепенной передачи в НФС из ОПФ денег будущих пенсионеров. Очередным этапом реформы станет сокращение фондов. В них и так осталось слишком мало платель-

щиков, чтобы их взносы могли компенсировать эффект от «застежки». Причем объем сокращения будет только нарастать, поскольку «застежка» будет поглощать всё бо́льшие суммы. Останется лишь растущий дефицит в НФС. (...) ОПФ попали в очень рискованную ситуацию, которая не позволит им делать долгосрочные накопления. По сути, им не оставили шанса на выживание. (...) Зато осталась возможность манипулировать пенсионными деньгами в НФС, (...) а также счет, который оплатят следующие поколения». *(Павел Яблоньский, «Жечпосполита», 31 окт.)*

» **«Мало того, что наша страна находится на периферии, но она еще и очень бедная. Теоретически наша экономика находится на 25-м месте в мире, но в самой Европе по уровню реальной заработной платы мы занимаем 28-е место. (...) У нас исчезают книжные и антикварные магазины, зато чуть ли не на каждом углу возникают секонд-хэнды и ломбарды. (...) Наш единственный козырь — это наши люди. Не государство, не экономика, а то, что происходит в сфере малого бизнеса», — Ядвига Станишкис.** ***(«Жечпосполита», 18–19 окт.)***

» «Мы ожидали серьезного сокращения темпов роста ВВП, но Польша вновь показала лучшие в Европе результаты (...): I квартал — 3,4%, II — 3,5%, III — 3,3%. (…) «За целый год рост польского ВВП превысит 3%, — считает Марта Петка-Загаевская, главный экономист «Райффайзен-банка». — На фоне Европы Польша снова лидирует»». *(Патриция Мациевич, «Газета выборча», 15–16 нояб.)*

» **«По данным Главного управления статистики, за пределами Польши сейчас живет 2,2 млн поляков. (...) Следовательно, нас по-прежнему 38,5 миллионов. В действительности же население нашей страны сокращается с пугающей скоростью. Евростат отмечает, что во втором квартале этого года в Польше на самом деле проживало 36,57 млн человек. (...) Михал Кат, эксперт Республиканского фонда, комментирует: «Польша не любит своих граждан, и мы платим за это высокую цену. Мало того, что детей у нас рождается всего ничего, так мы еще и уезжаем отсюда в эмиграцию»».** ***(Бартош Марчук, «Жеспосполита», 20 окт.)***

» «Если мы хотим остановить захлестывающую нас демографическую катастрофу, в Польшу ежегодно должны въезжать 140 тыс. иммигрантов. (...) Канцелярия президента разрабатывает концепцию новой иммиграционной политики. Она, в частности, должна ответить на очень непростой вопрос — как убедить поляков в том, что мигранты нам необходимы? С одной стороны, мы требуем, чтобы рынок труда в ЕС был максимально открытым и доступным, а сами при этом боимся работающих у нас иностранцев». *(«Газета выборча», 28 окт.)*

» **«В 70-е годы прошлого века на наших полях жило около 7 млн куропаток. Сегодня их популяция насчитывает менее 400 тыс. (...) Это связано, в частности, с изменением способа обработки сельхозугодий».** ***(«Газета выборча», 25–26 окт.)***

» «В 1962-64 гг. численность зайцев в Польше составляла 3,2-3,4 миллиона. (...) В конце 90-х годов (...) их уже было всего 620 тыс., (...) а в 2012 г. — 571 тысяч. (...) Увеличилась площадь обрабатываемой земли, вместо небольших участков появились обширные, на десятки гектаров, однородные по составу возделываемых культур поля. (...) Раньше были межи, ширина которых обычно не превышала полуметра, зайцы там прятались, размножались и выкармливали потомство. Механизация сельскохозяйственных работ создает дополнительную угрозу. (...) Более 60% потерь популяция зайцев несет на полях люцерны и клевера, а также на лугах. Зверьки погибают в основном в первый месяц жизни». *(«Газета выборча», 23 окт.)*

Войцех Мазярский

ВСЕ ЦВЕТА РУССКОГО МИРА

Читаю в прессе о том, что близится новое собирание земель, и что русский мир объединяется. Не знаю, может, и так, хотя своими глазами я этого не видел.

В Варшаве русский мир обычно бывает проездом. Его легко узнать хотя бы по регистрационным номерам — белорусским, украинским и российским.

Этих последних что-то стало как будто меньше. Собственно, они совсем пропали. Раньше русский мир в черных внедорожниках с тонированными стеклами, с российскими номерами, мчался с востока на запад и с запада на восток, со свистом пролетая Варшаву, а теперь — ни слуху, ни духу. Московская трасса пуста до самого горизонта, лишь иногда робко проскользнет какой-нибудь одинокий автомобиль.

История довольно таинственная. Возможно, это явление как-то связано с информацией, которую я нахожу в прессе. Спрос среди россиян на поездки в дальнее зарубежье резко упал — читаю я. Доллар с начала года подорожал в России на две пятых, и востребованность новогодних выездов в европейские горы снизилась более чем на треть.

Эта плохая новость для польских горцев, особенно из района Закопане, которые ежегодно в конце декабря и начале января принимали у себя русский мир, а потом считали мешки с деньгами.

Для утешения, однако, есть у поляков другая часть русского мира, которой как будто стало побольше. Если на глаз, то белорусских регистрационных номеров — в отличие от российских — отнюдь не убавилось. Скорее, прибавилось. Это подтверждает цитируемая в СМИ пресс-секретарь таможенной палаты в Бялой Подляской Мажена Семенюк, которая сообщила, что в первых трех кварталах 2014 г. через польско-белорусскую границу на переездах в Тересполе и Славатиче в Польшу въехало на 6% белорусов больше, чем за тот же период прошлого года.

По словам Андрея, который регулярно посещает Польшу, курсирующие из Беларуси в Польшу поезда в последние недели забиты до отказа, а билеты на приграничных линиях нужно покупать заранее.

Белорусская часть русского мира не добирается до гор на юге Польши. Они останавливаются значительно раньше — на парковках супермаркетов. «Белорусы тратят миллионы на покупки в Польше», — радуются польские газеты. По данным Главного статистического управления, во 2-м квартале этого года белорусы потратили в Польше более 734 млн злотых, тогда как во 2-м квартале 2013 года около 620 млн.

А еще с одной частью русского мира я встречаюсь на занятиях в платной частной высшей школе, где веду семинары на отделении политологии и журналистики. Здесь русский мир принял облик украинских студенток и студентов, которые в таком количестве подали заявления в это учебное заведение и прошли собеседование, что руководство теперь не знает, что с этим фантом делать. Может быть, создать отдельную украинскую группу? В прошлом году во всех польских ВУЗах, вместе взятых, училось 15 тысяч украинских студентов, сколько в этом — еще неизвестно, но явно больше.

В отличие от россиян, украинцы не приезжают в Польшу развлекаться или кататься на лыжах. В отличие от белорусов, они не ограничиваются короткими поездками за покупками. Значительно чаще они устраиваются здесь на работу и хотят постоянно жить в Польше. Только в первой половине этого года власти выдали 182 тысячи свидетельств, дающих украинцам право устроиться на работу в Польше на 6 месяцев — это на треть больше, чем в прошлом году.

— Для многих украинцев разрешение на работу — это первый шаг к тому, чтобы поселиться здесь, — приводит «Газета выборча» слова Мирославы Керык из фонда «Наш выбор», который объединяет украинцев, живущих в Польше.

Управление по делам иностранцев сообщает, что в этом году количество граждан Украины, обратившихся за разрешением на постоянное жительство в Польше, выросло относительно 2013 г. на 127%, а на временное пребывание — на 104%.

— Мы все чаще замечаем новое явление: одинокие люди привозят с Украины свои семьи. Это признак их серьезных намерений остаться в Польше навсегда, — рассказывает «Газете выборчей» Павел Качмарчик, эксперт Центра изучения миграции Варшавского университета, и добавляет, что наплыв украинских иммигрантов настолько значителен, что оказывает влияние на польскую демографию: «Впервые за долгое время иностранцев приезжает к нам больше, чем эмигрирует поляков».

Итак, в завершение давайте поставим вопрос: если русский мир объединяется и срастается, то почему различия между отдельными его частями — по крайней мере, те, что заметны с варшавской перспективы — все разительнее с каждым годом?

Эугениуш Соболь

РОССИЙСКИЕ ОЧЕРКИ И РЕПОРТАЖИ ИГОРЯ МЕЧИКА

Репортажи Игоря Мечика, опубликованные в книге «14:57 до Читы. Репортажи из России», были написаны в 2002–2004 гг. и появлялись на страницах еженедельника «Политика». Заглавный репортаж — рассказ о путешествии по Транссибирской магистрали, но настоящим героем всего сборника стала молодежь — первое поколение, растущее в постсоветской России. Какое оно? Действительно ли удастся отстроить эту страну после опустошения коллективного сознания, к которому привела идеология коммунизма? — задается вопросом репортер. В книге мы найдем прежде всего образ России как страны неоднородной и полной контрастов, однако удается заметить два полюса, между которыми колеблется мысль автора. Ломая стереотипы, Мечик старается показать красоту человека, драматически разрываемого между мечтой и реальностью. На примере этих текстов можно проследить определенную эволюцию, которая наблюдается в России на протяжении последних десяти лет: высокие мечты о справедливом демократическом обществе были жестоко сокрушены войной на Кавказе, которая высвободила волну ненависти и неприязни.

В репортаже «Девушки в черном» автор описывает воспитание молодых девушек в Красноярской Мариинской женской гимназии, продолжающей традиции дореволюционного Института благородных девиц. Девушек обучают вышивке и изящным манерам, они мечтают о карьере и профессиональных успехах, чаще всего — о собственной фирме и счастливой семейной жизни, но по пути домой сталкиваются с грубыми оскорблениями со стороны подпитых мужчин. В тексте под названием «Кадет познает Россию» Игорь Мечик показал возрождение образовательных традиций царской России, описав восстановленный в Новочеркасске Донской императора Александра III кадетский корпус. Педагогические кадры этого учебного заведения составляют военные пенсионеры. Однако, пообщавшись с ними, автор приходит к выводу, что в головах современных русских казаков царит страшная неразбериха. Демократические лозунги мешаются у них с империалистическими взглядами.

Репортажи И. Мечика позволяют понять, как чеченская война стала тем переломным событием в истории современной России, после которого эта страна свернула с пути демократического развития, взяв курс на авторитарные формы правления. При этом стоит отметить, что хотя автор и не был непосредственным свидетелем этой войны, но он весьма достоверно показал ее разрушительное влияние на человеческую психику. Цикл очерков, посвященных ситуации в российской армии, открывает репортаж «Город за кругом», в котором изображается отчаяния близких после катастрофы атомной подлодки «Курск». Трагическая ситуация в российском флоте контрастирует с благосостоянием и расцветом Мурманска в советское время. Гибель «Курска» кажется в каком-то смысле страшным последствием многолетней запущенности. Точно так же, на приеме контраста, построен репортаж «Ненужная армия», в котором романтический пафос солдатских баллад о Чечне разбивается о жестокую правду. Автор описывает случаи зверских издевательств над призывниками, так называемой дедовщины, а также тяжелую судьбу ветеранов кавказских войн, которые не могут приспособиться к нормальной жизни и становятся преступниками. Однако репортер по-прежнему убежден в незыблемости идеалов гуманизма. В его текстах просвечивает оптимизм. Он считает, что патологии удастся исправить с помощью общественных механизмов, например, деятельности неправительственных организаций, в этом конкретном случае — Комитета солдатских матерей

и Центра реабилитации ветеранов во главе с харизматичным доктором Михайловичем. «Сумерки сорокового дня» и «Смерть не носит модных платьев» — это репортажи, посвященные захвату террористами школы в Беслане и театра на Дубровке. В первом из них автор поразительно точно описывает психические расстройства детей, переживших этот теракт, а во втором акцентирует наше внимание на судьбе женщин-шахидок. Мечик не поддерживает ни одну из конфликтующих сторон, подчеркивая, что жестокость российских войск по отношению к мирному населению на Кавказе и ответные теракты в самом деле привели к крушению идеалов гуманизма и демократии. В репортаже «Наши» о прокремлевской молодежной организации перед читателем рисуется образ возрождающегося империализма. Здесь уже не идет речь о воспитании в соответствии с моральными принципами, как это было в случае кадетского корпуса или Института благородных девиц. Действенность, целесообразность и прагматизм стали главными принципами «Наших». Они знают, кто для них «внутренний» и «внешний» враг, а демократические изменения в соседней Грузии или на Украине воспринимаются ими как угроза. Они выдвигают лозунги «единства славянского мира» и «главенствующей роли России на евразийском пространстве». Молодежь тянется к «Нашим», сулящим своим сторонникам материальные блага. Например, бесплатный проезд и оплату пребывания в учебных лагерях, а также помощь в профессиональной карьере. Многие называют эту организацию новым Комсомолом. Так что в репортажах Мечика история описывает круг, а власть возвращается к старым проверенным методам контроля над обществом.

В своем последнем сборнике очерков «Катюша со штыком. 14 секретов СССР» автор сосредоточился на «белых пятнах» советской истории. При первом знакомстве с «Катюшей со штыком» может возникнуть впечатление, что этот сборник — просто погоня за журналистской сенсацией, поскольку мы найдем тут тексты о сексуальных причудах Ленина и Берии или увлечении большевиков оккультизмом. Однако правду о собственной истории, даже если она непривлекательна, постыдна и лишена глянца патриотических мифов, нужно знать, это единственный выход. Какой образ СССР вырисовывается в книге И. Мечика? Прежде всего это государство, властители которого безгранично презирали жизнь собственных граждан. Уже из первого очерка «Рождение сверхчеловека» мы узнаем, что большевики понимали человеческую природу как материал для собственных социотехнических экспериментов, а чтобы усовершенствовать методы управления массами хотели применять гипноз, телепатию, оккультизм.

Одним из самых известных мифов в СССР была победа над гитлеровской Германией. Автор подчеркивает, что был создан определенный канон, касающийся Великой Отечественной войны, а все, что в него не вписывалось, безжалостно вычеркивалось. Потрясает рассказ «Ненужные» о трагической судьбе сотен тысяч ветеранов войны, которые в 1948-1953 гг. были принудительно депортированы, чтобы не уродовать своим видом советские города. Для понимания книги Мечика важен последний очерк «Возвращение», в котором автор описал столкновение мировоззрения образцового советского службиста, армейского прокурора Александра Третецкого и католического священника Здзислава Пашковского, который был офицером Польской Армии и попал в советский плен в сентябре 1939 г. Между ними происходит скрытая борьба, в которой победу одерживает священник. Осознание правды о катынском преступлении вызывает у Третецкого нравственное потрясение. От польского ксёндза он принимает крещение в подземельях застенков НКВД, а также святое причастие, оба эти события носят глубокое символическое значение. Затем Третецкий с усердием неофита вступает на путь духовных исканий.

Представленные в книге тексты написаны в форме исторических очерков. Мечик подробно цитирует в своих произведениях других авторов, например, Светлану Алексиевич, Анну Аппельбаум, Анну Рейд, Александра Солженицына, а также отрывки из взятых им интервью. Благодаря помещенной в конце книги обширной библиографии читатель получает возможность самостоятельно изучать «белые пятна» истории СССР.

Igor Miecik, ***14:57 do Czyty. Reportaże z Rosji***, Wydawnictwo Czarne, Wołowiec 2012; ***Katiusza z bagnetem. 14 sekretów ZSRR***, Dom Wydawniczy PWN, Warszawa 2014.

Беата Мацеевская

ЗОВ КРОВИ ПРОФЕССОРА ХИРШФЕЛЬДА

Мужчины, которых необоснованно подозревали в отцовстве, нашли в нем спасителя: ведь это он, Людвик Хиршфельд, является одним из тех, кто открыл закон о наследовании групп крови, позволяющий исключить родительство. Кроме того, именно он внес значительный вклад в то, что медицина справляется с серологическим конфликтом, который может привести к смерти плода.

Когда в 1900 г. австрийский патолог и иммунолог Карл Ландштейнер открыл существование групп крови, 16-летний Хиршфельд учился в гуманитарной гимназии в Лодзи и имел весьма туманное представление о том, кем он собирается стать. Банкиром, как его предки, которые в конце XVIII века прибыли из Берлина в Варшаву? Именно такую дорогу выбрал его отец Станислав, терпевший в мире финансов настолько крупные поражения, что в итоге потерял все семейное состояние. Или, быть может, юный Людвик мог стать химиком, общественным деятелем и щедрым меценатом науки, как Болеслав, дядя со стороны отца? Или же писателем и публицистом, вслед за теткой Меланией? А может, политическим деятелем?

В 1899 г., когда Людвику было 15 лет, дядя Болеслав, бывший соучредителем одной тайной национально-освободительной организации, покончил жизнь самоубийством, а во время его похорон на варшавском кладбище Повонзки дело дошло до манифестации и вмешательства царской полиции. Спустя какое-то время Людвик участвовал в собрании деятелей рабочего движения, проходившем где-то в лесу под Лодзью, но пришел к выводу, что такие вещи не особенно его привлекают. В своих юношеских стихах Людвик признавался, что «желание борьбы победоносной забрали боги у меня, зато дано взамен другое бремя — сознание существованья своего», и что смысла в борьбе он не видит.

После гимназии с чувством «внутренней неудовлетворенности и презрения к тем формам жизни, которые его окружали», он поехал обучаться медицине — сначала в Вюрцбург, а затем в Берлин.

К чему ведет разговор о женщинах

Еще до того, как ему исполнился 21 год, Людвик решил, что займется серологией и бактериологией, а также женится на Ханне Касман, дочери известного лодзинского врача, с которой он познакомился на уроках танца еще в бытность гимназистом. Ханна тоже изучала в Берлине медицину, и в один из октябрьских дней 1905 г. они после обеда отправились в учреждение, которое ныне именуется отделом записи актов гражданского состояния, и сказали там «да». Церковное таинство брака скрепило этот союз спустя 14 лет, они вновь сказали «да» в римско-католическом соборе (оба перед этим крестились).

Деньги на жизнь и покупку лабораторных животных, которых муж использовал в своих опытах, Ханна зарабатывала уроками французского. Людвик был поглощен наукой, хотя после известий о революции 1905 г. хотел вернуться в Польшу и даже купил себе оружие. Но откладывал отъезд — ведь ему надо было закончить эксперименты в одной из лабораторий Центра гигиены. Революция закончилась раньше.

Двумя годами позже 23-летний Хиршфельд защитил докторскую диссертацию и уехал в Гейдельберг — в Институт исследования рака при местном университете. Работу в отделе паразитологии (тогда предполагалось, что новообразования могут вызываться неизвестными паразитами), которая в значительной степени заключалась в том, что ему приходилось резать мышей, рассматривать под микроскопом, как амебы выпячивают свои ложноножки и терпеливо выносить исключительно антипатичного и не слишком талантливого шефа, перервал случай. Хиршфельд пошел решать какой-то вопрос в отдел серологии и застал там только профессора Эмиля фон Дунгерна — аристократа, который с любым рассыльным разговаривал, как с князем, а с молодым доктором так, словно тот был лауреатом Нобелевской премии. Вот с этим выдающимся ученым и зашел у Хиршфельда разговор о женщинах.

Товарищество «Хиршфельд & Дунгерн»

40-летнему Дунгерну никак не удавалось отыскать себе жену, а Хиршфельд, который был чуть ли не на 20 лет моложе, уже успел жениться и считал себя экспертом в сфере отношений между мужчиной и женщиной. Они стали друзьями на всю жизнь, и о женщинах говорили потом не единожды; более того, Хиршфельд нашел Дунгерну жену, вдову одного профессора-химика. Но важнее подобных разговоров стали их научные дебаты: со временем этим двум ученым предстояло совместно открыть закон о наследовании групп крови.

Хиршфельд и Дунгерн вели исследования иммунитета здоровых тканей в надежде, что удастся использовать его в борьбе с раковыми клетками, и немножко свернули с основной дороги. А именно — впрыснули крольчихам сильно размельченные яички самцов, рассчитывая, что выработают у них иммунитет против сперматозоидов и тем самым предотвратят беременность. После чего позволили животным «свободно общаться», рассчитывая, что это общение не будет иметь никаких последствий.

Потом оба поехали в Тироль, рассуждая в тамошних горах о перевороте, который вызовет это «открытие», а также о том, что им, может быть, еще и удастся прийти к открытию иммунитета против рака. Когда после возвращения друзья побежали прямиком к крольчихам, оказалось, что все они ждали потомства. «В науке не бывает прогресса без ошибок и ересей», — до конца жизни повторял Хиршфельд. Описывая в автобиографии этот эксперимент с крольчихами, он утверждал, что стоило прожить те несколько недель полного упоения миражом успеха.

Когда они прочитали об эксперименте, который заключался во впрыскивании козам крови других коз, причем у некоторых экземпляров это вызывало выработку антител, приводящих к склеиванию кровяных шариков, оба ученых решили присмотреться к данному явлению поближе. Свой эксперимент они провели на собаках. «Мы констатировали, что у собак существуют определенные серологические расы, что эти свойства наследуются и что указанные свойства не могут появиться у потомства, если их не было у родителей, хотя они могут исчезнуть», — писал Хиршфельд.

Гейдельбергские кролики

Но как все это происходит у людей? Они обратились к трудам уже известного нам иммунолога Карла Ландштейнера, автора новаторской работы об агглютинации, иными словами, о склеивании клеточных элементов крови, публикация которой прошла почти незамеченной. Подопытными кроликами стали гейдельбергские профессора и университетские сотрудники, а также их семьи.

Дело было деликатное, потому что, если бы профессорским женам случалось изменять мужьям, дети могли бы оказаться плодом супружеской неверности... Поэтому Дунгерн с Хиршфельдом начали с тактичного прощупывания того, как выглядит совместная супружеская жизнь их «кроликов», чтобы им не попалось какое-нибудь кукушечье яйцо, опровергающее сформулированный ими закон о наследовании групп крови. Кукушечьих яиц в профессорских гнездах не было, а закон о наследовании групп крови начали использовать в судебной медицине. Хиршфельд подчеркивал, что это открытие позволяет, правда, всего лишь исключить отцовство, но, как он писал: «Вскоре станет возможным не только установить, кто может в данном случае быть отцом, но и кто несомненно им является». Однако это произошло лишь через 30 лет после его смерти — благодаря использованию для такой идентификации образцов ДНК.

Открытие наследственного характера групп крови и внедрение действующих по сей день обозначений этих групп (А, В, АВ и 0) принесло обоим ученым славу. В 1911 г. 27-летний Хиршфельд получил из Цюриха предложение занять должность ассистента проф. Вильяма Зильбершмидта в университетском Отделении гигиены. Иммунологию он поменял на бактериологию, а мечтателя Дунгерна — на жесткого ментора, любимыми словами которого были «долг» и «обязанность».

В Цюрихе у Хиршфельда завязались дружеские отношения, которые выдержали страшное испытание Второй мировой войны, а затем и коммунизма. Он защитил диссертацию на соискание высшей ученой степени, а первую лекцию, невзирая на сильное волнение, провел без всякой шпаргалки, поскольку жена пригрозила, что разведется с ним, если он будет читать по бумажке. В результате Хиршфельд научился обучать других.

На выручку сербам

После того, как разразилась Первая мировая война, Ханна Хиршфельд, работавшая ассистентом в детской клинике, занялась подготовкой медицинских сестер и санитарок, а ее муж испытывал противоречивые чувства, не зная, что ему делать. Он был гражданином России, но в царскую армию идти не хотел и игнорировал распоряжение российских властей, призывавшее мужчин, способных к воинской службе, возвращаться в страну. Но и торчать в нейтральной Швейцарии перед лицом таких великих событий ему тоже не улыбалось.

В какой-то момент появились драматические вести из Сербии о тысячах людей, умирающих от брюшного тифа. Когда в феврале 1915 г. Хиршфельд уезжал в Сербию, знаменитый окулист проф. Отто Хааб попрощался с ним такими словами: «Если вы хотите совершить самоубийство, то зачем ехать так далеко? Ведь это же безнадежная борьба».

Поехал он в Валево неподалеку от Белграда, где отступающая австро-венгерская армия оставила 60 тыс. военнопленных, которых массово косил свирепствовавший там тиф. Завшивевшие и голодные, эти несчастные солдаты лежали по несколько человек на одной койке или вповалку валялись на земле. Кругом громоздились горы трупов, которые не успевали хоронить.

Хиршфельд отдал распоряжения о борьбе с педикулезом и проведении дезинфекций с помощью серы, а также запустил бактериологическую лабораторию. Воспользовавшись услугами местного жестянщика, сконструировал из предназначавшихся для керосина жестяных бачков стерилизационные аппараты и термостат, а из картона сделал штатив. Этой то ли мастерской, то ли лаборатории было далеко до швейцарских стандартов: «Раньше я жил, словно в теплице, и если бы не война, так и прошел бы через жизнь, познав в сущности не человека, а только группу избранных, но на самом деле оторванных от жизни людей».

Через несколько месяцев к нему присоединилась жена (хотя он ей запретил). Эпидемию в конечном итоге удалось взять под контроль, больные поправлялись, выздоравливали, потом вновь появились солдаты из армии Австро-Венгрии, а также из немецкой и болгарской.

Сербы предлагали врачам оставаться на месте и сдаться в плен (это ничем не грозило), но Хиршфельды отказались: «Мы — солдаты, состоящие у вас на службе. И в счастье, и в несчастье». Спустя много лет сербы вспомнят о Хиршфельдах и попытаются им помочь, когда те во время Второй мировой войны попадут в варшавское гетто.

Открытия в Салониках

Зимой 1915 г. супруги двинулись через горы Албании к побережью Адриатического моря. Вокруг них повально умирали солдаты и штатские — смерть сеяли и холод, и голод, и банды албанцев. У Ханны Хиршфельд — в ботиночках с прожженными в костре подошвами (она рухнула от усталости и заснула слишком близко к огню) — были ничтожные шансы пробиться через снега. К счастью, они нашли рюкзак, а в нем — приличные ботинки. Через шесть недель супруги добрели до моря, сели на итальянское судно, плывущее в Бриндизи, оттуда добрались до Цюриха. Но уже после недельного наслаждения нормальной жизнью обоим хотелось возвращаться, и на телеграмму сербского правительства, просившего их об участии в очередной миссии, Хиршфельды ответили с энтузиазмом.

На сей раз они поехали в Салоники, куда попали многие сербские солдаты. В инфекционной больнице, которой управляли французские врачи, Хиршфельд взял на себя руководство бактериологической лабораторией сербской армии и с помощью жены снова боролся с эпидемиями сыпного и брюшного тифа, малярии и дизентерии — ее подхватил даже сербский король Петр.

В Салониках Хиршфельд открыл, в частности, новый вид паратифозных палочек, названный им «para-C» (в будущем они получат название Salmonella hirszfeldi; эти палочки вызывают болезнь, часто кончающуюся смертью), а также разработал вакцину против них, которую давал больным солдатам. Однако самое важное его открытие касалось частоты появления отдельных групп крови в разных популяциях.

В Салониках квартировали, подготавливаясь к наступлению на турецком фронте, солдаты разных национальностей, а также находились военнопленные. Хиршфельды начали исследовать и сравнивать их кровь, охватив анализами 8 тыс. человек и положив тем самым начало сероантропологии, иначе говоря, науке, которая занимается изучением серологических различий между людьми. Благодаря сведениям, полученным на сегодняшний день уже от примерно 100 млн человек, было установлено, что обладатели группы 0 реже заболевают малярией, поэтому данная группа крови чаще встречается в Африке, где эта болезнь наблюдается повсеместно. В свою очередь, кровь группы В, дающая больше шансов в столкновении с холерой, чаще всего встречается в Азии, а ареал ее распространения в Европе имеет форму клина, сужающегося по мере продвижения с востока на запад.

Обвинения в расизме

В прошлом году немецкий еженедельник «Шпигель» опубликовал статью, доказывающую, что Хиршфельд создал «расово направленную науку». В этом тексте, обвиняющем польского еврея, который чудом избежал смерти во время Холокоста, что тот разделяет убеждения нацистов о «возможности использовать изучение групп крови для расовых исследований» и поддерживает «идею чистой крови», кратко излагались тезисы швейцарского историка Мириам Шпёрри. Она приписала Хиршфельду расистские склонности, так как вместо слова «популяция» ученый употреблял термин «раса», что в 1919 г., когда он печатал свою статью в журнале «Ланцет», было чем-то вполне естественным. О «расистских предубеждениях» Хиршфельда должно было также свидетельствовать шутливое описание того, каким образом он убеждал солдат сдавать кровь: британцам говорил, что их кровь послужит науке, французам — что врачи проверят, с кем они могут безнаказанно грешить, а сенегальцам — что анализы покажут, кому из них полагается отпуск.

Хиршфельд никогда не идентифицировал никакую из групп крови как лучшую, что провозглашали нацисты. Более того, оказалось также, что группа А, считавшаяся в III рейхе чисто германской кровью, встречается у немцев почти столь же часто, как и у поляков. «Расизмом является не констатация свойств, а их сравнительная оценка (...). Тот, кто констатацию антропологических различий признаёт расизмом, не материалист, а «идеалист», причем самого низкого пошиба», — писал он.

Мой дом — в Польше

Хиршфельду исполнилось 18 лет, когда он уехал за границу, и 35, когда он решил вернуться. Ученый был настолько знаменит, что мог привередничать, выбирая самое подходящее среди предложений о работе на Западе, но остановился на ставшей уже независимой Польше, поскольку — как он говорил — «на родине у тебя есть прошлое и будущее, а на чужбине — только настоящее».

В Польше Хиршфельд вновь, на этот раз в костеле, заключил брак с женой, здесь родился их единственный ребенок — дочь Мария. Он вел курс лекций в Варшавском университете и работал в Государственном центре гигиены в Варшаве, вначале — как заведующий отделом бактериологии и экспериментальной медицины, затем — как заместитель директора и фактический научный руководитель Центра гигиены, поскольку директор исполнял служебные обязанности в Женеве.

Работа его не ограничивалась кабинетной деятельностью. Когда в Стрыйском повете разразилась эпидемия дизентерии, Хиршфельд поехал на передовую. В Почаевскую лавру около Кременца, одно из святых мест для православных, каждый год прибывало 80 тыс. паломников, а в деревне не было ни одной уборной. Местные жители боролись с эпидемией, изгоняя дьявола во время ночных крес-

тных ходов и молебнов. Умирали дети, а поветовый врач посчитал, что после публикации листовки, призывающей население к надлежащему соблюдению личной гигиены, исчерпал все средства для борьбы с болезнью. «Боже милостивый, что крестьянин понимает под личной гигиеной?» — выходил из себя Хиршфельд.

Он организовывал эпидемиологические службы, вводил обязательные прививки, занимался обучением, не забрасывая при этом научную работу. В 1925 г. описал механизм серологического конфликта — ситуации, в которой серологические различия между кровью матери и плода могут привести к выкидышу или повреждению эмбриона. Мир признал его правоту лишь 20 лет спустя.

Вместе со своей ассистенткой Розой Амзель ученый разработал метод идентификации групповых свойств крови в кровавых следах, что обосновало доказательную ценность последних для судебных процессов. В знаменитом деле против Риты Горгон, которую в 1932 г. обвинили в убийстве дочери своего любовника, Хиршфельд выступил в качестве независимого специалиста и усомнился в мнении вызванных прокуратурой судебных экспертов, что пятна крови на косынке и рубашке обвиняемой принадлежали жертве. После чего буквально на следующий день Хиршфельд стал героем газет, что сам он комментировал так: «Из судебного разбирательства сделали нечто вроде турнира, а это противоречило моей воле и намерениям. Я пережил популярность опереточной дивы».

Как быть евреем в Польше

В 1930-х годах его все сильнее беспокоили нацисты и фашисты, правившие в Германии и Италии, а в Польше — расцветавший пышным цветом антисемитизм: избиения еврейских студентов их польскими коллегами, а также требования установить в высших учебных заведениях нацеленное против евреев скамеечное гетто* и принцип numerus clausus (процентной нормы).

Хиршфельд писал: «Студенты до смерти бьют своих коллег, профессора-демократы вынуждены убегать через окно, чтобы их не избили разнузданные мальчишки, а ректоры в своих выступлениях тают от восторга перед своей любимой молодежью и не впускают полицию, которая навела бы порядок». Он вспоминал также, что на последнем перед войной торжественном открытии академического года ректор Варшавского университета проф. Влодзимеж Антоневич призывал польскую молодежь учиться прилежнее, поскольку хотя учебу начинает только 10% евреев, заканчивает университет уже 25%. А после него выступил студент, который от имени молодежи потребовал полного изгнания евреев из этого учебного заведения.

Хиршфельду предложили работу в Цюрихе, были у него шансы и на отъезд в Нью-Йорк, но он ими не воспользовался. Писал: «У меня никогда не было больших амбиций, существовало только чувство миссии, которую надлежит выполнить. А вот в осеннюю пору жизни я действительно испытывал честолюбивое желание выполнить свою миссию до конца. И думал, что задача передо мной стоит только применительно к молодежи. Оказалось, что моя миссия — утешать гибнущих».

В аду гетто

В 1941 г. вместе с женой и дочерью, студенткой Сорбонны, ни за что не соглашавшейся на разлуку с родителями, Хиршфельд попал в ад варшавского гетто, где свирепствовали все мыслимые смертоносные болезни, в том числе тиф. Его супруга в инфекционной больнице сражалась с туберкулезом, с различными авитаминозами, с сыпным тифом, а Хиршфельд создал бактериологическую лабораторию, где производил вакцины, организовывал дезинфекции, а также прочел цикл конспиративных лекций. Невзирая на страшные условия, вел исследования тифа: «Вскоре я располагал большим количеством таких штаммов, чем любая лаборатория в мире». Эта борьба была, однако, обречена на поражение, а Хиршфельды — на смерть.

Их пытались вытащить швейцарцы, югославские власти старались выхлопотать у немцев согласие на их освобождение, а в Америке собирали деньги на выкуп. Но Хиршфельды не хотели оставлять своих близких и сотрудников. Медлили.

* Согласно ему студентам-евреям полагалось сидеть в последних рядах аудиторий, отдельно от остальных. Прим. пер.

Бегство помог организовать Станислав Келбасинский, друг Людвика по гимназии. Известный химик Келбасинский работал на фармацевтической фабрике, располагавшейся на территории гетто, и мог легко контактировать с Хиршфельдами. Приготовил им левые бумаги на фамилию «Халецкие», а также одежду и убежища на арийской стороне. Ушли они в июле 1942 г., переодевшись в рабочих. «Иду перед дочерью, — если выстрелят, может быть, уберегу ее. Проходим через караулку бодрой походкой рабочих, которые шагают трудиться. Через несколько сотен метров группа расходится, и мы... — на свободе. Нас дожидаются друзья. Прохожу рядом с кладбищем на Повонзках и выхожу на поля. (...) Никогда не знал, что пустое пространство может быть таким красивым», — вспоминал он. На следующий день в дом приходского священника костела Всех святых на Гжибовской площади, где только что жили Хиршфельды, явились эсэсовцы. Всех увезли.

В 1943 г. истощенная Марыся умерла на руках матери от воспаления легких. «Всех трудов моей жизни, всей человеческой доброжелательности, которой я добился, хватило как раз на то, чтобы мое дитя на 23-м году жизни могло умереть в кровати, в окружении добрых и благожелательных людей. И ее смогли похоронить в собственной могиле, хотя и под чужой фамилией. Потому что под собственной она не имела права ни жить, ни умереть».

Когда Бреслау стал Вроцлавом

Они похоронили дочь в Коцине близ Вислицы, и отправились в Люблин, где Хиршфельд принимал участие в организации университета**, а потом — во Вроцлав, где стал первым деканом врачебного факультета университета, работал в Политехническом институте, создавал кафедру микробиологии, а его жена проф. Ханна Хиршфельд руководила педиатрической клиникой.

В начале 1950-х годов Хиршфельд стал думать об Институте иммунологии и экспериментальной терапии. Говорил, что новое здание будет выглядеть, как раскрытый букварь. Институт возник в 1952 г., на первых порах — в Центре микробиологии. Ученый занялся туберкулезом и сифилисом, который мучил людей после войны, позднее — патологией беременности, вызванной серологическим конфликтом. Начал совместно с акушерами применять обменное переливание крови — ее одновременный забор и вливание, — благодаря чему им удалось спасти многих детей.

Вроцлавский дом Хиршфельдов на ул. Виттига всегда был полон людей. Д-р Эва Бохданович, педиатр и сотрудница Ханны Хиршфельд, помнит, что на воскресных обедах у профессорской четы собирались друзья и ассистенты. Готовила легендарная пани Зося, так как пани профессор умела только заваривать кофе — ужасный!

— Он покорил души ассистентов и студентов. Мечтал остаться в их памяти «садовником душ», но ни в коем случае не профессором или — упаси боже — «директором». На лекции Хиршфельда по микробиологии всегда приходили толпы слушателей, — вспоминает Эва Бохданович. Когда профессора спрашивали о секрете хорошей лекции, он отвечал: «Кто хочет зажечь других, обязательно должен гореть сам».

Огонь погас 7 марта 1954 г. Болезнь продолжалась полгода, но Хиршфельд работал до конца. До последних часов участвовал в заседаниях и давал научные указания. А незадолго перед смертью сказал: «Верю, что люди будут лучше».

gazeta WYBORCZA

** Люблин был первым крупным польским городом, освобожденным от немцев (в июле 1944 г., на полгода раньше Варшавы), и стал до 17 января 1945 г. временной столицей Польши. Университет им. Марии Кюри-Склодовской был основан там 23 октября 1944 г.

Дорота Романовская

КАК ПОЛЬКИ ИЗОБРЕЛИ ИСКУССТВЕННУЮ КОСТЬ

Он нетоксичен, не вызывает аллергии и спустя несколько месяцев превращается в настоящую кость. Необычный композит, называемый «искусственной костью из Люблина», сейчас начали тестировать ортопеды и стоматологи.

Новый материал для регенерации кости уже прошел тестирование на животных и первые испытания на людях. Однако прежде чем получить широкое применение, ему придется выдержать серию самых серьезных исследований и проверок.

Все решил случай. Ассистентке проф. Гражины Гинальской, известного в Люблине биохимика, чрезвычайно не повезло. Она хотела выпрыгнуть из лодки прямо на мостки причала, но неправильно оценила расстояние и со всей силы ударилась о край мостков. Одна из досок вонзилась ей в ногу. Травма была настолько серьезной, что девушка попала в больницу. Рентгеновский снимок ясно показал, что кость раздроблена и в ней недостает нескольких фрагментов. Ортопеды из люблинской клиники взялись «отремонтировать» ей ногу, но это оказалось делом нелегким, ибо доступными методами, которые были далеки от идеала, восстановить кость не представлялось возможным.

О своих проблемах они рассказали пациентке, а та — своей руководительнице. Спустя несколько недель профессор встретилась с ортопедами.

— Это был настоящий вызов. Мы получили конкретную, прямо из жизни взятую проблему, которую необходимо было решить, — вспоминает профессор Гражина Гинальская, возглавляющая Кафедру биохимии и биотехнологии Медицинского университета в Люблине.

После шести лет исследовательской работы был создан необычный композит, который по всем параметрам отличался от других материалов подобного рода. Он такой же упругий, эластичный, плотный и легко поддающийся формированию, как человеческая кость. Имплантированный в организм, он не отторгается им и не вызывает воспалительного процесса. Через несколько месяцев он превращается в кость. Тонкости его производства запатентованы: изобретение получило национальный патент уже несколько лет тому назад, а европейский патент госпожа профессор вместе со своими коллегами получила в середине сентября. Благодаря так называемой «искусственной кости из Люблина» уже «отремонтировали» раздробленные кости более чем у десятка пациентов.

Гибкий, но не хрупкий

Ортопеды давно мечтают получить более качественный материал для починки костей. Они хотят, чтобы он был прочным как бетон и в то же время эластичным. Часто применяются титановые импланты, но они слишком жесткие. И бывает, что они принимают на себя основную нагрузку, тогда кость начинает атрофироваться, что приводит к ослаблению импланта. Ученые работают над титановым материалом с губчатой структурой, подобной структуре кости. Такой пористый имплант был бы более эластичным. Костная ткань легко врастала бы в пустоты импланта, благодаря чему кость лучше прилегала бы к нему. Но пока мы можем лишь строить планы и выдвигать предположения, поскольку модифицированный титановый имплант еще не вышел за пределы лаборатории. Однако уже сейчас известно, что идеальным он не будет. Ибо титан не является естественным компонентом кости, а значит оставленный в организме он может со временем вызвать воспаление.

Другой часто применяемый для регенерации кости материал — это гидроксиапатит, то есть разновидность фосфата кальция. Хотя он неудобен в использовании, у него есть свои плюсы — это естественный компонент кости, он хорошо исследован и часто применяется в медицине. «Поэтому казалось почти очевидным, что именно он должен стать важнейшим компонентом композита. Но его

требовалось модифицировать таким образом, чтобы хирургам было легче придать ему форму отсутствующего фрагмента. Надо, чтобы он был эластичным, но не хрупким», — рассказывает профессор Г. Гинальская. Вместе со своей сотрудницей, кандидатом наук Анной Бельцаж, они начали поиск такой субстанции, которая могла бы придать гидроксиапатиту те необходимые свойства, о которых мечтают ортопеды. Выбор пал на несколько органических вырабатывающихся грибами и бактериями полимеров, над изучением которых они уже работали.

Необходим был еще и гидроксиапатит сам по себе. Ученые из Люблина попытались найти коллег, которые занимаются в Польше производством керамических материалов. Так они попали к профессору Анне Слюсарчик и магистру инж. Зофье Пашкевич с Кафедры керамики и огнеупорных материалов Горно-Металлургической Академии в Кракове. Началось сотрудничество. Они попытались соединить пористый гидроксиапатитный гранулят со специфическими свойствами, который разработали краковские ученые, с несколькими органическими полимерами. После серии попыток, стало понятно, что ожиданиям ортопедов может отвечать полимер на основе сахара, тот, который уже давно применяется в медицине. Это соединение под воздействием влаги набухает, становясь связующим веществом для гранулята.

В 2009 году был создан необычный биоматериал — эластичный, упругий, легко поддающийся обработке, например, обрезке, и не дающий трещин во время этих операций. «Сама профессор Анна Слюсарчик, которая многие годы занимается синтезом гидроксиапатитной керамики, была удивлена свойствами композита, который был получен из двух компонентов», – вспоминает проф.Г. Гинальская. И хотя именно ее чаще всего называют изобретателем искусственной кости, она всегда подчеркивает, что биоматериал появился как результат огромного труда четырех необыкновенных женщин.

Рядом с медициной

Это был не первый проект для нужд медицины, которым занялась проф. Гражина Гинальская. «В моей семье много врачей, от которых я часто слышу о несовершенстве доступных на сегодняшний день методов терапии», — говорит она. Сосудистый хирург из города Жешув, который в частном порядке приходится ей деверем, рассказывал, какой огромной проблемой являются инфекции у пациентов, которым имплантируют искусственные кровеносные сосуды. Он спросил ее, нельзя ли так зафиксировать подачу антибиотиков, чтобы они действовали главным образом в местах имплантирования, для предотвращения бактериального заражения. Профессор приняла вызов. Вместе с группой своих коллег она модифицировала поверхность протезов кровеносных сосудов и урологических катетеров таким образом, чтобы они стали менее восприимчивы к оседанию бактерий. «Мы опубликовали несколько научных статей, связанных с этой темой, и получили четыре патента», — сообщает она, не скрывая чувства удовлетворения.

Она сама чуть не стала врачом. Ее с детства интересовала биология. «Мой отец был лесничим, и детство я провела на природе, наблюдая жизнь леса и его обитателей», – рассказывает она. Ее увлекали лабораторные занятия по биологии и химии. Она ходила в очень хороший лицей им. князя Адама Ежи Чарторыйского в Пулавах. «Там не было лекций и вызовов к доске. Каждый из нас мог сам проводить биологические и химические опыты, а это увлекает», — вспоминала она в одном из интервью. Когда пришло время выбирать, в какой вуз поступать, она подумывала о медицине. Однако быстро поняла, что прежде всего ей интересно то, что происходит в клетках. Поэтому выбрала биохимию и поступила в Университет им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине.

Знание происходящих в клетках процессов и превосходные контакты с врачами, помогли ей в работе над искусственной костью. Предыдущие исследования уже доказали, что композит представляет собой прекрасную основу-конструкцию для клеток организма, которые охотно эту конструкцию «заселяют». «Организм не отвергает такую конструкцию. Просто она становится частью кости», — говорит проф. Г. Гинальская. Правда, регенерация происходит не так быстро. Если дефект небольшой, то процесс продолжается полгода; если же он больше, то это может занять даже год. Процесс длится так долго, потому что кости требуется время для восстановления. «Гистологические исследования показали также, что в том месте, куда был имплантирован композит, появились кровеносные сосуды, — делится своим открытием ученая. — Это значит, что возник фрагмент кости, который невозможно отличить от натуральной».

Несомненным достоинством композита можно считать то, что он быстро впитывает водные растворы. Поэтому его можно пропитать антибиотиком, который защитит место подсадки импланта от бактериальных инфекций. Возможно также применение агентов роста, которые ускоряют процесс заживления. Композит, пропитанный физиологическим раствором или кровью, приобретает эластичность и пластичность, благодаря чему его можно резать и идеально подогнать к форме места, которое он должен заполнить.

Бреши между фрагментами кости

Положительные результаты тестов, которые проводились сначала в лаборатории, а затем на животных, дали возможность провести первые экспериментальные клинические испытания на людях. Биоматериал применили сначала при лечении двух молодых людей, пострадавших в мотоциклетной аварии. У них были переломы костей: бедренной, предплечья и запястья. Когда ортопеды из Клиники травматической хирургии и спасательной медицины Медицинского университета в Люблине сложили переломанные кости, фрагмент за фрагментом, то оказалось, что недостает нескольких кусочков, и надо чем-то заполнить возникшие между осколками костей бреши. Туда поместили композит, и уже спустя три месяца кости начали восстанавливаться.

Однако такие ограничения не мешают стоматологам, которым обычно приходится восполнять небольшие дефекты зубов. «Существует много материалов, которые применяются для регенерации кости, например, после удаления зуба, но ни один из этих материалов нельзя назвать совершенным. Каждый из них восполняет кость лишь на 40-60%. Остальная часть материала исчезает, расщепляется», — объясняет кандидат медицинских наук Малгожата Керницкая из Стоматологического Центра «New-Dent», которая изобретенный в люблинской лаборатории композит имплантировала пятерым пациентам.

К своим исследованиям она приступила весной, когда узнала, что испытания на животных прошли успешно. «Я ожидала результатов этих испытаний с огромным интересом, так как о новом материале для восстановления кости, который был создан в люблинском Университете, я узнала уже несколько лет тому назад и внимательно следила за его дальнейшей судьбой», — говорит доктор Керницкая. Теперь ее пациенты находятся под постоянным наблюдением. «Пока все в порядке. Также уже известно, что новый материал ведет себя иначе, чем прежние, он набухает после имплантации. Это может оказаться ценной характеристикой, так как означает, что композит адгезируется к кости и идеально заполняет в ней место после удаленного зуба», — поясняет М. Керницкая.

Однако этого опыта с несколькими пациентами слишком мало, чтобы биоматериал получил сертификат и стал повсеместно применяться в ортопедии или в стоматологии. Как все лекарства и медицинские препараты, которые вводятся в организм человека, он должен пройти контролируемые клинические испытания, в которых примут участие несколько десятков пациентов с ортопедическими травмами или стоматологическими проблемами. Прежде чем приступить к таким тестам, необходимо иметь по меньшей мере 5 кг композита, произведенного уже не в обычной лаборатории, а в специальных, строго контролируемых условиях. Пока что профессор Гражина Гинальская занимается поиском производителей композита. А вот пациентов искать не придется. Как уверяют ортопеды и стоматологи, желающих протестировать новый метод уже очень много.

Newsweek POLSKA

Войцех Касс

Перевод Андрея Базилевского

БА!

«Стихи всегда начинаются с темных ясеней
потом в них уже ничего надежного нет»
Адам Важик. *Стихи о ясенях*

I

1.

Сегодня 7 декабря 1952 года утром в 9.00
в VII отделение неврозов обратился К.
вчера был 47-й день его рожденья
в парке снег порошит как перхоть
стаи ворон молочник толкает тележку
трубочисту зябко он свистом призывает август
баба роняет сетки хватает
за пуговицу

в воротах парка

(приехал
из дома
сам)

трубит на ворон
машина-санитарка

Paulina Zielona

2.

Тело ангины и дифтерита со *жвачкой* речи и горлом *проконсула*
двадцатилетнее тело триппера
третьего и последнего с редкой бактерией *ulcus molle*
тело пневмонии, воспаления печени
инфаркта сердечной мышцы
скарлатины
желтухи
— исповедь уст плоти

вчера за здоровье пили
стукнуло телу
сорок семь лет
другие пели
сто лет сто
хо, хо
а Анна
поет

осанна.

3.

Пять лет мне было
когда я схватился
за ножку

за ножку
я поднял рюмку
когда мне было пять лет

ах, что за ножка
гладкая стройная
а на ней

чаша цветок
только б его
обонять

о мать моя
в горло лить из него
курва мать.

4.

Был я подростком вздорным
к меланхолии склонным

на торжествах семейных
мне в сторонке для смеху

бывало дадут рюмку водки
в году раз шесть или восемь

а когда за столом пустело
я и сам подливал то и дело

как-то весной в средней школе
отравился я алкоголем

пианино банкет с декором
увезли пьянчугу на скорой

будут мой дух спасать
педагогам плоть ублажать

5.

В школе выпивал раз в месяц
пристрастился когда стал студентом
как можно чаще как можно больше
потому и бросил учебу.
Лечили в Гостишеве в Свецке
процедур не помнит
помнит войну
но дома запрещает
жене и дочери
о ней расспрашивать и говорить.
В лагере не пил
только с французами и бельгийцами
крепкий чай
чифирь
по возвращении на родину через год
снова лечился
в Кракове.

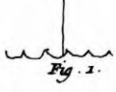
6.

А прежде чем погрузиться на корабль «Дульцинея», отплывавший с военными скитальцами в Польшу, получил деньги на дорогу, пьяный бродил по улицам Брюсселя, бренча мелочью в кармане, и орал: *Все смотрите на продажную каналью!* Таким его видели и слышали люди. То, что они видели-слышали, изложил Матиуш Капелла в письме Петреку Пенхожу.
В конторе по репатриации записал в памятной книге: *Я вернулся, я жив*! Именно так — вернулся, жив, словно отменив тем самым свою бумажную смерть, все те страницы, где писалось, будто он бесследно пропал. Умной и правильной считалась прощальная статья Грациана Галки в «Тыгоднике повшехном».
Городскую заставу Кракова он миновал, как пишет в своем лирическом гротеске, в стиле поистине триумфальном, в эйфории, творческом экстазе, верхом на ките, словно выпав из сна капитана Ахаба, которому снилось, будто он оседлал огромную рыбу.

7.

А тут так:
черный мак,
темный знак.
винный смак.
Теперь что?
Нонни-хо!
Хрупкий мир,
ломкое стекло,
маски, инструменты.
И на что
мне изумруды, и
цветы, и
гитара, и
корабли?

Ну да, ведь поэзия обращается
(и тут же все вылаивает, как пес)
ну да, ведь поэзия обращается
к пределам души людской
(поджимая хвост, как паршивый пес).
Ну да, она взывает к глубинам душ
где витают тени иных миров
(и ложась, как пес, поджимает уши)
безымянные тени судов морских
(играет в бирюльки и в лоскутки)
тех кораблей, что беззвучно летают
(тут уж она отлаивается до края).



8.

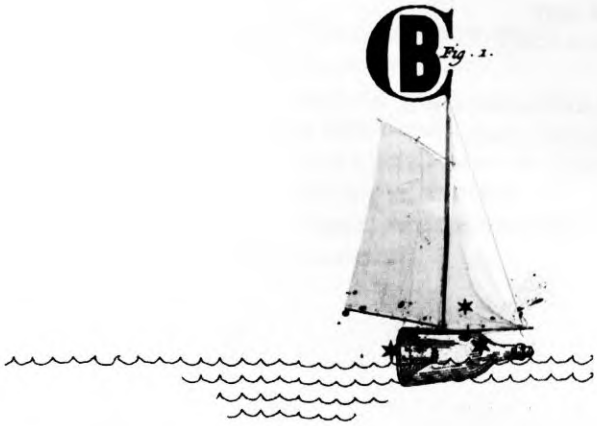
Спаси, Господи, спаси, ангел, тот, кто прошел сквозь туман и заворожил,
спаси, дед по матери, тот, что умер от *delirium tremens*,
спаси, дед по отцу, горемычный пропойца, сядь со мной рядом,
спаси, мать, своими тревогами, страхами, эпилептическим трансом,
спаси, отец, спаси депрессией, манией, всей своей хворостью и здоровьем,
спасите, давно умершие мои, обмойте мне больную голову.

9.

В кабинет на обследование приходит охотно
psychosis maniaco-depressiva pro –
du minoris et potatorium in stadio
depressivo.
Спокойный, контактный, принимает
витамины С и В

В детстве
в жару во время ангины
бывали бредовые состояния
с закрытыми глазами
видел вымышленные картины
ему это нравилось

После двух дней в отделении
пульс 100/мин
давление 150/105
сбоку на левом запястье
со стороны ладони
и на сгибе локтя
два длинных шрама
красные мягкие.



10.

Вчера на старувке за сотню, в утренний час, серый и зыбкий,
купил я унцию нежности, десять грамм радости, щепотку улыбки.
Нежность неласковая (от такой не воркуют), говорит святая Перпетуя.
Радость, в которой стон, а не песня? Удивляется святая Агнесса.
Знаешь ты улыбку коварную? — вопрошает святой Януарий.
А когда я вышел, тупея, на площадь святого Боромея
и насвистывая, спускался по серооко-широкой святой Люции,
ах, только там-то я и увидел усерднейшую из проституций;
что там уличная, классическая, — эта была высокопарно-оргиастическая,
было в ней что-то от планетарно-метафизической катастрофы,
от нетвердой моей походки и моих расшатанных строф,
а все люди и все собачки, без исключенья, были собой заняты.
Я думал, всплеснет руками святой Станислав из Щепанова,
однако не он один, об отмщенье взывали все святые.

11.

Когда я пью, жажда быть пьяным сильна –
от звезды поутру до звезды вечерней,
и на ложе, и в танце желая тебя, жена,
ковыряю в носу по-хозяйски и без смущенья.

А когда я не пью, я водке не друг,
вещи не продаю, в дом чудеса ношу:

геликоны, паяцев, канительной скрипочки звук,
Fig. 1. на прогулках пощусь, в писаньях грешу.

12.

Маятник скажи мне честно
где на свете мое место

ты снуешь меж полюсами
от притонов с тупиками

до халатов, тапок, шуб
(не выношу их, но ношу)

от пера до бритвы острой
из глуши на раут пестрый

там блещет Геня заводной
я корчу рожи за спиной

хохмя то в треть, то в половинку
а вот ужо сниму ботинки

о маятник молю богами
дай мне упасть не вверх ногами

13.

Страдает расстройствами самочувствия
периодически перевозбуждение либо угнетенность

весной и осенью черт у него в голове
разводит черный сад депрессии
летом и зимой Бог закладывает ему за левое
и правое ухо цветы ипохондрии.

14.

Пальпация затруднена
из-за ожирения
патологической ригидности
и болезненности не выявлено
под кожей в паховой области справа
мягкое уплотнение
размером с грецкий орех
(липома?)

15.

Братишка, спаси
приведи под окно хор
папский
и херувимский
кнедлики с пивом
чешских певцов
неаполитанских мадригалистов
и миланскую диву
Перголези Шопена
из Праги капеллу
чтоб столицу воспела
трубадура
обнявшего мандолину
ноты из Лондона Парижа и Рима
ротманс данхилл
пусть будет больше дыма
и дирижера не сонного
непременно с палочкой
солнечной
Кароян бы не помешал
(и чтобы повар напротив
сплина вволю в суп
подливал)
довольно
пора вводить интервал
добудь окарину
сыграй как божок дельфийский
декабрь утекает
в Вислу
плывут ворóн многоточия
за Мекку
в пустую бочку.
Братишка, спаси
куда угодно неси
заклятую в глине
мелодию моей жалобы
издевку моей
окарины.

16.

Галлюцинация:
видел жену в зеркале
а она была в кухне
длилось одно мгновенье
осталось
перед глазами.

17.

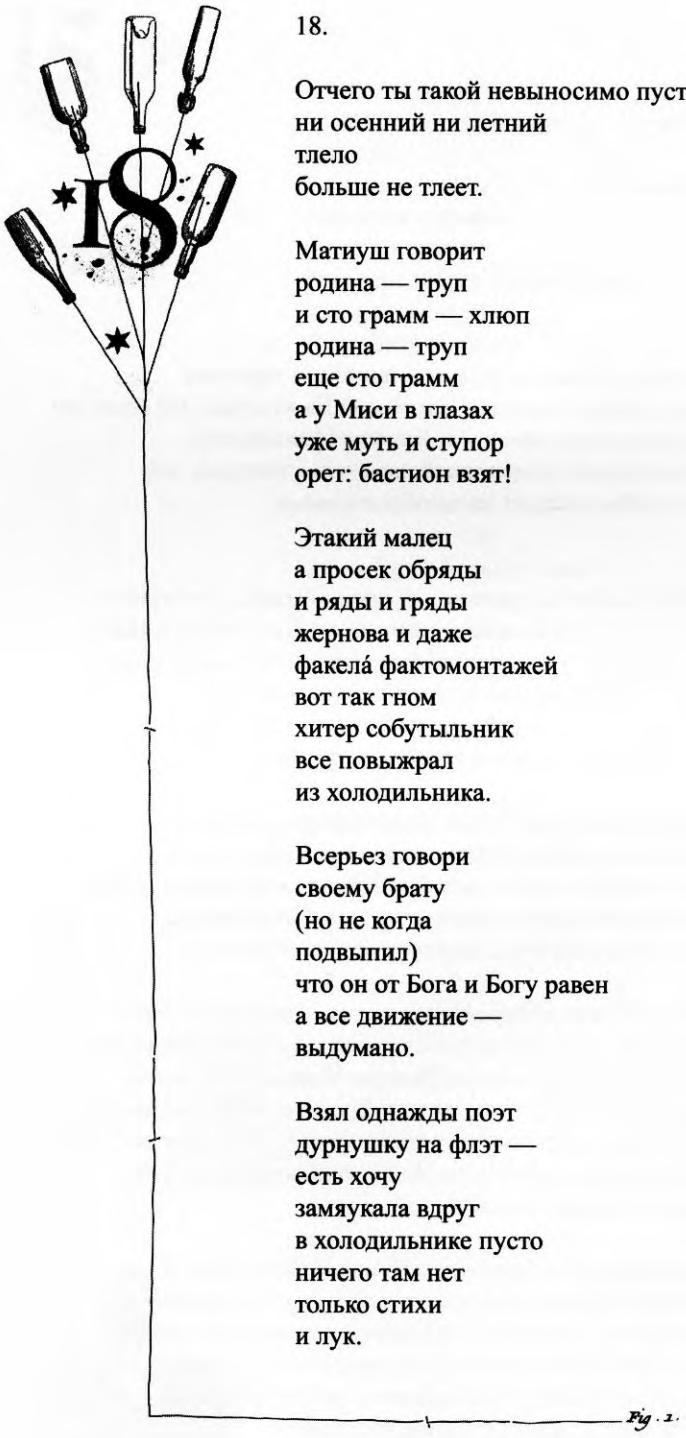
Спаси меня, жена, свези в Равенну, к Данте, лучше на пароходе
из порта в Далмации, дальше поездом, читай мне *Божественную комедию,*
возьми меня за руку, когда вступим в *Ад.* Я писал Ивашкевичу:
странствовать по дантовской преисподней надо в шестнадцать лет.
Из Равенны поедем во Флоренцию, из дельты изгнания
к устью начала.

Спаси, из Galeria dell'Academia, где стоит изваянье Давида, поплывем
через Маре Интернум, семь его морей и тринадцать больших островов,
к вечному городу Иерусалиму, что основал пастух и поэт, вождь и царь.
А как завидим порт в Хайфе, открой *Сефер Тегилим* и прочти:
Покрылись стадами луга, в хлеба облеклись долины, они кричат
и поют. Слышишь урийскую арфу, галилейскую флейту*?*

Спаси, давай повернем назад и на белом, как альбатрос, корабле
поплывем в Аннабу, порт в Алжире, называемый некогда Гиппон,
или Гиппо-Регий. На широте подземного Карфагена ты начнешь читать
Confessiones Divi обращенного грешника, епископа Гиппонского,
учителя благодати. Открывай эту книгу всегда. *Ora et labora.*

Спаси, из песков Африки через Маре Интернум отправимся на север,
во Францию, в Лионский залив, к порту Сет, там, на Le Cimetière marin,
погребен, словно в центре своей поэмы, Валери. И дальше на север,
через поля Лангедока, Прованса, Бургундии и Бретани, через холодные
воды Ла-Манша в Лондон, в *Бесплодную землю* Элиота. Оттуда к востоку
(на воздушном шаре?) до Петербурга, где Блок, твой любимый Блок
ловил облака поэзии и в горячке писал *Скифов.*

Спаси, на взгорье меня привези наконец, в Пране, в Поповское, Руде,
в заливы — Солнечный, Щучий, на сосновые просеки, к Скарбеку
и Веселэку, Нидскому озеру, в домик кирпичный, где хмель по углам,
к керосиновой лампе, гнезду на крыше и вдовому аисту, к уткам
в камыше, бакланам на островах, к пеларгонии, дикому винограду
за окном, к столу, который я подопру томом Шекспира,
а на листке напишу: *когда переступишь порог дома.*



18.

Отчего ты такой невыносимо пустой
ни осенний ни летний
тлело
больше не тлеет.

Матиуш говорит
родина — труп
и сто грамм — хлюп
родина — труп
еще сто грамм
а у Миси в глазах
уже муть и ступор
орет: бастион взят!

Этакий малец
а просек обряды
и ряды и гряды
жернова и даже
факелá фактомонтажей
вот так гном
хитер собутыльник
все повыжрал
из холодильника.

Всерьез говори
своему брату
(но не когда
подвыпил)
что он от Бога и Богу равен
а все движение —
выдумано.

Взял однажды поэт
дурнушку на флэт —
есть хочу
замяукала вдруг
в холодильнике пусто
ничего там нет
только стихи
и лук.

19.

Другие эпитеты, другие витрины, другие ковры, другие виньетки
другие кувырки, другие шпагаты, другие вольты, другие кульбиты
маски-магии, маски-обряды, маски-кошмары, маскарады
другие палитры, другие гаммы, другие маятники, другие светотени
а что такое уныние?
что такое ужас забвенья?

Первый глоток, глоток невзначай, глоток мимоходом и чтоб отстали
другая попойка, другая пьянка, другая гулянка, другой поддавон
питье на погибель, потом воспрянем, потом будь здрав
тот только знает, тот только скажет, кто словно пень трухляв
а что такое метаться во сне?
что такое дурной сон?

Другие манекены, другие куклы, другие паяцы, другие марионетки
другая придурь, другой в башке ветер, другие причуды и пируэты
другие фетиши, другие амулеты, другие талисманы, другие безделушки
а что такое конченый?
что такое ненужный?

Колядка вприсядку, мазурка со шкуркой, в баркароле из-под поля
другие хи-хи ха-ха, другие миг-прыг, другие трах-тарарах
другой треп, другой вздор, другая чушь, другая блажь
а что такое скрипку настроить?
а что такое людей сторониться?
что такое хандра?

Другие винтики, болтики, кнопки, другие гвозди, шурупы, заклепки
другие стихи, другие фразы, другие строфы, другие тирады
другие порядки, другие капканы, другие ловушки, силки и засады
другой страж языка моего, другой караульный, пожарник, дворник
а мысль-самоубийца
чего она сто́ит?

20.

Тук-тук-тук.

Врач:
лечу людей, а они так и так умирают.
Поэт:
лечу слова́, потом сам умираю.

Легкие: перкуторный звук ясный, пузырьковые шумы
череп: при выстукивании безболезнен

тук.

21.

Движения, секс, оргазм, тело
теории, формулы, системы чада
но когда до них долетело
завопили: нет, нам не надо
кванты, космос, пусто́ты
дадаизм, феминизм, атеизм
взяли твой дом в оборот и
в треугольники, в ромбы изгрызли
телевидение, партии, сеймы
политиканы, жрецы, президенты
даже ободранные колени
(славно сработал) чехи
с Юлиушем и Адамом вровень
поэма от Сибири до прерии
пятна масла и пятна крови
право собственности закон серии
деньги, слава, СМИ, ловкость рук
закуски, четвертые блюда
я же вам говорю, бум-тук-тук
все давно переплюнуто.

22.

Кто я такой?
Иконой поэта –
а сколько икон
на небосклоне света –
хочу насквозь просветить
свой камень
и коснуться стены
в которую вбит
гвоздь моей души
глория

амен.

23.

Доченька, спаси, принеси чернильницу, ту, серебряную, как плотвица,
и перо, но сначала его окуни в розовую зарю на аллее,
где стоит наш дом, я напишу тебе еще один стишок про то,
как чиж на подоконнике камеры

желает быть голубем мира и напоминает,
так смешно, шейкой и клювиком, что разнесет
эти строфы всем людям добрых сердец,
от Дублина до Рима, от Праги до Воли, от Пране до Кракова,
от Сопота до Гдыни (там я писал, что вернулся и жив).

Дам-ка я ему еще палочку, этакую палочку-выручалочку,
где она у него из клюва выпадет, там зацветут ландыши,
а это перо я хотел бы, чтоб после моей смерти ты бросила в Вислу,
может, тебе приснится,

как по реке плывут розы, расцветая из перьев чижа,
который перо и строфы обронил в эту реку 20 декабря, когда
я через парк возвращался и не успел спросить, добрался ли он до людей,

потому что сам к ним спешил, а чиж,
как мне сказал санитар, по воскресеньям эпиграммы пишущий,
улетел к мадонне, поняв наконец, что вылетел
из-под кисти Дюрера.

24.

Из колоннад
газетных изгнанные
стихи.

Под кровом
родным непризнанные
стихи

В варшавском
салоне высмеянные
стихи.

На последнюю
парту выселенные
стихи.

Перед сеймом
в урну выброшенные
стихи.

Голубями
во Львове загаженные
пророки.

Клошара
выпить зовут
стихи.

Бомба
в сердце безумца
стихи.

В клинику
на эвтаназию везут
стихи.

На тебя
червячок указывают
стихи.

25.

Левая граница сердца
смещена на один палец (перст божий?)
тоны (голоса серафимов?) у верхушки приглушенные, чистые
над грудинным мостиком (вздохов?) ясные
над аортой первый тон приглушен
ритм (стиха?) равномерный.

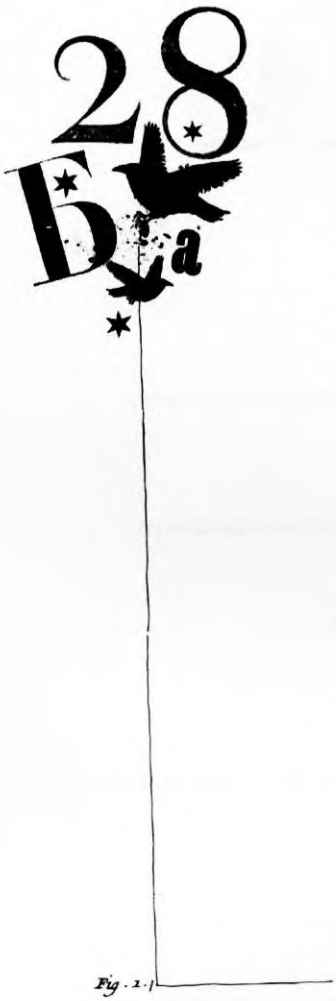
26.

Я ли это, господа мои, снова сплю до полудня
я, тот, кто в Новогрудке, Кальнике, Граце, Осло, Палермо, Берлине
в шесть утра одевался
и раздевался, чтоб приступить к стихам?
У меня ли это отвращение к работе
сло́ва, я ли с враждебностью и омерзением вспоминаю отца-пекаря
я ли говорю тощему литератору: скука и тревога
не могу, не умею связать двух строчек
на письмо ответить чиновнику, сочинить куплетик
кукушке за стеной?
Я ли это забросил в угол Горация
отвернулся от Баха
не мелю в красной мельнице кофе и не варю его
я ли это листаю «Выборчу», «Политическую критику», «Цирюльника»
«Квадригу», ворча, что всю варшавскую писанину
готов засунуть в тот самый орган
который выставил из-за кустов
угольщик с улицы Броварной?

А может, это моя тень, ей ведь холодно
может, она растет и на убыль идет в кабаках, нападает на дрожки
будит ни в чем не повинных в глухую промозглую ночь
звонит Снежинке, Кшисю, Збышеку, Рысю
может, это тень зодиакального Водолея, континентального ужаса
тень хряка на привязи, тень амурчика со вздернутым носиком
тень викария из прихода Большие Глаза Поэзии,
тень кающегося грешника

и это он, замерзший, потерянный, блуждает по комнатам
опрокидывает ангелочков
льет мимо унитаза
теряет нимб.

Нет, это обо мне говорит теща
что я кропаю дурацкие пьески
обо мне говорит жена
что я терзаю ее, как Отелло
обо мне говорит тетка с Праги
что я лицо без определенных занятий.



О, скорбная живость мысли
болезненный шквал фантазии
скорбный восторг перед бытием
скорбный лиризм искусства
прискорбно маленький чижик Дюрера
скорбно-прекрасная тициановская Венера
скорбно-проклятое мое пишу — не пишу
о, скорбная угрюмость мысли
скорбный ледник фантазии
скорбный восторг перед небытием
скорбная лирика рухляди
скорбное чучело орла
скорбная уродливая сука
скорбно-дурацкое мое пишу — не пишу.

27.

Давай, вскакивай, кружи, как шмель, по террасе
ох уж эти твои привычки — пощипывай брови густые
бормочи свое: ба! Стишок нацарапай в трансе
и один, и другой; слов жужжанье тебе еще не постыло?
Ты не видишь меня: а я во плоти — но нигде
я лишь облако, что ароматный кофе несет на подносе
и растворяется за кустом крыжовника. Но ты-то — где?
Слышу, мне говоришь: *побудь, на скамейку сядь, успокойся*
почитай, вязаньем займись, только не уходи, не надо.
Приласкай свою *Хмурую* — она ведь, как облако, рядом.

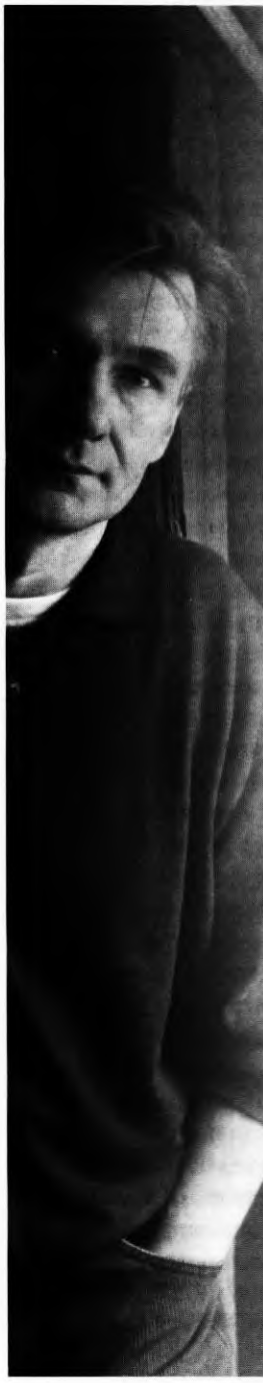
28.

Ба!

9.04 – 11.04.2013

Лешек Шаруга

ВСТРЕЧА С ГАЛЧИНСКИМ



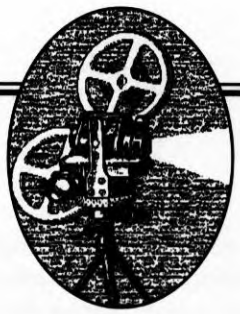
Название новой книги Войцеха Касса изумляет не столько краткостью, сколько многозначностью и загадочностью. Однако дело проясняется после прочтения заглавной поэмы, особенно ее предпоследнего фрагмента: «*Давай, вскакивай, кружи, как шмель, по террасе/ ох уж эти твои привычки – пощипывай брови густые/ бормочи свое: ба! Стишок нацарапай в трансе/ и один, и другой...*». Стихи наконец возникают — как финальный фрагмент произведения: «Ба!».

И все же — кто адресат этого призыва? В тексте достаточно сигналов, чтоб утвердиться во мнении: речь идет о Константы Ильдефонсе Галчинском, который обращается к дочери: «*а это перо я хотел бы, чтоб после моей смерти ты бросила в Вислу, / может, тебе приснится...*». Пожелание вписывается в поэтику автора «Зачарованных дрожек». Нет ничего удивительного, что в пространстве созданного поэтом мира появляется именно Галчинский: Касс — автор уже много лет точно локализованный, привязанный к определенному месту — дому лесничего Пране в Писком пуще, где Галчинский вместе с женой несколько раз бывал и намеревался поселиться по соседству. Ныне здесь музей его имени, директором которого много лет назад стал Войцех Касс. Потому нет ничего удивительного в том, что повествователь поэмы говорит: «*Кто я такой?/ Икона поэта —/ а сколько икон/ на небосклоне света*». Это значит, что и Галчинский стал такой иконой. Голоса двух поэтов смешиваются, накладываются, просвечивают один сквозь другой. В результате именно в этом пространстве мы находим «*Из колоннад/ газетных изгнанные/ стихи*», где автобиографизм переплетен с автотематизмом.

Остальные стихотворения книги собраны в два цикла: «Приснившееся» и «Явь (или Антиприснившееся)» — материя и антиматерия, взаимодополняющиеся участки опыта. Особенно интересно здесь то, что подчеркнута, даже демонстративно, по примеру самого Галчинского, суверенность стиха, как во фрагменте первого цикла:

Откуда этот стишок? Он из тумана контуром лезет
ни послам, ни ослам не служит, ни черным мессам:
Чей ты, котик? Какой твой герб? А костюм? Ну-ка, постой...
— Бога ради, я же ничей, вольный, я просто свой.

В этом манифесте есть то, что Шимборская назвала «радостью писания», а еще есть интонация, которую можно найти в одном из поздних стихотворений Леопольда Стаффа: «Откуда это ко мне метнулось?/ (...) Но ведь факт,/ Вырвалось вдруг, сверкнуло/ Сразу в сердце и в голове, ну да,/ И вот оно есть! Есть, дорогие мои господа!». Быть может, именно это более всего привлекает Касса в поэзии — неведомый, таинственный исток, как в стихотворении «Голос»: «Этот голос, я его даже не слышу/ не наполняет меня, не является, не колышет/ едва темнеет, как на снегу проталина / словно уже пережил свое первое тело/ и желает второго и третьего, а то и более дальнего»: ба!..



Катажина Тарас

НАКОНЕЦ-ТО ПРОСТО «ЛЮБОВЬ»

Если бы меня попросили назвать фильм, лучше всего показывающий, что мы уже (наконец) окрепли в том «новом» (под «новым» я понимаю период после 1989 г.), то я назвала бы именно «Любовь». Потому что в нем богатство — не порок, герои относятся к среднему классу, они успешны, а профессиональный успех показан как вещь нормальная, как что-то, к чему можно стремиться.

Мария (Юлия Кийовская) в «Любви» Славомира Фабицкого — героиня в польском кино необычная. Ее мир не ограничивается материнством: она мать, но не только мать, рождение ребенка не изменило ее взгляда на себя и свою женственность, она продолжает чувствовать себя любовницей и хочет быть ею. Не ограничивается она и ролью жены — да, ее брак разваливается, но не по ее вине, а потому, что проснулся «greeneyed monster», зеленоглазый монстр. Но она — жена и хочет ею оставаться. Работе Мария тоже умеет сказать «стоп», если более важные проблемы касаются ее здоровья и ее еще не родившейся дочери. Мария знает, чего хочет, что для нее важно, и умеет ставить свои условия.

Мария знает и видит больше. А может быть… Мария видит по-другому, потому что смотрит как женщина, замечает детали и нюансы, и потому хочет предостеречь своего мужа Томека (Марцин Дороцинский) от того, что угрожает их союзу. Однако мужчина настолько уверен в себе и в том, что ему принадлежит, что пренебрегает предостережениями жены. Он гордится тем, что его жена может быть интересной другим мужчинам даже на последних месяцах беременности, и не верит опасениям жены, что ее начальник (Адам Воронович) готов перейти границы флирта. Впрочем, его ухаживания на руку Томеку, они могут способствовать его карьерному росту, получению новых заказов. Во избежание ложных догадок замечу, что в поведении мужа нет никакого сводничества, скорее, повторю — гордость обладания. Потому что «Любовь» — это еще и история об обладании. Обладании другим человеком, но и в более примитивном смысле — о желании располагать средствами, обеспечивающими жизнь на определенном уровне. О самом стремлении «обладать», которого польские кинематографисты наконец перестали стыдиться и показывать как отклонение от нормы. В «Любви» на экране появился (наконец-то) польский средний класс, и все-таки не обогащение и карьеризм в нем важнее всего. В центре внимания Славомира Фабицкого, Петра Щепанского (операторская работа) и Марека Прухневского (сценарий) — эмоции: те, что исчезли, те, за которые борется Мария, и те, что управляют Томеком.

Давно я в польском кино не видела такого последовательного изображения двух миров, различных и равнозначных: мира мужчин и мира женщин. Помимо главных героев (потому что к Томеку у меня тоже нет никаких претензий, настолько он органичен в своих метаниях между доверием и неверием),

больше всего мне нравится в «Любви» то, что без напряжения и без морализаторства авторы показали нечто, о чем мы как будто знаем, но что кажется нам несущественным, банальным. Они показали, что мы, мужчины и женщины, живем в совершенно разных пространствах и лишь иногда пересекаемся, что мы по-разному понимаем любовь, семью, ответственность, гордость, — но они показали и то, как бывает хорошо, когда нам, наконец, удается найти общий язык. (Я совершенно не оцениваю, чей способ видеть и чувствовать мир лучше, просто эта разность, наша разность, кажется мне чрезвычайно увлекательной). И только на моменты такого взаимопонимания мы и можем рассчитывать, а все мечты о том, чтобы дышать одним воздухом в одном ритме, лучше оставить в области пансионерских и школярских представлений о «том единственном» или «той единственной». Замечательно, какое определение дают авторы «Любви» этому понятию: любовь — это «мышление другим». Именно так любит Мария (и симпатии создателей фильма на ее стороне). И тогда, когда она без сопротивления уступает отвратительному начальнику, чтобы не причинить вреда не родившемуся еще ребенку. И тогда, когда дает той, которую так любит Томек, то, что важнее всего в момент умирания — покой и любовь, несмотря на то, что невестка и свекровь никогда особенно не дружили, причем, скорее, не по вине первой.

«Любовь» — это кино для взрослых и о взрослом человеке, осознанно взрослом, потому что Мария связала свою жизнь и хочет быть с Томеком осознанно, а не от бессилия или страха. С. Фабицкий, М. Прухневский и П. Щепанский (самый интересный оператор последнего полугодия, нельзя не отметить, как он представил ту фазу отношений, когда союз не столько окреп, сколько остыл) приоткрыли нам два пространства, которые соприкасаются лишь в некоторых точках, показали во всей полноте вещь самую трудную, а для натур романтических (в широком смысле этого слова) — и вовсе неприемлемую: повседневность. В польском кино повседневность всегда была не в особом фаворе… А ведь это — самый универсальный опыт. «Любовь» — редкое в польском кинематографе изображение обыденности, чего-то, чем не наслаждаются, а только стараются пережить. Нам представили самую трудную ипостась любви, не героическую, романтическую или несчастную любовь, позволяющую пребывать в сфере иллюзий, а повседневное, будничное чувство. С. Фабицкий, М. Прухневский и П. Щепанский показали мир без иллюзий. Действительность, а не фантазии о том, как могло бы быть. Считается, что существует сидром «Ромео и Джульетты». Славомир Фабицкий и его коллеги рассказали нам о том, что было бы, если бы любовники остались в живых.

Отважно сыгранную Юлией Кийовской (и, прежде всего, прекрасно прописанную) героиню любовь не ограничивает (в отличие от героя, что не удивительно, если он понимает любовь как «состояние обладания»), наоборот, она придает ей силы для борьбы за семью и для того, чтобы простить тому, кто усомнился и ушел восвояси. То, что делает Мария, она делает от своего имени, и поэтому она кажется мне такой нетипичной, уникальной героиней в польском кино. Эта ее уникальность (именно в польской традиции) исходит из мотивации героини. Ее поступки определяются сугубо личным, эгоистическим чувством, которое закрепощает и подавляет, если человек не в состоянии его принять, и, наоборот, дает свободу, если с ним сталкивается зрелая личность. Хотя, может быть, самое важное — уметь принять его со смирением. В «Любви» нет борьбы за Общее Дело (именно так — с большой буквы), есть борьба за самого себя.

Казалось, что Томек будет нежным и терпеливым отцом, а вышло, что он ревнивец, который в своей ревности (и в то же время страдании) настолько человечен, что сложно не понять его резкости — хотя ее и нельзя оправдывать, и я не собираюсь этого делать. Потому что герои «Любви» невероятно человечны, и в этом тоже состоит их нетипичность. Это не борцы, не мученики за идею, а просто люди. Они добиваются своего. В этом фильме нет и следа героизма, никто не приносит себя в жертву ради другого. И ничего удивительного — когда речь идет о любви, героизм и жертвенность отступают. Для Марии и Томека самое важное — их личная, маленькая, частная жизнь.

Я рассматриваю этот фильм как итог курса психотерапии*, который в последние годы прошло польское кино, или, по крайней мере, как некий заключительный аккорд в диалоге между фильмами

* О психотерапевтической стратегии в отношении некоторых фильмов 1945-1961 годов писал Тадеуш Любельский в крайне важной для исследователей польского кино работе «Авторские стратегии в польском игровом кино 1945-1961 гг.» (Краков, 2000).

о женщинах и фильмами о мужчинах. Первые связаны с прошлым. Вторые — с современностью. В обеих группах есть высоко оцененные профессионалами и заслужившие зрительские симпатии картины. Все началось с «Малой Москвы» Вальдемара Кшистека (2008), затем был «Реверс» Бориса Ланкоша (2009), «Розочка» Яна Кидавы-Блонского (2010), «Венеция» Яна Якуба Кольского (2010), наконец, самая интересная и острая «Роза» (2012) Войтека Смажовского, благодаря которой героиня польского кино наконец-то обрела тело, но это отдельная тема. Авторы всех этих фильмов взялись описать историю Польши через историю женщины, потому что рассказ о женщине придает наррации персональный оттенок, приближает ее, осваивает.

Сцена атаки на танк не каждому близка, а рассказ о том, как добывался хлеб или обувь для ребенка, затронет каждого — вспомним трогательный фрагмент в «Матери королей» Януша Заорского. Это повести не о борьбе, а о попытке выжить. В «Шифрах» Войцеха Ежи Хаса есть фраза (цитирую по памяти), что тяжелее всего вести войну между комнатой и кухней. Сложно с ним не согласиться. Во всех этих картинах рядом с женщиной появляется внебрачный ребенок — в результате романа на стороне или, чаще, изнасилования. (Исключение — уникальный фильм Кольского, повествующий о конце прекрасного мира, об обреченной реальности, который я все же не могла не включить в этот список, потому что в центре внимания и режиссера, и зрителя именно женщины, лучше осознающие свое будущее, чем героини Ивашкевича и Вайды, сестры в «Девушках из Вилька»). И именно в образе ребенка в историях женщин, будь то жена советского пилота, редактор из отдела поэзии издательства «Новины», машинистка из деканата или самая сильная из них — хотя и больше всех страдавшая — мазурка, я вижу попытку ответить на вопрос: откуда мы, чьи мы? И оказывается, что мы ничьи, неизвестно какого происхождения, и мы либо сможем это принять, либо… нам будет тяжело. И это первая фаза терапии — осознание своей неукорененности, что, конечно, можно понимать и как проклятие, и как подарок небес — если мы начинаем с нуля, то все зависит от нас самих, и мы никого не обязаны благодарить.

Вторая фаза — примирение с прошлым (но уже не общим, не страны или нации, а своим, частным, прошлым не очень далеким, потому что действие происходит теперь в 70-х – 80-х годах, а не как в фильмах о женщинах — в 40-х, 50-х и 60-х). Именно с этим мы сталкиваемся в картинах, составляющих второй голос диалога: в «Эрратум» Марека Лехкого (2010), «Боязни высоты» Бартека Конопки (2011) и, прежде всего, в «Кроте» Рафаэля Левандовского (2011). Михал (Томаш Кот), герой фильма «Эрратум», сбежал из родного городка, но и в большом городе карьеры не сделал. Правда, у него есть жена, сын, работа, но он стал не музыкантом, как мечтал, потому что не поступил в музыкальную академию, а бухгалтером. По распоряжению начальника (Михаил должен пригнать ему заказанную машину) герой навещает родной город. Авария, в которой погибает сбитый им бездомный старик, встреча с другом, с которым они собирались создать группу, — все это становится поводом для того, чтобы выбитый из колеи Михал проработал отношения со своим отцом, признал его право на ошибки и перестал винить отца в собственных неудачах. Мы не знаем, что было причиной конфликта отца и сына, потому что главное в фильме — не прошлое, а то, что наконец-то сможет сделать с ним герой.

Мареку (Марцин Дороцинский) из «Боязни высоты» приходится столкнуться с психической болезнью отца (Кшиштоф Строинский) и самому стать отцом, рискуя передать наследственность. И он идет на это — дарит отцу последний поход в горы и принимает ребенка. Он примиряется с прошлым, потому что знает, что только на таком примирении, а не на вытеснении и побеге, можно построить что-то конструктивное.

В свою очередь, герой «Крота» (Борис Шиц) признает право на ошибку своего отца, которую тот допустил из-за любви к смертельно больной жене и сыну: чтобы обеспечить ей лечение и избежать отправки ребенка в детдом, отец, запуганный угрозами в адрес самых близких людей, стал секретным сотрудником. Сын понял мотивы отца, хотя и не полностью с ними согласился, и воздал по заслугам шантажисту, повторяя при этом жест Франца Маурера в «Псах» — сжег документы, которые тот считал гарантией благосостояния.

Герои этих картин примиряются с прошлым, выясняя отношения со своими отцами, уже и сами будучи или становясь отцами. Конечно, принять прошлое — это еще не значит признать, что оно

было отвратительным, но первый шаг сделан. И этот шаг можно интерпретировать как жест единения поколений. А такое в польском кино бесценно. Поэтому фильмы об отцах я рассматриваю также как «истории продолжения», а не «разрыва». Ведь ни о каком отцеубийстве речи здесь нет. В том, что большинство польских режиссеров именно так видит сосуществование прошлого и будущего, меня убеждают также «Моя кровь» (2009) и «Крещение» (2010) Марцина Вроны, в которых последовательно разоблачается иллюзорность чистоты (в общепринятом значении этого слова), а значит — и соблазн, а может, и неофитский императив «строительства нового общества». У героинь фильмов Вроны — свое прошлое, и на этом основано упомянутое разоблачение. Они переходят «из рук в руки», но в этой «передаче» можно угадать желание продолжения того, что было.

Конечно, такая реификация, такое овеществление мне не совсем по душе, но, не вдаваясь в полемику, я хотела бы заострить внимание на том, что в фильмах Вроны отцовство — это способ упорядочивания своего кусочка мира. Так понимает отцовство Игорь (Эрик Любос), герой «Моей крови», боксер, узнавший от врачей, что не вернется на ринг и вообще долго не проживет. Он хочет оставить что-то после себя, а затем это не слишком альтруистическое желание превращается в подарок отцовства тому, кто в нем больше всего нуждается.

Отцовство становится также способом ресоциализации человека, сбившегося с пути — такова мотивация Михала (Войцех Зелинский). Зная, что погибнет, потому что не может больше платить бандитам, которые его шантажируют, он хочет «передать» семью Янеку (Томаш Шухардт), не только заботясь о родных, но и в надежде, что это заставит друга детства повзрослеть и не совершить той же ошибки, что и он сам, не даст ему стать «солдатом» Толстяка (Адам Воронович). Сможет ли друг воспользоваться шансом — это другой вопрос и история для другого фильма.

Говоря о героях польского кинематографа, нельзя забывать, что на переломе 80-х и 90-х появилось огромное количество разного уровня фильмов о бандитах. Мирослав Пшилипяк и Ежи Шилак даже предложили для этого жанра отдельное название — «бандитское кино»**. В связи с этим можно заключить, что героем фильмов времен устройства «новой жизни» был Бандит, а героем обживания «нового» стал Отец. Бандиты заправляли в пространстве аномии, беззакония; но с той действительностью, где старые нормы уже не работали, а новые еще не были созданы, только они и могли справиться — вспомним хотя бы элегантного Герарда в «Долге» Кшиштофа Краузе (1999). Отцы упорядочивают то, что имеют, что получили или чего добились, и ничего удивительного, раз Отец представляет «мир мысли, (…) мир закона и порядка»***.

Тот факт, что на смену Бандиту пришел Отец, доказывает, что мы справились с «новым» и научились им управлять. Бандит, Отец, а теперь просто Мужчина и Женщина — и именно о последних стоит рассказывать, потому что не каждый зритель годится на роль (символического, конечно) Бандита, не каждый стал Отцом, но Мужчиной или Женщиной является каждый из нас. И я жду фильмов о Мужчинах и Женщинах.

**М. Пшилипяк и Е. Шилак. Новейшее кино. Краков, 1999.
***Э. Фромм. Искусство любить. Познань, 2000. С. 51.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Один из вечных вопросов, которым задаются люди, касается того, как избегать конфликтов с соседями. Как известно, каждое пограничье имеет две стороны: одно дело польско-российское пограничье, а другое — российско-польское, хотя безумство истории устроило так, что после 1945 года, а в особенности после 1991-го оно располагается в самом неожиданном (для людей из прошлого) месте — на территории бывшей Восточной Пруссии. Тем не менее Россия и Польша — сегодня соседи, и тема взаимоотношений — это вопрос, по крайней мере для Польши, если не фундаментальный, то в любом случае жизненно важный, и направлен он в большей мере в будущее, чем в прошлое.

Об этих проблемах пишет профессор Анна Вольф-Повенская в статье «Изберите себе знак мира», опубликованной в «Газете выборчей» (№ 265/2014). Большая часть статьи посвящена единению, которое произошло между Польшей и объединенной Германией в 1989 году в Кшижовой: ««Теперь очередь России». Так сказал Тадеуш Мазовецкий во время юбилейной встречи в Кшижовой в 2009 году. Сможем ли мы выполнить завет премьера? Сегодняшняя политика России в отношении Украины и Евросоюза может всерьез отпугнуть. Важно, однако, напомнить, что польские и немецкие граждане протянули друг другу руки в условиях бесцеремонной идеологической конфронтации. Когда подвела большая политика, началась малая внешняя политика вдали от центров противоборства». Автор имеет в виду написанное еще в 1965 году письмо польских епископов немецким епископам, в котором содержался далеко не всем тогда понятный призыв: «Прощаем и просим прощения». И далее в статье: «Важным доказательством готовности преодолеть политическую антипатию мог бы быть визит Кирилла I, патриарха Московского и Всея Руси, в августе 2012 года. Совместное послание Католической Церкви и Русской Православной Церкви обоим народам должно было открыть новую главу в польско-российских отношениях, основанных на доверии и правде. Но перелома не случилось. Визит не поддержали ни политические элиты, ни общественное мнение. Депутат от «Права и справедливости» вообще сразу заявил, что не будет никакого единения с «путинским варварством». Так называемые истинные патриоты отвергли усилия «прихвостней Путина», полагая, что до этого визита вообще не должно было дойти. Мы не пользуемся уроком, который можно вынести из нескольких десятилетий единства поляков и немцев. Путин когда-то уйдет, останутся обычные люди. Что скажут себе поляки и русские, когда никто уже не будет помнить о причинах европейских санкций и эмбарго на польские яблоки? А ведь существует проверенная дорога. У людей искусства, науки всегда было больше всех друзей на свете. Культура как *lingua franca* не решает, конечно, политических проблем, но может упростить взаимопонимание. Более, чем широкие жесты, ценны малые шаги, вместо принципа «око за око» — ежедневная смелость преодолевать предубеждения. Нам необходимы добровольцы для дела единения с русскими. В отношениях с Россией нам нужны люди отважные, которые будут руководствоваться не идеей реванша, а наставлением Эмунда Османчика. Сразу же по окончании войны с Третьим Рейхом он призывал земляков: «Нам предстоит дорога эмоционально самая неприятная и интеллектуально самая трудная — мирного, деликатного и разумного сотрудничества с Германией»».

Мы всегда внутри исторического процесса, течение которого, правда, не отвергает прошлого, но, случается, в будущем изменяет взгляд на прошлое. То, что с сегодняшней перспективы кажется нереальным, когда-нибудь сможет оказаться удивительной действительностью. Можно, конечно, понимать прагматизм неотложных политических действий, но этот прагматизм следует вписать в желаемую (это не значит, что она именно таковой будет) картину будущего. В подборке материалов, посвященных конфликту на Украине, на страницах «Новой Восточной Европы» (№ 6/2014) большинство текстов ограничивается актуальными вопросами. На их фоне выделяется интервью Кшиштофа Чижевского

под заголовком «Ни слишком малое, ни слишком большое»: «Будущее пограничья Польши с Востоком основано на диалоге, а не на конфронтации. Эта, казалось бы, наивная констатация — ключ к построению культуры польской восточной политики. Мы строим ее не с позиции малого и исторически закомплексованного народа, но и не с позиций кого-то цивилизационно привилегированного и доминирующего. Мы будем дальновидным партнером, который сумеет узнать и понять других. Наш авторитет на Востоке должен быть основан на доверии к нам, мы должны быть благонадежными партнерами и не использовать слабости противника. В ответ на путинскую историческую политику мы не создаем собственную апологию, давайте отважимся на критику, свободную от трусости, когда надо признать собственную вину. Вместо того, чтобы разделять, ссорить и отвергать, наша восточная политика должна сближать, объединять, интегрировать. Будущее пограничья Польши и Востока зависит от политической культуры, которая будет в состоянии примирить живущих в Литве поляков с их собственным государством, поддержать строительство гражданского общества в Беларуси, помочь интеграции поликультурной и многоязычной Украины, открыть Восточное партнерство к сотрудничеству с Россией и Турцией, поддерживать старые и строить новые мосты между Западной Европой и Востоком, ангажироваться в решение глобальных проблем. Чтобы воплотить в жизнь таким образом понимаемую польскую политическую культуру, нужно настроиться на долгую дистанцию и провести необходимую работу в нашем собственном доме. В последнее время польская сторона предъявляла слишком много претензий и диктовала слишком много условий. Наглядный пример — это Литва, где мы своим непониманием и неумением разобраться в локальных конфликтах отталкиваем от себя все новые, ранее настроенные на сотрудничество группы. Отношения с Вильнюсом показывают также, что Варшава в восточной политике должна научиться играть роль более крупного и сильного партнера. Чтобы избавиться от парализующей одиозности «слона в посудной лавке», мы должны с уважением изучить ситуацию и устремления как Литвы, так и Восточной Европы, и лишь тогда находить и поддерживать в этом пространстве общее благо (без скрытых намерений). Логика «мы помогаем польскому меньшинству в Литве и тем самым укрепляем демократическую Литву» должна быть изменена на «мы помогаем Литве, от чего также выигрывают живущие там поляки». Самая главная инвестиция польской восточной политики — это сам Восток, его благосостояние, его культурная инаковость, а также наше с ним добросовестное и далеко идущее партнерство. Только таким образом мы можем реально стоять на страже интересов поляков, живущих на Востоке, на страже безопасности Польши и ее соседей, способствовать развитию европейской интеграции или защите прав человека. Важная, но плохо понимаемая, а вследствие того недооцененная сфера польской восточной политики — это культура. Авторитарные режимы в Восточной Европе, как когда-то, так и сегодня, укрепляют свою власть церемониями в стиле «зрелища для народа». Если мы хотим перемен, то должны сами отойти от традиций однократных мероприятий и краткосрочных проектов. Востоку нужна культура, чтобы построить гражданское общество, органично включенное в локальные сообщества. Культура, которая будет существовать не только в центрах, но и в отдаленной провинции, и будет объединять мультикультурные и дезинтегрированные сообщества на конфликтных пограничьях. Наша восточная политика требует нового поколения аниматоров, которые будут создавать культуру солидарности на пограничье Польши и Востока».

Это оптимистический взгляд. Но немало взглядов других, едва ли не апокалипсических, чему пример — статья Мариуша Пилиса «О тех, кто хочет России отплатить» на страницах журнала «Фронда» (№ 72/2014). Автор подчеркивает: «У меня такое впечатление, что только сейчас возникла реальная угроза утраты Украины Россией. Москва теряет влияние на Киев и контроль из-за непоколебимой позиции простых людей, чья решимость, подтвержденная кровью, не оставляет сомнений, что на нашей восточной границе наконец рождается осознающее свое значение и свою историю независимое государство. На улицы Киева вышли молодые люди — новое поколение, не отягощенное советским опытом, осознающее слово «независимость». Люди, не подконтрольные Москве и не отягощенные даже наследием оранжевой революции, которая разбудила надежды народа и стала фундаментом нынешних перемен. Развитие событий в Киеве, а затем в Крыму и в восточных областях привело к тому, что главные игроки этого действа отошли в сторону или были отодвинуты Майданом. Как

внутреннее положение, так и события вокруг Украины предлагают совершенно новые, иные, чем до сих пор, вызовы сторонникам полной независимости. Трудно сейчас гадать, завершится ли этот процесс успехом. Слишком много геополитических факторов могут влиять на течение дел на Украине, однако несколько шагов в этом направлении уже сделано. Вопреки тому, что нам кажется, к этому причастна сама Россия». Статья заканчивается следующим выводом: «Последовательно реализовывавшаяся с 1999 года политика Москвы, направленная на то, чтобы вернуть стране политическое значение в мире и уладить свои дела и дела соседей, принесла тот эффект, что сегодня, пожалуй, там никто не знает, как изменить направление, в котором движется современная Россия. Оппозиционные Кремлю группы эфемерны и слабы. Их деятельность и влияние на российское общество ничтожны. Это вызывает опасения относительно дальнейшего хода событий, самым тревожным из которых является война на Украине. Согласно тому, что говорят сегодня украинские военные и политики, на территориях, где отмечается военная активность, действует от 10 до 15 тысяч сепаратистов, преимущественно присланных из России. Анализируя войну в Чечне, мы видим, на что способны несколько тысяч бойцов хорошо вооруженной армии. Тем более что украинские территории, на которых она действует, значительно крупнее, чем кавказская республика. Действия, предпринятые Россией на Украине, направлены на ликвидацию украинской независимости. Быстро они с этим не справятся. Процесс будет длиться годами. Однако при пассивной позиции хотя бы Польши станет фактом. Другое дело, что, как ни парадоксально, происходящее на Украине влияет на общественную и политическую ситуацию в самой России. Это весьма деликатная игра, которая потенциально может принести много пользы как российскому обществу, так и его соседям. Конфликты, в которые после распада Советского Союза ангажировалась Москва, были в масштабах этой страны невелики, поэтому их последствия для России и россиян очень небольшие. Но с Украиной, которая является огромным государством, ситуация другая. Если Кремль увязнет на Украине, то автоматически оживут все старые конфликты на всем постсоветском пространстве. В Центральной Азии, в Закавказье и на Северном Кавказе, а также в самой России. Это будет очень грозный процесс, который вызовет определенные явления в российском обществе. Сегодня все равно, будут они позитивными или негативными. Команда президента Путина не только запугивает сегодня ближайших соседей России, но также вызывает реакцию в глобальном масштабе, которая в любой момент может выйти из-под контроля. А потому данная команда должна уйти в политическое небытие. Этого положения можно достигнуть, ибо тех, кто хочет России отплатить за последнее двадцатилетие, и в самом деле много».

Чем бы могли быть эти глобальные реакции, выходящие из-под контроля, об этом автор предусмотрительно не пишет. И правильно: у страха глаза велики.

Патриция Отто
Марек Хондзинский

МЫ ПЬЕМ ВОДКУ, КАК 20 ЛЕТ НАЗАД

Среднестатистический поляк выпивает ежегодно столько же водки, сколько в середине 90-х годов. А вина мы потребляем вдвое меньше, чем на рубеже веков. Так, по крайней мере, следует из подсчетов Центрального статистического управления.

3,6 л. алкоголя на человека — столько в пересчете на чистый спирт составило потребление крепких алкогольных напитков в прошлом году. Данные Центрального статистического управления не оставляют сомнений: поляки с каждым годом потребляют все больше крепких спиртных напитков. В прошлом году они выпили рекордное количество спирта по сравнению с 1994 годом, когда средний показатель достиг отметки 3,8 литра.

Эксперты и представители алкогольной промышленности комментируют это так: действительно, популярность крепких спиртных напитков растет. Но изменяется структура потребления в этом сегменте рынка.

— Вместе с ростом потребления алкогольной продукции мы видим повышающийся интерес к ароматизированной водке или виски в ущерб чистой водке, — говорит Анна Калиновская, член правления ООО «Vinpol». Одна из причин — растущий акцизный налог, повышающий цену на водку.

Другие эксперты тоже не сомневаются: чистая водка будет терять популярность.

— В прошлом году снижение в этой категории составило 1,2%. В то время как продажи ароматизированной водки увеличились на 1%, а виски — на целых 30%. В нынешнем году этот тренд продолжается. По данным за первое полугодие, потребление чистой водки уменьшилось еще на 4%, а продажи виски возросли на 12%, — говорит председатель Союза предпринимателей «Польская алкогольная промышленность» Лешек Вивала.

Гжегож Сляк, председатель компании «Аквавит-Польмос», видит ситуацию несколько иначе. Он признает, что повышающийся акцизный налог бьет по чистой водке, но касается это лишь сегмента премиум-класс.

— Кризис ударил по крупным маркам — таким, как «Смирнофф» или «Финляндия», которые когда-то были очень популярны. Зато настоящее возрождение переживает дешевая чистая водка, то есть та, которая продается в дисконтах и стоит по 14–15 зл. за пол-литра. С повышением акциза крепкие спиртные напитки подорожали, и те, кто производит дешевую чистую водку, в этот момент теряют меньше всего, — считает Г. Сляк.

Глава компании «Аквавит» отмечает другую закономерность: все популярнее становятся бутылки объемом 0,2 л., которые можно купить всего за несколько злотых. По его мнению, крепкие спиртные напитки (независимо от их цены и качества), несмотря на повышение акциза, удерживают свои позиции в структуре потребления алкоголя.

— Это как в спорте. Время от времени все радуются успехам польского волейбола. Но вот на матчи футбольной лиги каждую неделю на стадионы приходит 100 тыс. человек. То же самое и с потреблением алкоголя: время от времени кто-то хочет попробовать виски, но чистая водка была и остается популярной, что следует из наших традиций, — утверждает Гжегож Сляк.

Анна Калиновская из ООО «Vinpol» разделет мнение, что наряду с ценой важным фактором, оказывающим влияние на выбор алкогольного напитка, являются обычаи. Несколько десятилетий назад наиболее частым поводом распития спиртных напитков была получка. Сегодня, как следует, например, из июнского опроса Центра изучения общественного мнения, алкоголь нужен, чтобы отдохнуть с знакомыми или отметить знаменательное событие. Раньше рекорды популярности било дешевое фруктовое вино, которого сегодня уже нет. Впрочем, возможно, именно из-за этого потреб-

ление вина в последние годы по статистике резко снизилось, тогда как продажи пива существенно возросли. Пятнадцать лет назад среднестатистический поляк выпивал почти 14 л. вина в год, то есть в два с лишним раза больше, чем сейчас.

— У покупателя, который был главным потребителем таких «вин», есть альтернатива в виде пива. Для него важна прежде всего цена. А у продуктов на базе пива низкий акциз, и они дешевле винных продуктов, — говорит Анна Калиновская и добавляет, что на наш выбор существенное влияние оказывает также преходящая мода на конкретный напиток. Нужен пример? Сидр.

— Еще несколько лет назад яблочные вина, пользовались исключительно дурной славой, я имею в виду так называемые «плодово-выгодные» напитки. Сейчас мы наблюдаем моду на яблоки, сидр востребован. И это вовсе не результат недавней акции в поддержку производителей польских яблок, она стала только вишенкой на торте, — считает А. Калиновская.

Категория пьющих в Польше (%)	Пиво		Крепкие алкогольные напитки		Вино	
Мужчины		64		35		12
Женщины	37		22		31	

Источники: Центр изучения общественного мнения, Центральное статистическое управление, Государственное агентство по решению алкогольных проблем.

Юлиуш Цвелюх

СВИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Свинина как инструмент российской внешней политики не оправдывает возложенных на нее надежд. Можно даже сказать, что просто подложила свинью.

Здоровье польских свиней — это барометр польско-российских отношений. С такой точки зрения, польские свиньи в последнее время смертельно больны. Хотя еще в начале года польскую свинину в России ждали и тепло встречали. Правда, в виде колбас, сосисок и грудинки и под названиями не слишком эпатирующими польским происхождением.

Польская свинина стала одним из бенефициаров вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО). После самых долгих в истории этой международной структуры переговоров (18 лет) в августе 2012 г. Россия стала 156-м членом ВТО. И уже спустя несколько недель фуры с польской свининой двинулись на Москву. На таможенную территорию Российской Федерации польская свинина входила едва ли не под звук фанфар: благодаря сниженным пошлинам, выгодным ценам и особенно хорошему качеству. После долгого перерыва, вызванного кризисом 1998 г., и двухлетнего эмбарго 2005 г. торговля шла хорошо к взаимному удовольствию.

— 90-е годы — вот было мучение. Даже на завтрак надо было выпить ведро водки. Сейчас упорные возлияния сменились упорными переговорами, и вдобавок по-английски, — вспоминает один из торговцев.

Свинья вкратце

Но, похоже, успех польской свиньи кому-то колол глаза, и взаимное счастье польской свинины и российского клиента продолжалось лишь несколько медовых месяцев. После прекрасного 2013 г. и января 2014-го уже в феврале началось отчуждение. А далее последовал драматичный развод.

— У нас перерабатывающие мощности росли так быстро, что тем и должно было кончиться, — говорит один из торговцев мясом.

Так, один из польских производителей отправлял в Россию 500 тонн копченостей ежемесячно и из месяца в месяц увеличивал экспорт на следующие 50 тонн.

— Экспорт готовой продукции — это также экспорт безработицы. Если колбасу сделает польский рабочий, то русский ее только съест и ничего на этом не заработает, — объясняет простой механизм один из крупных игроков на мясном рынке.

Так что России требовался лишь повод, чтобы защитить свой рынок, а одновременно не нарушить соглашений с ВТО.

В этом деле помогли дикие кабаны. А именно: два диких кабана, зараженных африканской чумой свиней (ASF), обнаружились неподалеку от границы с Беларусью. Польские свиноводы требовали расследовать дело о зачумленных кабанах даже с привлечением спецслужб, заявляя, что больных животных подбросили, поскольку польские дикие кабаны невосприимчивы к африканской чуме, тогда как по ту сторону границы дела обстоят совсем иначе — там были случаи этого заболевания. Словом, нам подложили свинью — и весь сказ.

Россельхознадзор действовал молниеносно, дав российской дипломатии очередной инструмент для тестирования единства Евросоюза. Хотя вся свинина в ЕС охватывается едиными ветеринарными правилами, и датские свиньи вынуждены солидарно с польскими страдать от рестрикций, в России решили, что так быть не должно. Пусть польская свинина лечится в Польше, а в колбасу попадет здоровая, датская. И в Дании это было принято с пониманием. Но экспорту в обход Польши воспрепятствовал Брюссель. В результате российский клиент солидарно страдает вместе

с европейскими свиноводами, потому что польская свинина была дешевой, с выразительным вкусом и оптимальным балансом мяса и жира.

Польша из рекламных буклетов

Большая политика добирается в поселок Ушаково Калининградской области изредка, руководствуясь своей собственной логикой. Местную, ушаковскую, никак не учитывает. И действует слепо: когда приласкает, а когда и отшлепает. 27 июля 2012 года приласкала, потому что ушаковцы, как и все другие жители Калининградской области, были облагодетельствованы малым приграничным движением и могли теперь ездить в Польшу без особых формальностей. А это означало конкретную и исчислимую выгоду: сосиски дешевле в два раза, на 30% дешевле курятина, вкусные сыры по соблазнительной цене. Автозапчасти — дешевле на 20%. Ну, и какой-никакой Запад. А для тех, кто склонен к риску, — заработок на контрабанде сигарет. Навар почти троекратный, поэтому трудно удивляться, что желающих хватало.

Хорошо ездилось из Ушакова в Бранево! Вставляешь ключ в зажигание, прогреваешь двигатель, сорок километров — и уже можешь нагружать корзинку в «Лидле» или «Бедронке».

Тем более, что на российской границе своих пропускали быстрее. Иногда и до Варшавы добирались. Магазины в Калининградской области стали погибать, потому что и товар не тот, и цены вообще — караул. Зато в Браневе торговля цвела. «В городе 18 тысяч жителей, а магазинов — как в 60-тысячном. Но мы еще половину области обеспечивали, так что на нехватку клиентов никто не жаловался», — говорит Генрик Мрозинский, бургомистр Бранева.

Русский клиент быстро разведал рынок и специализировался на покупках по рекламным буклетам. «На самом популярном областном портале появилась даже страничка «Польша» с ссылками на рекламные буклеты польских дисконтеров», — добавляет бургомистр Мрозинский.

Жители Бранева быстро почувствовали, что стали в собственном городе покупателями второго сорта. Торговля приспособилась под русских клиентов, вплоть до режима работы. В России время на час вперед, так что и в Польше стали на час раньше открывать магазины. Люди даже жаловались, что на самые выгодные распродажи должны ездить в «Лидл» в Эльблонг, потому что в родном городе русаки (так тут называют соседей) все выкупили.

Нескандальный клиент

Бургомистр спокойно наблюдал за ситуацией, потому что всегда мог спросить, где кто заправляется бензином и какими сигаретами затягивается. И сразу воцарялось спокойствие и взаимопонимание. Мэр стал привлекать инвесторов, потому что оказалось, что три «Бедронки» (одна строится), «Лидл»

и «Нетто» — это маловато, чтобы удовлетворить местные и заграничные аппетиты. 10 месяцев назад к этой группе присоединился «Интермарше». «Не скрою, в Бранево нас привлекла близость границы и большое число клиентов с Востока», — говорит Бартломей Улятовский, владелец магазина. Да и не получится скрыть, потому что именно он первым начал печатать рекламные буклеты на русском языке и распространять их непосредственно в Калининградской области.

На волне взаимных посещений люди учились строить отношения и тестировали ментальность. Оказалось, что, вопреки опасениям, клиент с Востока — воспитанный. Не крадет и вообще не скандалит. Платит наличными, которые почти в 90% случаев носит на плече в маленькой сумочке с ремешком, которую в народе называют педерасткой. Его спутницу можно узнать по прическе и классическому фасону обуви. Зато к магазину он подъезжает, как правило, на значительно большем и более дорогом автомобиле, чем поляк. И безусловно, намного больше покупает, в связи с чем некоторые кассирши не без ехидства замечали, что русский всегда наваливает товара в тележку, как в КамАЗ. Русские также оказались благодарными клиентами и в отношении торговых акций. «Товары по специальным предложениям покупали в количествах чуть не оптовых», — говорит Моника Красицкая, руководитель магазина «Интермарше». Непонятно лишь, как клиент может все это перевезти в Россию. Непонятно, впрочем, только тем, кто не живет возле границы.

И все же стратегическим товаром оказалось мясо. В «Интермарше» решили устроить при магазине мясной цех. Удачная инвестиция, потому что магазин хотя и не гигантский, а ежемесячно перерабатывал 20 тонн мяса. Русские смотрели на польские колбасы недоверчиво, так как у них ассортимент формируется совсем иначе. Самая дешевая — «докторская» колбаса, такую лучше бы не есть. На вершине цены и качества расположились копчености на основе говядины. Вполне себе вкусные. Польские колбасы заполнили нишу. «Подвавельская» и «слёнская» стали завоевывать Калининградскую область.

А русские дамы — сердца местных пенсионеров. «Нечего тут скрывать: наши пенсионеры охотно искали жен за восточной границей, видимо, есть в них что-то такое, чего недостает полькам», — говорит бургомистр Мрозинский. Что конкретно — этого бургомистр не знает, поскольку сам женат, у него двое детей и до пенсии ему далеко.

И продолжались бы этот бум и братание еще долго, если бы снова не аукнулась большая политика.

Мертвое, но ожившее

— После апрельско-майского краха продажи постепенно возвращались к норме, — вспоминает Бартломей Улятовский. Торговцы рассчитывали на весну, поскольку это праздничный период. Но русские с каждым днем все реже появлялись в магазинах. 7 апреля Российская Федерация ввела эмбарго на польскую свинину. А на границе удивленные россияне узнавали, что могут везти домой не больше 5 кг продуктов на человека. «Это не новое правило. Оно действовало уже много месяцев назад», — рассказывает Наталья Каданцева, пресс-секретарь таможенного управления в Калининграде. Просто правило было мертвым, однако, к общему удивлению, ожило. Мало того, если в этих 5 кг обнаруживался продукт с содержанием свинины, то товар конфисковался. Апрель стал черным месяцем для торговцев из Бранева и окрестностей.

Оказалось, что в городе местным жителям недостает русских. Потому что местные еще не выработали в полной мере навык ходить в рестораны. Без русских магазины не могли так быстро снижать цены. И даже аптеки охватила паника, потому что три новых аптеки появилось в городе после открытия границы, и они еще не успели себя окупить.

В начале мая приграничное движение начало обретать динамику. Но не торговля. Потому что русские грустно ходили между полками и очень немногое с них брали. Таможенники по-прежнему строго контролировали багаж, проверяя, чтобы люди везли не больше 5 кг мяса на человека. Самые отчаянные стали возить с собою за покупками детей и стариков. Но КамАЗов возле касс больше не было.

Мясо ушло в подполье. В тайниках, в которых в Польшу контрабандой въезжали сигареты, начали

выезжать свиные полутуши. «В таких случаях всегда действует простой закон спроса и предложения, — утверждает Войцех Пенкальский, депутат из Бранева. — Контрабанда была, есть и будет».

Тем более, что в Калининградской области построено несколько крупных мясных предприятий, которые перерабатывали сотни тонн мяса ежедневно. Колбасы из Калининграда ехали прямо в Москву. Лишенные сырья большие предприятия начали снижать производство. А небольшие — раздобывать мясо на свой страх и риск. Чаще всего в Польше.

Безопасный, как Шарик

После двух месяцев клинча оказалось, что игра с эмбарго не выгодна ни одной из сторон. «Наши таможенники мяса особенно не ищут, потому что зачем им осложнять людям жизнь, а русские тоже по сравнению с маем подобрели», — говорит один из местных предпринимателей. Правила правилами, а есть что-то надо. Тем более, что Москва далеко, а до Бранева рукой подать. «После апрельско-майского краха продажи вернулись к норме», — сообщает Бартломей Улятовский из «Интермарше».

Торговые обороты в рамках Tax Free даже сильно увеличились. На пограничном переходе в Гжехотках вновь воцарился обычный распорядок. С самого утра за покупками едут русские. Днем с другой стороны тянутся поляки: заправиться бензином по 3 злотых за литр, купить сигарет по 2 злотых в дьюти-фри и напиться хлебного кваса, у которого среди поляков появляется все больше поклонников. Ближе к вечеру поляки и русские едут навстречу друг другу. Помигивая фарами, предупреждают друг друга о милиции и полиции. В августе решение президента Путина ужесточило таможенные правила. На границе люди как-то ладят, но не хотят вникать в подробности. «Есть такой список тем, которых мы избегаем: Путин, Украина. А вот, например, о Шарике и четырех танкистах всегда можно поговорить, потому что эта тема безопасная и приятная для обеих сторон», — рассказывает пан Марек.

Времени у него много — он дожидается свободного места в автомастерской. Почти у половины машин, которые ремонтируются в Браневе, номера из Калининградской области.

POLITYKA

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» В конце октября Краков, который в прошлом году получил титул «Город литературы ЮНЕСКО», стал бесспорной литературной столицей Польши. Главным образом, в связи с двумя мероприятиями: международной книжной ярмаркой и Шестым фестивалем Конрада. Читатели могли встретиться, например, с Борисом Акуниным, с каталонским писателем Жауме Кабре, американским писателем и сценаристом Полом Остером, с Раджем Шехадехом из Палестины, а также с польскими авторами — Ольгой Токарчук, Анджеем Стасюком, Марком Краевским.

» Огромным успехом стала 18-я книжная ярмарка. Установлен рекорд посещаемости: за четыре дня в зале ЭКСПО-Краков побывало почти 60 тыс. человек (в прошлом году — 40 тыс.). Свою продукцию показывали около 700 экспонентов из 20 стран, в том числе из Австралии, Франции, Испании, Германии, Сирии, США, Великобритании, Италии, Венгрии.

» Во время фестиваля Конрада толпы валили на встречу с очень популярным в Польше автором детективных романов Борисом Акуниным. Ее вел известный журналист, знаток России Вацлав Раздивинович. Акунин заявил, что после распада СССР многие его соотечественники все еще страдают имперским синдромом, критически отозвался о политике «сильной руки» президента Владимира Путина, критиковал также аннексию Крыма. По мнению Акунина, следует еще долго ждать, чтобы «спрос на демократию» в России существенно вырос. Одновременно он отметил, что Россия сегодня внутренне раздвоилась, «как двуглавый орел на ее гербе: каждая из голов смотрит в разные стороны». Кроме россиян с имперскими устремлениями, напомнил писатель, следует также видеть и русских, стремящихся к свободе.

» Премия имени Виславы Шимборской — только для поэтов — это большой престиж и серьезные деньги (200 тыс. злотых). Номинантами на присуждавшуюся во второй раз премию были авторы пяти поэтических сборников, изданных в 2013 году: Войцех Бонович за сборник «Эхо», Яцек Денель за «Чужие языки», Мариуш Гжебальский за сборник «В иных обстоятельствах», Юлия Хартвиг за «Записанное» и Михал Соболь за «Пульсары». Международный капитул, состоящий из переводчиков, литературных критиков и исследователей литературы под председательством Адама Поморского, президента польского ПЕН-Клуба, осуществил выбор из 172 заявленных книг.

Лауреатом стала Юлия Хартвиг (р. 1921), признанный и авторитетный мастер польской поэзии. Премия вручалась 25 октября во время церемонии в краковском Конгресс-центре ICE в присутствии президентской четы.

«Несмотря на экономность слова, простоту, избегание пафоса, несмотря на сдержанность и стремление к концентрации, поэзия Юлии Хартвиг — не легкая поэзия. Она вращается, как выразилась сама поэтесса, в районах неизбывной серьезности, хотя этой серьезности дискурса сами поэты ныне сторонятся. Она обращена, таким образом, к последней категории: к понятию порядка», — сказал, оглашая вердикт, Адам Поморский. «Мы уверены, что пани Виславе сегодняшнее решение жюри пришлось бы особенно по вкусу», — отметил Михал Русинек, председатель правления Фонда имени Виславы Шимборской, бывший секретарь нобелевского лауреата. Год назад премию получили Кристина Домбровская за сборник «Белые стулья» и Лукаш Ярош за сборник «Полная кровь».

» Интеллектуальная Варшава отмечала в конце октября 90-летие со дня рождения Збигнева Херберта. По этому поводу состоялась научная конференция, прошли панельные дискуссии «Поэт и мир», «Поэт и история»,

«Поэт и духовность», выставка и поэтический вечер с участием поэтов, близких Херберту. В трехдневном празднике поэзии приняли участие, среди иных, Эдвард Хирш, Юлия Хартвиг, Томас Венцлова, Михаэль Крюгер, Рышард Крыницкий, Алиса Воллес, Адам Загаевский.

» Выставка «Другая перспектива. Заметки Збигнева Херберта из музеев» открылась 28 октября в Национальной библиотеке. Экспозиция включает рисунки поэта с фрагментами его стихов, посвященных искусству. Наброски и рисунки создавались в 1958–1998 годах, чаще всего в музеях и галереях в Западной Европе. Выставку можно посмотреть до конца декабря.

» Музей истории польских евреев, благодаря необычайной красоте архитектурного решения, уже прочно вписался в пейзаж Варшавы. Торжественное открытие здания, спроектированного финскими архитекторами, состоялось 19 апреля 2013 года во время празднования 70-летней годовщины восстания в Варшавском гетто. Однако нам пришлось довольно долго ждать, чтобы это красивое здание наполнилось содержанием. И вот это произошло. 28 октября президенты Польши и Израиля отрыли главную музейную экспозицию — «1000 лет истории польских евреев».

Музей истории польских евреев был задуман как современный образовательный и культурный центр, который тематически не ограничивается трагическими событиями Второй мировой войны. Это не музей Холокоста. Музей оживляет память об общей истории, о двух культурах, которые влияли друг на друга. Здание построено в Муранове — районе, выросшем после войны на руинах варшавского гетто, которое немцы сровняли с землей. Оно располагается в непосредственном соседстве с Памятником героям гетто.

Экспозиционное помещение, как сообщает агентство ПАП, складывается из восьми галерей, представляющих 1000 лет истории польских евреев. Над постоянной экспозицией, занимающей площадь около 4,2 тыс. квадратных метров, работали 120 историков и музейных специалистов из Польши, Израиля и США под руководством профессора Барбары Киршенблат-Гимблет из Нью-Йоркского университета.

Сообщая о торжественной инаугурации музея, зарубежные СМИ указывают, что музей является символом новой Польши, которая не бежит от трудного прошлого, а историю и культуру евреев признает неотъемлемой частью собственного сложного минувшего.

» Петр Матывецкий (р. 1943) стал в нынешнем году лауреатом премии имени Яна Карского и Поли Ниренской, присуждаемой за заслуги в распространении знаний об истории и культуре польских евреев. П. Матывецкий, поэт и эссеист, в своих произведениях затрагивает преимущественно тематику Холокоста. За сборник эссе «Межевой камень» (1995) он получил премию польского ПЕН-Клуба. Теме запутанных польско-еврейских отношений посвящена биографическая книга «Лицо Тувима» (2007) и сборник эссе «Два вздоха. Очерки о еврейской и христианской польско-еврейской идентичности» (2010). Кроме того, Петр Матывецкий — редактор очень ценного труда «От начала. Антология польской поэзии со средневековья до XX века». Вручение премии состоялось 6 ноября в Еврейском историческом институте в Варшаве, а торжественные речи, очень личные и проникновенные, произнесли писательница Ивона Смолька и директор Института, профессор Павел Спевак.

» Как всегда, 11 ноября, в День независимости Польши, своими наградами отметили писателей правые политические силы. В нынешнем году на литературную премию имени Юзефа Мацкевича было выдвинуто десять книг. Лауреатом стал краковский философ, евродепутат по списку «Права и справедливости» Рышард Легутко (р. 1949) за книгу «Сократ. Философия мужа справедливого». Награды получили также Станислава Вятр-Патрыка за поэтический сборник «Баллада об утраченном доме», Томаш Антоний Зак за книгу «Дом за железным занавесом. Письма к госпоже С.» и Ян Польковский за роман «Следы крови».

» 16 ноября в библиотеке Варшавского университета вручались премии журнала «Newsweek» имени Тересы Торанской, умершей в начале

2013 года выдающейся журналистки, мастера интервью. В категории «лучшая книга в литературе факта» премию получила канадский историк Александра Ричи за работу «Варшава 1944. Трагическое восстание». Лучшим журналистским материалом признан фильм Малгожаты Козеры «Был бунт» о крупнейших тюремных бунтах в Европе после Второй мировой войны.

» Войцех Ягельский (р. 1960), репортер, военный корреспондент и писатель, признан «Авторитетом студентов журналистики». Такую премию за совокупность журналистской работы присудили ему адепты журналистики из 20 польских университетов. В. Ягельский много лет занимается проблематикой Африки, Центральной Азии, Кавказа и Закавказья. Ему принадлежит ряд книг, в числе которых «Хорошее место, чтобы умереть», «Молитва о дожде», «Башни из камня», «Ночные путники», «Выжигание трав», «Трубач из Тембисы». Войцех Ягельский не раз был финалистом премии имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж.

» С 7 по 17 ноября в варшавском театре «Студио» проходил фестиваль Коляды, представляющий достижения российского режиссера и его театра. «Обычно, когда мы приглашаем российские театры, они приезжают из Москвы и Петербурга. Мы хотим показать культуру четвертого по величине города России, Екатеринбурга, в котором кипит жизнь», — сказала куратор фестиваля Агнешка Любомира Пётровская.

Публика увидела гастрольные выступления екатеринбургского Театра Коляды и спектакли, поставленные режиссером в Польше. Фестиваль открылся «Ревизором» Николая Гоголя. Были также показаны «Наташина мечта» Ярославы Пулинович, «Борис Годунов» Александра Пушкина, «Гамлет» Шекспира, «Трамвай «Желание»» Тенеси Уильямса, «Вишневый сад» Антона Чехова и «Маскарад» Михаила Лермонтова. Состоялись также встречи с Николаем Колядой, дискуссии, мастер-классы режиссера и показы посвященных ему документальных фильмов.

» «Ревизор» в постановке Коляды на Витольда Мрозека, рецензента «Газеты выборчей» особого впечатления не произвел, но вдохновил на некие общие рассуждения: «Интересно, что и Коляда, и Вырыпаев в Польше пользуются большей популярностью, чем у себя на родине. Откуда эта польская любовь к артистам из России? От тоски по «театру как раньше»? Или их любят за «славянскую душу»? Или, может, оттого, что они напоминают нам сегодня о том, в чем мы похожи на друзей-москалей и о чем стыдливо помалкиваем?

А может, потому, что и Вырыпаев, и Коляда показывают Россию такой, которой ее хотел бы видеть типичный польский интеллигент? В этой Росси мы чувствуем себя в безопасности, узнаем то, что знакомо, не должны думать об этой запутанной современности. У Вырыпаева, рассказывающего в интервью о Боге и специфике «российской демократии», Россия полна больших страстей, но и мистицизма. У Коляды она немного сентиментальная, гротескная, как рассказ Венедикта Ерофеева, обычная и свойская, как соленый огурец».

» В «Новом театре» в Лодзи режиссер Петр Секлюцкий представил 5 октября сценическую адаптацию романа Виктора Ерофеева «Акимуды». Одним понравилось: «Мастерски и смело, чтобы не сказать иконоборчески, показана потрясающая картина клонящейся к упадку человеческой цивилизации и угроз, которые несет с собою всякого рода фундаментализм» (Йовита Кубяк, www.plasterlodzki.pl). Другим понравилось меньше: «Секлюцкий начал «Акимуды» с того, что показал, что Россия — это большой идеологический ГУЛАГ. Формирование умов передает идущая почти с четверть часа «гимнастическая» хореография. Скука. А минутой позже — еще одна длиннота: в Кремле идет сдобренный алкоголем диспут о том, что делать с захватчиками. Интересна только сцена драки a la maniere russe, требующая от актеров хорошей физической формы. И все. Спринт вместо метафизики» (Лукаш Качиньский, «Дзенник лодзки»).

» Ольга Бознанская (1865–1940) была одной из наиболее известных польских и одновременно европейских художниц. Родившаяся в Кракове, большую часть жизни она провела за границей, в Мюнхене и Париже. 173 картины Бознанской можно посмотреть с 25 октября в Национальном музее в Кракове. Выставка

открывает мероприятия, посвященные 150-летию со дня рождения художницы и 75-летию ее смерти. На выставке будут представлены произведения, как экспонирующиеся и репродуцирующиеся чаще всего, например, «Девочка с хризантемами», так и никогда ранее в Польше не выставлявшиеся (такие как «Девочка с белым платочком» или «Бретонка»). Есть автопортреты Бознанской, портреты членов ее семьи, аристократов, детей, немногочисленные пейзажи и натюрморты. Вместе с работами Бознанской будут показаны картины художников, вдохновлявших ее, например, Диего Веласкеса, Эдуарда Мане, Джеймса Мак-Нейла Уистлера. Творчество художницы представлено также в контексте польского искусства, рядом с работами Яцека Мальчевского, Эдварда Трояновского и Мелы Мутер.

Выставка продлится в Кракове до 1 февраля, а затем будет показана в Национальном музее в Варшаве (февраль – май 2015).

» Музей в Татрах — Галерея искусства XX века в вилле Окша в Закопане —обогатился уникальной картиной авторства Станислава Игнация Виткевича, изображающей двух детей — Кристины и Людвики Фишер. Портрет, который 89 лет находился в семейной коллекции Фишеров, был приобретен за четверть миллиона злотых. Покупка произведена на средства Малопольского воеводства. Коллекция произведений Виткация в музее — это, в частности, 85 пастелей и рисунков, а также знаменитые фотографии художника, которого называли «безумцем с Круповек*».

» Считавшаяся до недавних пор уничтоженной во время Второй мировой войны бесценная рукопись XV века — проповеди «Sermones de tempore» — вернулась 17 ноября из Дрездена в Национальную библиотеку в Варшаве. История рукописи была бурной. В сентябре 1944 года немцы вывезли ее на запад, в Гёрбич. Вскоре рукопись была реквизирована советскими властями и перевезена в Москву. В 1958 году СССР передал ее Германии — возможно, по ошибке. Сейчас Германия возвратила «Sermones de tempore» Национальной библиотеке. «Отношение немецкой стороны было весьма доброжелательным. Это большое изменение», — заявила во время торжества во Дворце Речи Посполитой министр культуры Малгожата Омиляновская.

Министерство культуры и национального наследия ведет единую общепольскую базу данных военных утрат — www.dzielautracone.pl, которая включает около 63 тысяч позиций. Наиболее ценной среди военных утрат считается «Портрет молодого человека» кисти Рафаэля, собственность Музея Чарторыйских в Кракове.

Прощания

» 24 октября в возрасте 97 лет в Варшаве умер профессор Шимон Бойко, историк искусства и художественный критик. Он был преподавателем в высших художественных учебных заведениях в Польше и за границей, знатоком и поклонником русского авангарда. Во время поездки в Москву и Ленинград он установил контакт с семьей Родченко и с наследниками Малевича — в те годы, когда имена обоих художников были под запретом. Он создавал сценарии документальных фильмов об искусстве, был знатоком и коллекционером плакатов современного искусства, работал для ЮНЕСКО. При всем том был художником жизни, фигурой необычайно колоритной. «Кем был Шимон Бойко? — написал в воспоминаниях Роберт Мановский, ректор Высшей художественной школы в Варшаве. — Можно долго перечислять: доктором honoris causa, польским искусствоведом и критиком, педагогом, академическим профессором, солдатом сентябрьской кампании, членом редакции журнала «Проект», исследователем творчества польских художников в США, жизнелюбом, поклонником красоты вообще и женской красоты в частности. Своим жизненным опытом он мог бы наполнить несколько биографий выдающихся личностей, жил многообразно и интенсивно. Он всегда был молод, а большую часть жизни был мальчишкой, заточенным в тело старика. Я впервые встретил человека, который так много пережил и так много помнил».

» 1 ноября в возрасте 80 лет в Варшаве умер профессор Януш Славинский, теоретик и историк литературы. Он работал в Институте ли-

*Круповки — центральная улица города Закопане. — Прим. ред.

тературных исследований Польской академии наук, был (в 1972 году) одним из основателей, а потом соредактором журнала «Тексты», а также «Независимой культуры» и «Гуманитарного альманаха». Звание доктора honoris causa присудили ему Лодзинский и Люблинский католический университеты. Несколько поколений полонистов училось по его книгам, таким, в частности, как «Без назначения — цикл работ о гуманитарных науках и методологии литературных исследований», «Литературная критика соцреализма» или «Краткий словарь литературных терминов».

» 4 ноября в Варшаве скончался в возрасте 84 лет профессор Ежи Томашевский, выдающийся историк, один из создателей Музея истории польских евреев. Он был научным сотрудником Исторического института Варшавского университета. Исполнял также функции вице-председателя Объединения «Еврейский исторический институт». В 2005 году вместе с министром культуры и президентом Варшавы он подписал документ, официально утверждающий создание Музея истории польских евреев. Ежи Томашевский входил в состав редакций «Бюллетеня Еврейского исторического института» и «Ежеквартальника истории евреев». Написал несколько десятков книг, среди которых «Очерк истории евреев в Польше в 1918–1939 гг.», «Национальные меньшинства в Польше в XX веке», «Прелюдия уничтожения. Изгнание польских евреев из Германии в 1938 году». Был членом Программного совета Объединения против антисемитизма и ксенофобии «Открытая Речь Посполитая».

О XIX ВСЕОБЩЕМ СЪЕЗДЕ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

С профессором Адамом Маковским, председателем организационного комитета съезда и директором Института истории и международных отношений Щецинского университета беседует Лешек Вонтрубский

— Закончился Всеобщий съезд историков…

— XIX Всеобщий съезд польских историков был организован Польским историческим обществом и Щецинским университетом под почетным патронатом президента РП Бронислава Коморовского и проходил 17–21 сентября этого года. Ведущей темой съезда была очень широко понимаемая морская проблематика. Организаторы хотели посмотреть через призму Балтийского моря на судьбы Польши и европейского континента, а также указать на море как на фактор, который связывает между собой общества, живущие на его берегах, и облегчает их модернизацию.

— Как вы оцениваете это событие?

— Мне очень трудно оценить наш съезд. Возможно, потому, что я отвечал за его организацию, и мое мнение не до конца объективно. Его научные и программные результаты дадут о себе знать в ближайшие месяцы. Это будут как многочисленные публикации, так и очередные конференции, встречи и исследовательские программы. Однако я могу смело заявить, что главные цели съезда реализованы.

— Какие цели стояли перед организаторами сентябрьского съезда?

— Наши цели касались нескольких аспектов. Первый из них — научный: это 54 симпозиума, которые состоялись согласно плану. На них председательствовали специалисты из разных областей. Интерес со стороны внешнего мира был, как обычно, разным. Симпозиумы, которые носили более специализированный характер, обычно проходили в узком кругу. Остальные, с более широкой тематикой, были открытыми. В общем и целом никто не жаловался на отсутствие интереса.

Я надеюсь, что с научной точки зрения мы можем отнести наш съезд к числу удачных. Успели даже выйти первые четыре публикации. Несколько следующих уже готовятся к печати. Мы ожидаем, что вскоре будет опубликовано еще около 30 работ, которые являются результатом щецинского съезда.

Вторая цель состоит в том, чтобы открыть наш съезд для внешнего мира. Я очень горжусь этим. Пять городов — и во всех пяти наши мероприятия вызвали значительный отклик и еще больший интерес. Так было в Волине, Колобжеге, Старгарде-Щециньском, Цедыни и в самом Щецине.

Очень хорошей идеей, хотя реализовать ее было нелегко, была организация здесь, в Щецине, десятка с лишним встреч в самых разных местах города. Но благодаря этому везде что-то происходило — и в Национальном музее, и в книгохранилище, и в здании воеводской администрации, и в Морской академии или в городской управе. Из-за того, что наши заседания проходили как до обеда, так и в послеобеденное время, мы имели возможность принимать у себя в качестве гостей школьную молодежь, а также людей, которые после работы приходили послушать дискуссии историков.

И, наконец, третий элемент — это региональный характер нашего съезда. Региональный не в смысле географического радиуса охвата, а в смысле тематики дискуссии. Море трактовалось не только как экономическое и политическое связующее звено, но и как культурная и цивилизационная составляющая этого региона.

Таким образом, ведущей осью данного съезда было Балтийское море, кроме того преобладающее большинство наших симпозиумов строилось на морской тематике, и именно по указанной причине эта наша специализация так энергично демонстрировалась.

Столь же сильно экспонировалась и специфика Щецина, города польско-немецкого пограничья. В подобном духе протекала и серьезная встреча руководств Польского и Германского исторических обществ, а также работа большой делегации Общества чешских историков и, наконец, симпозиум аспирантов из близлежащего немецкого Грейфсвальда и из Щецина. То же самое относится к начавшемуся в Цедыни и закончившемуся в Щецине конгрессу местных и региональных общественных организаций, в котором принимали участие как немецкие, так и польские партнеры. Все это было видно на щецинском съезде.

— Правда ли, что в заседаниях принимали участие также учителя, в том числе группа польских учителей с Востока?

— К сожалению, нам не удалось организовать их приезд так, как это было задумано. Мы планировали присутствие довольно большой группы польских учителей из нескольких стран, расположенных за восточной границей. Однако этот вопрос до последней минуты оставался в подвешенном состоянии. Еще за день до начала съезда мы рассчитывали на участие достаточно крупной группы учителей из Беларуси, но в последний момент оказалось, что их задержали и лишили возможности совершить эту поездку. Зато приехали 30 польских учителей из Литвы, а также гости из Украины и России. Встреча с ними была весьма эмоциональной.

В наших заседаниях участвовали также многие местные учителя. Собственно говоря, ведь съезд был обращен именно к ним, особенно три крупнейших мероприятия, состоявшиеся в его рамках, в том числе большое заседание, посвященное образованию. Специально для учителей прошли также три симпозиума, в том числе о состоянии сегодняшнего преподавания истории в польских школах, о его программных основаниях и о двусторонних учебниках, содержание которых согласуется с точкой зрения других народов.

Кроме того состоялась встреча с заместителем министра национального образования г-жой Иолантой Бурдзик, на которой учителя дискутировали по поводу текущей ситуации с историческим образованием. В этом мероприятии принимало участие свыше ста человек. В работе съезда участвовали также учителя, которые приехали к нам вместе со своими учениками.

— Каково же сегодня состояние дел с изучением истории в польских школах?

— Способ преподавания истории в наших школах меняется. Я не уверен, что можно утверждать, что, мол, его уровень снижается. Он просто меняется. Совершенно так же, как меняется наша молодежь, которая иначе видит и оценивает все вокруг. Современная жизнь и новые технологии приводят к тому, что иным становится взгляд не только на определенные исторические события, но и на саму историю.

Похожие вещи происходят и с движением по реконструкции истории, которому мы посвятили один из наших симпозиумов. Сегодня это движение сильно притягивает к себе молодежь. Достаточно взглянуть на польские периодические издания. Практически в каждом серьезном еженедельнике сегодня есть историческое приложение, а телевизионные исторические программы встречают с большим интересом. За последнее время на экраны вышла целая серия кинофильмов о Варшавском восстании, на которые наша молодежь ходит не только в рамках школьных экскурсий, но и по собственной воле.

Качество исторической науки меняется точно так же, как меняется качество других наук. Меняются в том числе методы и способы ее преподавания. Я бы не драматизировал ситуацию и не утверждал, что состояние исторической науки — плохое. Зато стоящие перед ней задачи становятся все сложнее.

— А какое влияние на преподавание истории оказывает сегодня политика?

— Политики и политика хотят оказывать на нее как можно большее влияние. Вопрос таков: будем ли мы зависимы в своем мышлении от политиков и насколько? На этот вопрос не получится дать однозначный ответ: да или нет.

С фантастической программной речью выступил на торжественном открытии съезда проф. Стефан Квятковский. Он подчеркивал, что задача историка состоит в поисках правды — не чьей-то конкретной правды, не аргументов, доказывающих чью-то позицию по данному вопросу. Если кому-то наши взгляды не нравятся, он имеет их опротестовать. Точно так же и мы имеем право всегда выражать свое

мнение. В то же время я не разделяю опасений, что историческая наука инструментализировалась и служит в историческом мире исключительно для выполнения различных функций по обслуживанию политики. Всегда, не только сейчас, политики и в Польше, и в других странах старались использовать историю для своих целей. Я считаю, однако, историю настолько дифференцированной, что в ней есть место для очень многих взглядов. И не думаю, что из-за этого мы забредем сегодня в тупик.

— Около 2,5 тыс. участников выразили желание участвовать в съезде...

— Никогда не бывает так, что на столь массовое мероприятие приедут все, кто выразил желание. Мы, однако, не зафиксировали какой-то значительной неявки записавшихся. Точный подсчет участников, с моей точки зрения, абсолютно не имеет смысла. Зато действительно важно, что в нашем съезде приняли участие все, кто этого по-настоящему хотел.

Если бы от меня все-таки потребовали дать количественную оценку, я бы сказал, что было около 3 тысяч участников, т.е. тех людей, которые принимали в работе нашего съезда непосредственное участие. Однако такие ориентировочные оценки очень рискованны, поскольку количество зарегистрированных участников составляет лишь какую-то часть общего их числа. Потому что, например, каким образом учитывать тех людей, которые посещали музеи и не приходили на заседания съезда, хотя посещение музеев было частью программы нашего съезда? Или как посчитать тех, кто осматривал наши выставки, экспонировавшиеся во внешнем пространстве? Никто ведь там не регистрировался. Я уже не стану упоминать таких людей, которые следили за нами с помощью публикаторов или средств массовой информации. Не приехал на съезд и президент РП, хотя еще за 2 дня до открытия я разговаривал с офицерами Бюро охраны правительства по поводу организации его визита.

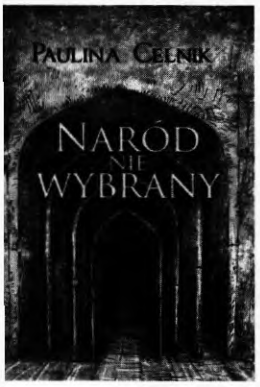
Для меня необычайно важным делом был большой вклад наших студентов в это мероприятие — их особое чувство причастности и то обстоятельство, что они обращались к нам сами, не ожидая за свою помощь никакой измеримой выгоды. В общей сложности за время съезда на нем работало 140 волонтеров. Это была целая армия, которая посвятила съезду много времени, энергии и запала. Без их помощи съезд бы не состоялся.

— Спасибо за беседу.

Евангелина Скалинская

О «НЕ ИЗБРАННОМ НАРОДЕ» ПАУЛИНЫ ЦЕЛЬНИК

«ПОЧЕМУ я снова поехала в Польшу? Из-за этого сна? Поскольку почувствовала себя свободной? Поскольку во мне вновь заговорила моя авантюрная жилка? Или по той причине, что мама умерла?» Такими словами начинается книга Паулины Цельник «Не избранный народ», представляющая собой сборник из девяти интервью, которые автор провела с живущими в Польше лицами еврейского происхождения. Ее собеседники были людьми разных возрастов и обладали разным общественным статусом, однако их связывало одно важнейшее дело. Все, кого она интервьюировала, узнали о своем еврейском происхождении, уже будучи взрослыми, а это означает, что в период их детства и потом, в возрасте созревания их подлинное происхождение тщательно скрывалось семьей. «Часть моих собеседников, — пишет Паулина Цельник, — вспоминала о замечаниях соседей или совсем чужих людей. Замечаниях, касающихся их внешнего вида: глаз, носа, цвета волос и оттенка кожи. Подобные замечания им делали в основном во времена молодости, и это вызывало у них неприятные чувства. Процесс освоения нового знания о своем происхождении бывал по большей части окутан тайной и происходил в одиночестве. Так докапываются до глубоко упрятанной тайны, которая не перестает мучить, словно попавший в ухо комар».



Нет, пожалуй, нужды специально объяснять читателю, хотя бы немного осведомленному об истории XX века не только в Польше, но и во всем блоке государств Варшавского пакта, до чего нелегким делом может оказаться такое внезапно полученное известие, к которому человек никогда не бывает готов надлежащим образом.

Люди, приходившие к Паулине Цельник, чтобы дать ей интервью, в первую очередь нуждались, видимо, в искреннем разговоре с кем-то, кто поймет их ситуацию и сопутствовавшее им чувство потерянности или страха. «Значительная часть моих собеседников считала, что само слово, определение «еврей» является отвратительным, оскорбительным, мерзким и отталкивающим, — вспоминает автор. — Но ведь это же формальное определение человека иудейского происхождения на нашем языке. «Отвратительность» и «мерзость» этого слова не есть результат сцепления нескольких конкретных букв. Это результаты тех культурных, религиозных и социальных коннотаций, которые связаны в польской культуре со словом «еврей». Таких коннотаций много…»

С возникновением представляемой книги связана также любопытная история. Паулина Цельник — проживающая в Тель-Авиве еврейка польского происхождения, по профессии — социолог. Первоначально книга «Неизбранный народ» была задумана как научное исследование, однако, по словам автора, избыток эмоций и аутентичности живого, зачастую весьма болезненного человеческого опыта не позволили ей заключить десяток с лишним историй разных людей, с которыми она провела интервью, в рамки статистических таблиц и формул.

«Эти интервью не покидали меня. Вплетались в мои сны. Друзья… выслушивали мои многочисленные тирады о жизни и человеческой судьбе. Я знала, что кое-какие вещи мне известны, но вместе с тем чувствовала, сколь многого я не понимаю или же интерпретирую ошибочно».

Благодаря всем этим обстоятельствам читатель в конечном итоге получил запись душераздирающих разговоров, которые знакомят нас с разнообразными, более или менее драматическими историями людей, внезапно узнавших, что принадлежат к еврейскому народу — народу, ими самими «не избранному».

Ниже мы представляем читателю обширный фрагмент интервью с человеком, спрятавшимся под псевдонимом «Томек».

Паулина Цельник

Перевод Евсея Генделя

НЕ ИЗБРАННЫЙ НАРОД

(фрагмент книги)

2. Томек
Мужчина, 39 лет. Образование: врач, психиатр.
Место жительства: Варшава

В каком возрасте ты узнал о своих еврейских корнях?
В начале 2010 года. Мне было 38 лет.

Как это произошло, кто тебе сказал?
Происхождение моей мамы всегда было окутано какой-то болью, спрятано в кокон, связано с чем-то невероятно трудным. Все, что я знал в бытность ребенком, — это что у мамы нет родителей, что она выросла и воспитывалась в детском доме.

В Польше?
Да, в Польше. У нее был очень трудный жизненный опыт, и я с детства испытывал ужас при мысли, что меня самого тоже могли подбросить. Мучила навязчивая идея, чудовищный страх, что родители возьмут из детского дома другого ребенка, а меня отдадут.

Обменяют тебя.
Да. Такие страхи посещали меня с самого малолетства.

Я уже давным-давно выспрашивал у мамы, может, что-то известно, может, нам удастся разузнать что-нибудь о ее родителях, о корнях. Она отвечала, что ничего. Единственная история, которую мама мне когда-то рассказала, а я вокруг этого создал какую-то картину, была про то, что она с самых ранних лет помнит, что говорила какие-то слова не по-польски, а дети над ней смеялись — в детском саду, в приюте для сирот. Причем она совсем забыла, что это были за слова, но припоминала, например, что, кажется, называла двери как-то иначе, как штаны — порта, портки. Вот я и придумал, что, наверное, это французское происхождение, ничего другого ведь не было, и я выстроил себе такую версию. Никто у нас в доме этого не анализировал, прошлым никто не интересовался. Мама не знала, кто она такая, и не пыталась ничего искать. Нам удалось разобраться в ее истории только благодаря моему упорству. Мне было очень трудно разговаривать с мамой об этих вещах, о ее детстве. Она плакала, избегала подобных тем. Потом, когда на протяжении последних полутора лет я начал действовать в данном направлении, то часто слышал: зачем я так с ней, за что, неужели у меня нет ни капли жалости, почему я такой бессердечный... С другой стороны, было все же заметно, что мама меня поддерживает, но эмоционально все эти поиски были для нее необычайно тяжелыми.

Это был какой-то внутренний конфликт? Она хотела говорить, но боялась?
Да... Причем знала мама очень немногое, и лишь со временем, по мере выяснения разных фактов все начало складываться... в эту довольно-таки жутковатую историю.

[...]
Дом у вас был католический?
Да, дом был католический.

И остается католическим?

Остается, хотя я изменился. Честно говоря, я не хожу в костел, но для родителей это не представляло никакой проблемы. Моя семья верующая, но никто не настаивает, что католицизм — это единственно правильная вера. В любом случае это тоже важная часть моего происхождения. Я состоял в Клубе католической интеллигенции, где много говорилось об идентичности, об интеллигенции, обсуждались в том числе и еврейские темы. И всегда я был в подобных вопросах невероятно чувствительным. Помню, как еще довольно молодым парнем ездил в Штаты и побывал в Нью-Йорке на выставке, посвященной Холокосту. Я прослезился, начал на нескладном английском писать в книге отзывов о моей скорби и чувстве утраты, а также о том, что поляки — вовсе не антисемиты. Очень все это переживал. Я эту тему всегда воспринимал очень живо, без дистанции. Меня всегда очень волновали болезненные моменты в истории Польши XX века и проблемы взаимоотношений поляков и евреев.

У вас дома говорилось о евреях и поляках?

Да, но это не была какая-то особенная тема, которая бы всё время всплывала.

Как-то раз на одном из профессиональных семинаров ведущая у меня спросила: «Томек, а ты не еврей?»

Почему она так решила?

Потому что все то, чем я занимался и интересовался, подходило к определенного рода духовным исканиям и эмоциональности, которые были типичны для евреев, для нее самой — еврейки из Нью-Йорка, чьи предки жили в окрестностях польского местечка Лиманова.

Она хорошо тебя знала?

Не очень. Я тогда ответил, что нет. А потом подумал, что, собственно говоря, не знаю, кто я такой, ведь неизвестно, какие у меня корни со стороны мамы. Именно тогда в мою душу заронили зерно сомнения, я начал допускать такую возможность, особенно с учетом того, что год назад другой человек из этого же заокеанского общества задал мне аналогичный вопрос. И я подумал: а кто его знает? Но не предпринял никаких существенных шагов, чтобы заняться поисками наших корней. Чувствовал, что какая-то сила меня удерживает, велит не ворошить эту боль, эти раны.

Где-то в тебе есть очень мощная сила, сопротивляющаяся этим поискам.

Я ее победил, так мне думается, но в семье, в нас она все еще жива. Во мне эта сила сидела долгие годы. По-настоящему я начал действовать лишь полтора года назад.

[…] Со стороны мамы я не знал, кто я такой, было только известно, что во время войны маму подбросили монахиням в Варшаве.

В каком году?

Поначалу мы считали, что в 1941-ом. Мама говорила, что сама пробовала узнать хоть что-то. Побывала когда-то в польском отделении Красного креста, чтобы спросить, не искал ли кто-нибудь после войны девочку с такими особенными, как у нее, знаками на боку, и есть ли шансы что-нибудь выяснить. Ей сказали, что шансов нет. Кроме того, она когда-то посетила ту монашескую обитель, где ее прятали, но сестра, которая ее приняла, сразу заявила: «Забудь, доченька. Документов нет. Все сгорело в Варшавском восстании. Ничего неизвестно». Несколько лет назад я сам попытался что-нибудь разузнать. Я поговорил с частным детективом, занимающимся геральдическими проблемами и рассказал ему, какие сведения у меня имеются: что маму подбросили сестрам-монахиням в Варшаве, это был 1941 г., что имя и фамилия у нее ненастоящие, и что на ее теле есть странные знаки.

Мама знает, что ее личные данные ненастоящие?

Да, она знала, что это не ее настоящие имя и фамилия. Тот детектив сказал мне, что выяснить это невозможно, и мне, пожалуй, следует отказаться от расследования, так как сирот в Варшаве тогда

были тысячи. На какое-то время это отбило у меня всякое желание продолжать поиски. Но отмечу, что вдобавок нечто неясное, какая-то «сила» отталкивала меня от этого занятия, словно какой-то антимагнит. Возможно эта сила дала о себе знать и теперь, ведь нам так сложно было организовать эту встречу. Мне было трудно выкроить для этого время, вообще, найти время для себя, конечно, у меня много работы, постоянная спешка, это факт, но все же...

Ты боялся встречи со мной?

У меня не было сомнений, что я хочу встретиться. Я очень хотел, но ждал соответствующего момента, чтобы суметь, понимаешь...

Прыгнуть.

Однако такого момента нет...

Ты здесь.

Да, я здесь, и теперь это произошло на самом деле. До следующего шага я дозревал довольно медленно, так как уже решил для себя, что мы довольно беспомощны в этих поисках, что вряд ли они что-то дадут и лучше за это не браться, поскольку, если что-нибудь найдется, то будет только больно, а зачем это нам… Надо радоваться, что мы есть на этом свете, надо идти вперед, известное дело — война, дети... В течение какого-то времени я пробовал разговаривать с мамой на эту тему, расспрашивая ее о детстве. Прежде всего я срисовал таинственные знаки на ее теле, на правом боку. Мама многие годы их скрывала. Это самая небанальная вещь во всей этой истории, эти странные скарификации*, знаки, иными словами...

Раны?

Шрамы, складывающиеся в знаки, в какие-то пиктограммы, которые, вне всякого сомнения, не случайны, равно как и не носят естественного характера. Они выглядят так, как будто их сделали специально. А мама — какая ирония судьбы! — всю жизнь скрывала их, носила закрытые купальники, чтобы их не было видно; даже я долгие годы не видел их. Мама стыдилась своих знаков, поскольку боялась, что это какие-то фашистские отметины, что в них есть нечто «плохое».

Словно немцы ее заклеймили?

Да, именно так. Я их скопировал.

Мама разрешила?

Да. Помню, как сегодня, — это было воскресенье, январь. Я читал лекцию, закончил ее около часа дня и вдруг почувствовал, что наступил как раз тот самый момент. Сел в машину, день был чудесный. И поехал — я уже знал, где находится та обитель сестер-монахинь, куда подбросили маму. Она на улице Железной. А когда я уже добрался в то место, меня «осенило». Я начал трястись, еле сдерживал слезы и бившую меня дрожь. До меня вдруг дошло, что это Железная. Я почувствовал присущую этому месту энергию, его историю, заложенную в нем идею. Это было очень интенсивное, эмоциональное чувство какой-то трагедии...

Железная находится возле еврейской части Варшавы?

Она как раз там, где стояла стена гетто. Эта страшная стена проходила в точности по Железной, разделяя улицу на еврейскую и арийскую стороны. Поблизости располагался печально знаменитый деревянный мост, который соединял обе части. Вот там-то и была, и по-прежнему там находится, монастырская обитель. Так вот, когда я до конца уразумел все обстоятельства, их осознание оказалось для меня безумно интенсивным, но вместе с тем болезненным и скорбным. Помню тот прекрасный день, ту монастырскую обитель, это был небольшой особняк. Я попробовал позвонить туда, но звонок

* Скарификация — в медицине: механическое повреждение поверхностных слоев кожи. Здесь и далее прим. пер.

не действовал. В конечном итоге мне удалось туда проникнуть. Впустившая меня монахиня спросила, открывая дверь: «Вы кого-то ищете?» А я ей: «Себя, свою идентичность, семью».

Невероятно.

А в ответ: «Ясно, проходите, пожалуйста». Она восприняла мои слова самым нормальным образом, словно нечто подобное уже много раз случалось. Пригласила меня в помещение и сказала: «Хорошо, что вы пришли, только сегодня нет сестры-аббатисы, которая занимается такого рода делами, нашей историей и памятью. А знаете что? Мы сейчас ей позвоним», — и дала мне телефон. Та монахиня ответила, у меня перед глазами стоит эта сцена: я стою там, у них красивый дворик, старая мебель, а я говорю: «Понимаете, я сюда пришел, потому что мою маму подбросили в вашу обитель, ее тут нашли. Это был, пожалуй, 1941 год. Ее зовут Кристина Коваль, но мы знаем, что это ненастоящая фамилия». А еще я сказал: «Вы знаете, это важно и может помочь — у мамы на правом боку такие знаки, как какие-то, не знаю, скарификации, стигматы». А сестра на это с удивлением: «О, а доводилось ли вам читать мои статьи?» Я говорю: «Нет, не читал. Какие?» «Потому что я в них описываю находившуюся у нас еврейскую девочку с татуировками — монахиня употребила именно это слово, — с древнееврейскими татуировками на правом боку; ее нашли в норе под улицей».

Ты не упал в обморок?

Почти. Это действительно было уже что-то, конкретная информация. В результате я условился с монахиней, что мы будем в контакте. Я взял у нее электронный адрес. Она мне потом, кстати говоря, переслала ту статью. И вот с этим новым знанием, позитивно настроенный, с надеждой, что вся эта мучившая меня история обретает форму и смысл, а данное описание относится, скорее всего, к моей маме, я помчался в Еврейский исторический институт. Но там меня сразу же окатили ушатом чудовищно холодной воды. Я потом страшно плакал.

В общем, прихожу в институт, излагаю историю моей мамы. Я взволнован. Рассказываю, в частности, о тех знаках, о какой-то идее или послании, которые, видимо, в них заложены. У меня в сотовом телефоне имелись фотографии маминых знаков. Женщина взяла мой телефон, взглянула на снимки и авторитетно заявила, что эти знаки — не древнееврейские, да и никакие другие. Кроме того, она сказала еще кое-что, чего мне никогда не забыть, но я ее прощаю, потому что впоследствии она мне очень помогла. А сказала она вот что: «Это не может быть правдой. Какая мать согласится покалечить своего ребенка, чтобы что-то передать? Какая нормальная мать сделает такое?» И дальше — что это, скорее всего, какая-то преступная среда, может, какой-то уголовный код. Потом она спросила, какой это был год. «Когда, по вашему утверждению, мать подбросили к монахиням?» «В 1941-ом». «Простите, пожалуйста, но тогда еще не было Холокоста, не было Шоа. И хотя мне не кажется, чтобы это имело смысл, мы можем кое-что перепроверить». Меня тогда ее слова страшно удручили, просто убили — эта инсинуация насчет преступной среды. Вместе с тем это предположение казалось мне абсолютно нелепым, но высказанная ею мысль: «Какая нормальная мать такое сделает?» — ужасно меня мучила. Факты таковы, что мы не располагали в ту пору никакой другой информацией, кроме этих знаков, которые отнюдь не выглядели так, что расшифровать их будет просто. Видишь ли, это же анаграмма, она не могла быть легкой, чтобы каждый мог прочитать, надо было, чтобы немцы были не в состоянии ее расшифровать, чтобы не рисковать жизнью ребенка.

Когда я говорю об этом или думаю, я все время плачу. Вся эта история очень сильно меня задевает, она мучительная, но вместе с тем «сущностная» для моего бытия в мире. Помимо сказанного, на тот момент главная проблема состояла в том, что мы знали мало фактов. Имя и фамилия — вымышленные, даты тоже. Прежде всего, требовались дополнительные данные, чтобы иметь возможность за что-нибудь зацепиться. Да, конечно, у нас есть знаки, довольно-таки исключительная штука, но неизвестно, что они изображают.

В любом случае надежду я возлагал — и, как оказалось, вполне справедливо — на ту монахиню, которая состояла, кажется, аббатисой ордена сестер-францисканок семейства Марии, в чью обитель подбросили маму. Эта сестра обещала поискать какие-то следы, особенно дату принятия мамы в мо-

настырский — не знаю, как он назывался, — сиротский приют с детским садом и школой в Острувке, куда ее переправили из дома на улице Желязной.

Мама была тогда младенцем?

Мама не помнит того периода, и неизвестно, сколько ей было лет. Мы догадывались, что она уже умела ходить, что ей могло быть годика полтора, два, максимум три года. Потом так и оказалось. Сестра пообещала проверить архив в том заведении, куда перевели маму. Было известно, что детей очень быстро перебрасывали с Желязной, где было опасно (гестапо, шмальцовники**). Там спасли многих еврейских детей. Необходимо писать и говорить о деятельности этих монахинь! Они чудесные, потрясающие. Сделали массу добрых дел. И спасали не только еврейских, но и польских детей (детей деятелей подполья Армии Крайовой). Действительно, здание ордена находилось в самом центре циклона, прямо рядом с гетто. По словам аббатисы, детей переправляли в Острувек как можно скорее, обычно в течение двух недель.

Острувек, куда я пока еще не добрался, — это для меня очередной барьер. Я постоянно договариваюсь с мамой, что мы туда поедем, но почему-то мы никак не можем выбраться. Для мамы это тоже трудно. Она же провела там все свое детство...

Мама помнит Острувек?

Да, она помнит те времена. Это совсем другие истории, их я еще расскажу. Итак, Острувек. Сестра-аббатиса пообещала проверить, когда мама в нем очутилась, но и без того было понятно, что почти сразу же после того, как ее нашли. Эта проверка должна была дать нам возможность объективно установить даты и, возможно, пролить свет на мотивировку нанесения этих знаков. Известно было, что, передавая маму в Острувек, монахини должны были создать ей новую идентичность, в частности, наделить ее такой датой рождения, которая позволила бы устроить ее в тамошний детсадик, то есть, чтобы девчушке было, как минимум, три года. Мы, впрочем, давно уже знали, что у мамы все придуманное, — и имя, и фамилия, и дата рождения.

Сестры в этом Острувке были, как бы сказать, малость примитивными, они всячески давили детей, даже били их — словом, к малышам в тамошнем детском доме относились плохо. Этим монахиням явно недоставало образования и сообразительности. Они вели что-то вроде хозяйственной деятельности. Мама помнит коров и поле. Вскоре оказалось, что моя мама умеет хорошо считать, что она умненькая девочка, и спустя какое-то время эта малолетка начала заниматься у них счетоводством. По этой причине ее впускали в контору, и там она каким-то образом нашла свою папку.

Папку?

Она имелась на каждого ребенка. Так вот, в маминой папке было написано только следующее: «Кристина Коваль, подкидыш». И ничего больше. Следовательно, уже тогда к ней пришло это мучительное знание о самой себе — что ее подбросили и что на самом деле про ее семью ничего не известно. Возвращаемся к истории с сестрой-аббатисой. Мне подумалось, что информация о дате маминого приезда в Острувек поможет сложить всю эту историю в нечто цельное. Прошел месяц или два с момента моего разговора в Еврейском историческом институте, и монахине удалось установить, что мама поступила в Острувек 4 мая 1943 г. Это очевидным образом изменило наш взгляд на ситуацию.

Это уже не 1941 год, а...

...а уже давно существует гетто... Значит, уже идет самое настоящее Истребление. Свою переписку с сестрой-аббатисой я переслал сотруднице Еврейского института. Она диаметрально изменила свое

** Шмальцовники — так в период гитлеровской оккупации называли в Польше тех вымогателей, которые принуждали скрывающихся евреев платить им выкуп под угрозой выдачи фашистским властям. Часто эти шантажисты специально разыскивали прячущихся евреев, а затем, вытянув из них последние деньги и ценности, все равно сдавали этих несчастных фашистам.

отношение ко мне. Поскольку стало ясно, что перевод мамы в Острувек имел место незадолго до или сразу же после того, как в варшавском гетто вспыхнуло восстание***. Появился мотив — сознание неотвратимо надвигающегося Истребления.

Мамины родители знали, что погибнут, но попытались спасти свою дочь и передать ей собственную идентичность. 4 мая 1943 г. ее зарегистрировали в сиротском приюте монашеского ордена в Острувке. По документам она родилась 15 мая 1939 г., но, как я говорил, эту дату придумали, чтобы девочку приняли в детский сад. Таким образом, было известно, что на самом деле она младше. Впрочем, в этом мне видится юмористический элемент раскрытия идентичности моей мамы, о чем я еще расскажу. Когда обнаружились указанные факты, мы с сотрудницей Еврейского института решили попытаться все же расшифровать знаки на мамином боку. Они ведь должны были выполнять какую-то функцию. Если бы они служили только для опознания, достаточно было бы сделать какую-нибудь черточку или точку, а тем временем перед нами сложный рисунок. Речь шла о чем-то заведомо большем.

Это могла сделать мать, которая знала, что идет на смерть.

Да. А выяснением значения того, что там изображено, я обязан опять-таки упомянутой даме из Еврейского исторического института. Это она отыскала в Варшаве одного специалиста по антропологии культуры, который интересовался каббалой, а также, шире, разными символами. Он согласился попытаться прочитать наши знаки. И, когда все это началось, я на протяжении нескольких месяцев был, честно говоря, в каком-то ином состоянии сознания. Мне трудно его описать, но внутри меня происходили какие-то непонятные вещи, вдобавок я ощущал, что мы близки к решению этой загадки. Помню первый разговор с той сотрудницей института, которая говорила, что к ним приходит много странных людей, рассказывающих какие-то необычные истории, потому что им хочется об этом поговорить... Я не просто хотел, это была потребность...

Что ты чувствовал?

Чувствовал, что совершается нечто важное. Во мне жило углубленное осознание моих предков — так, как если бы я ощущал их присутствие. У меня было такое чувство, что вершится их воля, что я в каком-то смысле лишь ее инструмент, — как если бы они мною управляли. Тот антрополог культуры, который разгадал тайну знаков, тоже стал чувствовать нечто подобное, в чем признался, когда мы встретились. Вечером, накануне прочтения тех анаграмм, в пустой комнате у него было интенсивное чувство содействующего присутствия кого-то, кто поможет ему расшифровать анаграмму. Да и я тоже попросту ощущал присутствие предков и по-прежнему его ощущаю, но уже менее интенсивно. Речь здесь идет, понятное дело, не о каких-то спиритуалистических историях — я далек от этого, — а всего лишь о сознании того, что нечто свершается, приходит в гармонию, что исполняется воля предков. Я чувствовал, что это происходит, несмотря на разнообразные препятствия: первоначальная позиция Еврейского института, семьи, мамы. Моя сестра тоже спрашивала: «Зачем тебе все это?» В принципе, особой поддержки от семьи я тогда не получил.

[...]

Еще был этот памятный день, среда — тогда после обеда мне позвонила женщина из Еврейского института и сказала, что антрополог прочитал скарификации. Он подтвердил то, к чему мы приближались шаг за шагом. Я сразу же договорился с ним о встрече. Вышло забавно, поскольку оказалось, что он живет в двух кварталах от моих родителей. На следующий день я поехал к нему, и он методично и довольно научным языком объяснил, как ему вообще удалось прочитать эти скарификации, а главное, что они означают. Антрополог говорил, что не знал, как ему за них взяться, но пообщался с одной своей приятельницей, медицинской сестрой еврейского происхождения. Эта

*** Это восстание, являвшееся отчаянной попыткой вооруженного сопротивления ликвидации остатков Варшавского гетто (транспортировку его обитателей в концлагерь Треблинка для уничтожения немцы начали 22 VII 1942 г.), продолжалось с 19 IV по 16 V 1943 г.

медсестра, участвовавшая в хирургических операциях, подсказала ему, что следует рассматривать мамины скарификации через призму потенциальных движений скальпеля, иначе говоря, надрезов. Благодаря этому они заметили, что некоторые из шрамоподобных отметин — двойные и могут быть элементом двух символов или букв. Поначалу он испытывал трудности с пониманием целого. Но как-то вечером он очень отчетливо почувствовал присутствие каких-то доброжелательных, по его словам, лиц или лица. Это было странное, но хорошее событие — он откуда-то знал, что должен лечь спать, а утром все будет ясно. И действительно, как только он проснулся, то просто встал, уже понимая, что означают эти знаки. Как ты думаешь, Паулина, если бы ты очутилась в такой ситуации, — хотя это и невозможно себе представить, ведь мы не в состоянии влезть в шкуру маминых родителей, понять, что они тогда чувствовали, — что бы ты хотела там оставить? Полагаю, это был дедушка. Чувствую, что именно он стоял за всем этим... Я думаю он был связан с медициной, возможно был врачом. Эта операция обязательно должна была проводиться с обезболиванием. Мой коллега, превосходный хирург, проделал экспертизу тех скарификаций на основании фотоснимков. И констатировал, что на маленьком ребенке очень непросто оставить шрам; значит, у мамы должны были вырезать изрядное количество ткани, кожи. И это объясняет сообщение монахинь о татуировке — они так подумали из-за того, что у мамы вырезали очень много кожи. Это место долго должно было выглядеть сильно покрасневшим и опухшим — словно татуировка. Теперь это шрам под цвет кожи; знаешь, понятие скарификации — оно вообще довольно-таки научное, и для тех сестер-францисканок это была татуировка.

Это было имя?

Браво. Как ты полагаешь, там было еще что-либо, кроме имени?

Фамилия?

В точку. Нам такая мысль почему-то сразу не пришла в голову, хотя теперь она кажется очевидной. Это действительно были имя и фамилия, имя — на иврите, а фамилия — латинскими буквами. Две пиктограммы были расположены вплотную друг к другу таким образом, чтобы буквы нелегко было прочитать. Надрезы словно бы приделаны к древнееврейским буквам, означающим имя.

Они затемняли содержание.

Да, делали его непонятным для непосвященных. Одновременно эти надрезы образуют фамилию. В своем отчете антрополог написал, что, скорее всего, надрезы были выполнены примерно за полгода перед тем, как девочку отдали в Острувек. Однако, по мнению хирурга, могло пройти значительно меньше времени. У ребенка раны зарубцовываются быстро, и надрезы могли сделать лишь за несколько недель до того, как малышку нашли. Они были тогда на стадии заживления, отсюда и слова о татуировке. Мои дедушка с бабушкой знали, что погибнут, что это полное уничтожение! А эти имя и фамилия сделаны таким образом, чтобы моя мама всегда знала, кто она такая! Ей достаточно посмотреть сверху и прочитать.

В зеркале.

Да. Когда читаешь снизу вверх, то видно «Сарах» — три древнееврейских буквы: шин, реш, хе — чтобы она знала, что ее зовут Сара и какого она происхождения. А фамилия Тайтель или Тейтель. Но может быть и Таи-тель или Теитель, поскольку нет стопроцентной уверенности, что там «й», а не «и». Могло также иметься окончание «баум», которое уже не «выгравировали» на коже, — тогда получается «Тейтельбаум».

Это еврейская фамилия.

Сара Тайтель.

Ты сказал маме?

Я думал, что лопну, но сохранил хладнокровие. Позвонил маме, было утро четверга. И сказал: «Мама, трудно в это поверить, но представь себе, что один антрополог прочитал твои скарифика-

ции». Мама на это: «Ну, так что же там такое, скажи?» «Нет, не скажу, он тебе все расскажет лично, мы поедем к нему всей семьей, но вообще-то все сходится. У тебя еврейское происхождение, как мы и думали». И все. Маму, разумеется, эта информация очень взбудоражила.

[...]

И много лет спустя ты поехал на улицу Железную.

Да, в 2010 году, приблизительно через 70 лет после тех событий.

И все разузнал?

Ну, не совсем, как тебе известно. Аббатиса собирала и описывала истории спасенных детей. От своей предшественницы и наставницы она получила устное свидетельство — в частности, о еврейской девочке в возрасте около трех лет, которую нашли в норе под тротуаром с татуировкой на правом боку.

Ее усыпили?

Не знаю, могло быть и так. Маму нашли в этой норе под тротуаром, с кусочками сахара. Значит, ее, вероятнее всего, — я разговаривал об этом с сестрой-аббатисой — перебросили на Железную в результате запланированной акции. Монахини должны были найти там девочку и спасти. В эмоциональном смысле это самый трудный эпизод данной истории — когда представляешь себе одинокого, всеми покинутого маленького ребенка в какой-то норе.

А теперь расскажу, как мама отреагировала, когда узнала, что это за знаки. К антропологу мы поехали всей семьей: мама, папа, моя сестра и я. Этот ученый — он очень милый, теплый человек. Шаг за шагом он показывал нам на компьютере, каким образом он пришел к расшифровке скарификации, как прочитал эти надрезы. Наконец, дело дошло до того необыкновенного, трогательного момента, когда этот человек, обращаясь к маме, сообщил, что именно означают в точности ее надрезы, иными словами, как маму зовут на самом деле: «Ваше настоящее имя — Сара». А мама в ответ взглянула с таким взволнованным выражением лица на отца, на нас с сестрой и спросила: «Дорогой, дети, будете ли вы по-прежнему любить Сару?»

Ты сильно привязан к матери?

Я очень ее люблю. И боюсь за нее. Та травма, которую я чувствую где-то внутри, под кожей, она ведь в еще большей степени касается и мамы, только она прячет ее глубоко в себе. Поэтому во мне самом есть внутреннее сопротивление, нежелание копаться в истории ее детства, в ее воспоминаниях, чтобы не вытащить что-то такое... На протяжении большей части жизни, да и сейчас тоже, мне трудно думать о том, что произошло, о Холокосте. Я — человек впечатлительный и чувствую страшную боль, боюсь смотреть фильмы, свидетельства, словно бы я мог в какой-то момент рассыпаться. Вместе с тем я собираю такие свидетельства у себя в книжном шкафу. Боюсь, что, когда я в полной мере почувствую масштаб этого страдания, то для меня мироустройство, весь мировой порядок уже не будут такими же, как раньше, и мир распадется. Но это чувство не доминирует, просто оно где-то там присутствует и ослабевает по мере того, как я осваиваюсь с тем, что открыл для себя.

Но где-то оно существует?

Оно существует, но преобладает облегчение, какое-то умиротворение и радость. Я чувствую себя целым, чувствую, что нечто свершилось.

Что-то заполнилось?

Да, и что-то исполнилось, сбылось. Я не верю в духов или во что-то подобное, но здесь реализуется какая-то сверхмощная воля, сила. Когда у меня в воображении возникает мой дедушка — ибо я чувствую, что это именно он, — то я радуюсь и думаю, что мама являет собой живое свидетельство. Полагаю, деда беспокоило выживание не только ее, но и национальной идентичности. Этому его посланию, этому замыслу пришлось ждать 70 лет, чтобы исполниться до конца.

Как обнаружение твоих корней повлияло на твою идентичность?

Я чувствую себя таким поляко-евреем, именно в таком порядке. Но это не имеет фундаментального значения. Я — гражданин Европы, мира.

Ты доволен, что узнал о своем еврейском происхождении?

Я счастлив по этой причине.

С вашим общественным балластом...

Это самая важная вещь, которая стала для меня жизненным свершением.

Ты говорил перед этим: я поляк, поляк-еврей, поляк еврейского происхождения... Кто же ты такой?

Поляк-еврей. Недавно была годовщина келецких событий****. Я вновь почувствовал себя так, словно получил удар прямо в лицо. Как такое могло случиться? Но знаешь, что? Я психиатр. И часто сталкиваюсь с разными мрачными закоулками человеческого разума. Человек — это по-настоящему сложное и странное существо...

**** Келецкий погром 1946 г. — массовые антиеврейские беспорядки в городе Кельце, в ходе которых антисемитски настроенное польское население провело самый крупный послевоенный погром.

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

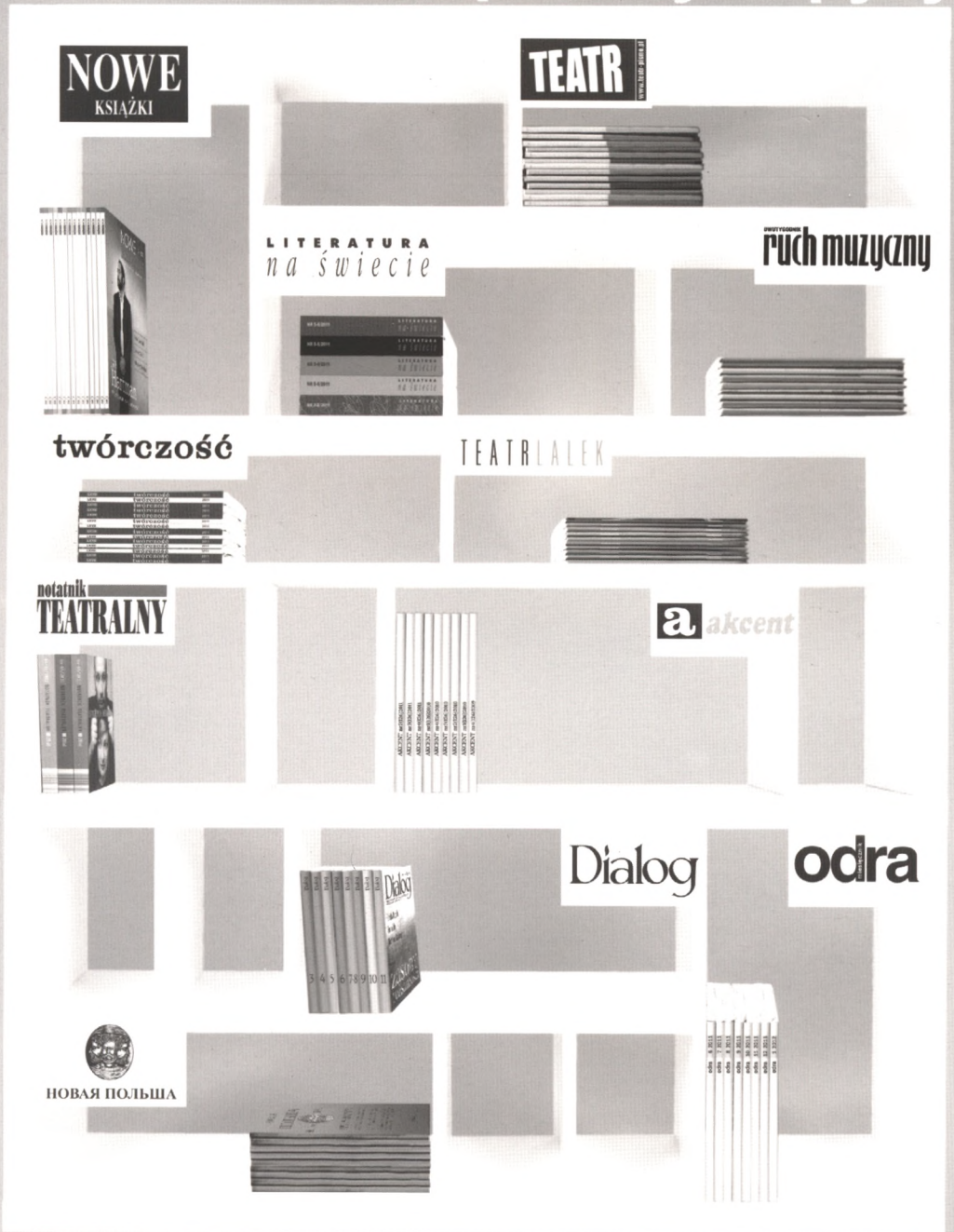
Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT

ISSN 1508-5589